

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный архитектурно-строительный университет»

В.П. Бойко

**ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРИ:
предпринимательство, образ жизни,
социокультурный облик**

Томск
Издательство ТГАСУ
2013

УДК 94(47)(571.1/.5)
ББК 63.3(2)47

Бойко, В.П. Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социокультурный облик : монография [Текст] / В.П. Бойко. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. – 270 с.
ISBN 978-5-93057-504-0

Монография посвящена истории пребывания в сибирской ссылке декабристов, оставивших глубокий след в памяти сибиряков. Эта тема уже достаточно подробно освещалась в исторической и краеведческой литературе, однако осталось еще много «белых пятен» и разночтений, которые отчасти в этой монографии затрагиваются. Первая глава посвящена историографии проблемы, во второй рассматривается предпринимательская деятельность декабристов, третья глава посвящена образу жизни декабристов в Сибири. Большой интерес может вызвать приложение, где собраны личностные характеристики большинства декабристов и их портреты.

Монография предназначена для преподавателей и студентов разных вузов Сибири, для всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)(571.1/.5)
ББК 63.3(2)47

Рецензенты:

докт. ист. наук, профессор **В.П. Зиновьев**;
докт. ист. наук, доцент **В.В. Шевцов**.

ISBN 978-5-93057-504-0

© Томский государственный
архитектурно-строительный
университет, 2013
© В.П. Бойко, 2013

*Любимой жене,
Ольге Евгеньевне,
эта книга посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

В начале ХХI в. как отечественная, так и зарубежная историческая наука мало внимания уделяет проблемам революционного движения, предпочитая им политику, экономику, психологию и менталитет общества досоветского периода. Маятник истории качнулся в обратную сторону, и ученые концентрируют свое внимание на проблемах буржуазного развития страны. История декабризма, равно как прошлое народничества и социал-демократии, пересматривается с позиций ревизии их деятельности и замыслов, подвергая резкой и порой необоснованно жесткой критике планы радикальных преобразований и приемы их реализации. В данной работе ставится цель наметить перспективы изучения движения декабристов по следующим направлениям. Во-первых, это попытка расширить источниковую базу проблемы за счет вовлечения в научный оборот достаточно редких и оригинальных документов, которые прямо или косвенно отражают жизнь и деятельность декабристов. Накопленная в больших объемах информация из архивных или уже опубликованных материалов дает возможность взглянуть на изучаемую проблему по-иному, отступая от уже выработанных традиций и шаблонов. Во-вторых, направления и аспекты изучения жизни и деятельности декабристов, рассматриваемые в настоящей монографии, позволяют, на наш взгляд, во многом по-новому осветить мотивы и результаты деятельности декабристов, более пристально и объективно рассмотреть и понять их внутренний мир, научные, этические и эстетические черты этих незаурядных людей своего времени. Такой подход отчасти нашел свое применение в недавно изданных книгах и статьях. В-третьих, попытаемся отнестись к изучаемым событиям и персоналиям без предвзятости и конъюнктурной односторонности, присущих исследованиям предыдущих периодов, когда идеологический заказ во многом уже определял направленность образов и действий. До недавнего времени

во многом преувеличивалась революционность замыслов многих декабристов в период их сибирской каторги и ссылки, а сейчас зачастую факты их пребывания в Сибири искажаются или умалчиваются, что, на наш взгляд, также недопустимо.

Некоторые материалы, помещенные в монографии, уже были опубликованы в качестве тезисов научных конференций или статей в малотиражных и малоизвестных сборниках. В настоящей монографии они подверглись основательной переработке и помещены в соответствующие разделы. В приложении даны биографические очерки оказавшихся в Сибири деятелей тайных обществ 1820-х гг. и их портреты, позволяющие подробно и обстоятельно познакомиться с этими, в большинстве своем незаурядными, людьми. С другой стороны, такой богатый материал дает возможность показать типичные черты не только дворянского революционера, но и просто русского дворянина, что позволяет детально разобраться в длинной эволюции мнений и суждений о декабристах. Работа начинается с освещения биографии проблемы. Многие исследователи, начиная с самих участников восстания, писали о своем видении движения декабристов, но нас интересует, прежде всего, литература по истории пребывания декабристов в Сибири. Кроме этого, рассматриваются проблемы предпринимательской деятельности декабристов в Сибири, их социокультурный облик. Такой комплексный подход к изучению истории движения даст дополнительный стимул для изучения этой проблемы, позволит заинтересовать новых исследователей, в особенности молодежь. Декабристы, как известно, оказали большое влияние на формирование не только нескольких поколений революционеров, но и на складывание в России общественной и гражданской жизни. Велико было их влияние и в Сибири, где они, судя по всему, и получили свое почетное наименование «декабристы» вместо официально принятого «государственные преступники».

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПРЕБЫВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ

1.1. Дореволюционная историография деятельности декабристов в Сибири

Восстание 14 декабря 1825 г. и его последствия стали одним из ключевых моментов отечественной истории XIX в. Свидетельством значимости этого события является неугасающий интерес к нему историков, культурологов, публицистов, писателей, общественных и политических деятелей. Обратимся к проблеме отражения в исторической литературе сибирского периода жизни некоторых декабристов, в особенности их деятельного участия в местном предпринимательстве. Этот аспект истории декабризма мало затрагивался исследователями как прошлых веков, так и современности. Вероятно, будет правильно начать характеристику поставленной проблемы с трудов самих декабристов и их современников. Из воспоминаний, писем и статей декабристов можно получить сведения об их взаимоотношениях с местными купцами и зажиточными крестьянами, которые являлись главными носителями буржуазных отношений в крае, о деятельном участии декабристов в местном предпринимательстве, о результатах этой деятельности и отношении к ней населения и чиновников. Сохранились материалы об их участии в экономической и общественной жизни края, в распространении здесь грамотности, технических знаний и навыков ремесел, передовых хозяйственных методов и идей, о вкладе в изучение флоры и фауны региона. Использованные в этом разделе работы декабристов являются источниками, но в них содержатся многие оценочные определения и суждения, что позволяет отнести их к научным или историографическим трудам. Остановимся на некоторых из них.

По мнению части исследователей, А.С. Пушкин был первым историком декабризма. Интерес к этой теме проявляется у него и в известном стихотворении «Мой первый друг, мой друг бесценный!», адресованном И.И. Пущину, и «Во глубине сибирских руд» и других стихах, и в сохранившихся письмах, дневниковых записях, набросках будущих произведений, сохранившейся графике великого поэта. Как

пишет Г.А. Невелев, «документальные материалы о декабристах, графически и текстуально законспектированные Пушкиным, являются достоверными историческими свидетельствами, основанными на тщательном изучении собранных поэтом устных рассказов очевидцев и всей совокупности имевшихся в его распоряжении сведений»¹. Широко цитируются строки из письма Пушкина князю П.А. Вяземскому от 14 августа 1826 г.: «повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». Как известно, Верховный уголовный суд осудил 121 человека, Пушкин исключил из их числа Н.И. Тургенева, которого осудили заочно, но не исключил пятерых, хорошо знакомых поэту, повешенных, близких по духу или крови людей.

Широко известны письма В.И. Штейнгеля, которые по своему объему и содержанию, конечно, превосходили рамки эпистолярного жанра, хотя в те времена были не редкостью письма, имевшие широкий общественный резонанс. К их числу можно отнести, например, письма П.Я. Чаадаева и М.С. Лунина. Начало же подобному жанру было положено в самом конце XVIII в. Н.М. Карамзиным, его знаменитыми «Письмами русского путешественника».

Письмо барона В.И. Штейнгеля генералу А.П. Ермолову появилось в печати под названием «Сибирские сатрапы». Оно содержало характеристику правления царских наместников в Сибири. По своей направленности оно было резко критическим в отношении сибирской администрации и сочувственным к местному населению. Даже крупные капиталы и достаточно высокое общественное положение некоторых из их владельцев не спасали от произвола администрации и крутой расправы. Штейнгель и другие декабристы не могли не знать об этом и протестовали, пусть даже в частной переписке и воспоминаниях. Они видели, что местным золотопромышленникам и купцам за взятки чиновникам дозволялось многое, в то же время крупнейшие из них, представители старинных купеческих фамилий Сибиряковых и Мыльниковых, по воле верхов разорялись. Были вынуждены переносить свои резиденции из Иркутска в другие города (Нерчинск и Баргузин), терпя огромные убытки. Крупнейший в Сибири откуп-

¹ Невелев Г.А. Истина сильнее царя... (А.С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 158.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

щик Передовщиков был разорен и отправлен на каторгу в Нерчинск². Штейнгель, как и другие декабристы, был краеведом, его ясный и звучный голос, как отмечал Г.С. Батеньков, доходил до всей честной Сибири, радовал сердце и веселил ум.

Свою точку зрения на историю сибирского предпринимательства имел Д.И. Завалишин, который познакомился с Сибирью, как В.И. Штейнгель и Г.С. Батеньков, еще до декабрьского восстания. Отличаясь, как и многие декабристы, выдающимися способностями и бурной энергией, он уже в 17 лет преподавал в Морском корпусе астрономию, высшую математику и специальные морские дисциплины. Затем Д.И. Завалишин совершил кругосветное путешествие в составе экспедиции адмирала Лазарева и был вызван царем для личной беседы по поводу записки, поданной на имя монарха с планом реформ. Его путь в Петербург лежал через Северную Америку, Дальний Восток и Сибирь. Иркутский губернатор Цейдлер вручил Завалишину мандат для оказания содействия, что сделало его значительной персоной в глазах сибирского населения. По дороге Завалишину было вручено множество прошений и жалоб на злоупотребления местных властей. На основе этого и последующего за ссылкой в Сибирь опыта Завалишин пришел к следующим выводам.

Сибирь издавна страдала под тягостью административного деспотизма, но не имела даже возможности жаловаться, т. к. обычай перехватывать письма был весьма распространен среди местного начальства разного ранга. К тому же Сибирь потеряла доверие из-за множества клеуз и ложных доносов, которые составляли по просьбе сибиряков ссыльные приказные и чиновники, получая за них средства к существованию.

В Сибири не только чиновничество, но и купечество были причастны к злоупотреблениям, однако купцы в большей степени получали деньги честным путем. По мнению Завалишина, «купечество вообще привыкло в Сибири разыгрывать роль аристократии даже относительно чиновников»³. В связи с этим главную ставку в региональных реформах

² Штейнгель В.И. Сибирские сатрапы (Письмо барона В.И. Штейнгеля к А.П. Ермолову) // Исторический вестник. 1884. № 8. С. 380.

³ Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 360.

нужно было делать на местное купечество и слои общества, склонные к предпринимательству, как это происходило в Северной Америке, которую Д.И. Завалишин посетил во время своего путешествия.

Преобразования М.М. Сперанского не привели, по мнению Завалишина, к желаемой цели. Искоренить коррупцию ему не удалось, хотя впечатление о себе он оставил в Сибири хорошее. Что касается его команды, то ревизоры и проверяющие не пользовались доверием крестьян, которые по своему опыту знали: если чиновник не берет взятку, значит, мало предложили. Вызвать доверие к местной администрации у сибирского населения, на наш взгляд, не удалось на всем протяжении рассматриваемого в данной работе периода.

С позиций либерализма рассматривалось пребывание декабристов в Сибири в книге Н.А. Белоголового «Воспоминания и другие статьи», выдержавшей в конце XIX в. за короткий срок три издания. Выдающийся врач, человек высокой культуры, известный общественный деятель, он всю жизнь считал, что многого достиг благодаря воспитанию и образованию, полученному у декабристов. Как писал Белоголовый, его отец был «...купец далеко не богатый, очень деятельный, замечательно умный и не останавливавшийся ни перед какими жертвами, чтобы доставить нам наивозможно лучшее образование, что было тогда (1842 г. – В.Б.) в Иркутске крайне трудной, почти неисполнимой задачей». Автор воспоминаний вместе с братом начал учиться у декабриста Юшневского в деревне Малой Разводной в 5 верстах от Иркутска. Тут же жил А.З. Муравьев, а во дворе их усадьбы в небольшой избушке проживали братья Борисовы. Кроме достаточно тесного общения с декабристами, отец мемуариста помог одному из них, В.А. Бечаснову, устроить в 12 верстах от Иркутска небольшую маслобойню по выжимке конопляного масла⁴. Постоянные поездки купца Белоголового в Нижний Новгород, Москву и даже в Петербург способствовали его сближению с декабристами, потому что он «доставлял контрабандные письма и посылки от них к родным и наоборот и выступал устным посредником между ссыльными и их знатыми столичными родственниками». А.П. Юшневский, до своего ареста действительный статский советник, главный

⁴ Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. Изд. 3-е. М., 1898. С. 3.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

интендант Южной армии, человек безупречной честности, что для такого рода занятий было тогда в диковинку, во многих отношениях человек незаурядный, оставил в душе Н.А. Белоголового «чувство глубокого благоговения».

Такого рода впечатления остались у многих сибиряков, которые входили в контакты с декабристами, но, к сожалению, лишь небольшая часть их задокументирована. Для сегодняшних историков были бы интересны не только крупные события сибирского периода жизни декабристов, но и многие детали этой жизни, мелочи, значительные с точки зрения их современников, которые порой красноречивей фактов. Вот, например, первый опыт в медицине будущего великого врача: «Как-то в начале осени я схватил насморк; Юшневская это за ужином заметила и приказала мне, когда я буду ложиться спать, намазать хорошенько подошвы свечным салом. Я и исполнил приказание буквально, а т. к. в то время я признавал существование подошв только у обуви, то, улегшись в постель, взял свои сапоги и очень добросовестно начал мазать их подошвы салом. За этой работой застал меня Юшневский и с большим изумлением спросил: “Коля, что это за глупости ты делаешь?”», и когда я ему с деловитою озабоченностью ответил: “Марья Казимировна мне приказала от насморка намазать подошвы”, то даже он, этот почти никогда не улыбавшийся человек, не мог удержаться и разразился громким смехом. И долго мне доставалось за эти подошвы и за этот первый опыт моей медицинской практической деятельности»⁵. В то же время немало было, вероятно, случаев, поучительных и комичных, которые показывали наивность ссыльных декабристов при усвоении ими сибирского опыта в жизни и предпринимательстве. Тем не менее, благодаря своей высокой общей культуре, замечательному для того времени образованию, высокой внутренней организованности декабристы оказывали сильное влияние на сибирское общество, являлись серьезной силой, с которой не считаться было нельзя. В то же время нельзя и переоценивать их значение в сибирской жизни.

Вот пример жизни на поселении декабристов в небольшом городке Минусинске. Здесь с 1833 г. проживали братья Беляевы, Петр

⁵ Белоголовый Н.А. Указ. соч. С. 13, 14.

и Александр. Они купили лошадей, плуги и бороны, наняли работников и сделались в полном смысле этого слова фермерами. Еще раньше здесь поселился Сергей Иванович Кривцов, который также занимался земледелием и после Туруханска был почти счастлив. В условиях мягкого и благодатного для сельского хозяйства климата декабристы вели типичную для зажиточных сибиряков жизнь. В 1836 г. к ним присоединился И.В. Киреев, который жил сначала у Беляевых, затем купил дом и женился на абаканской крестьянке Ф.И. Соловьевой. По болезни сельским хозяйством заниматься он не мог и служил заведующим винным складом и писцом в окружном управлении. 4 января 1837 г. Киреев писал Е.П. Оболенскому: «Я не способен ни к торговле, ни к большому хозяйству, разве распахать на будущую весну небольшой участок земли и посеять хлеба... Впрочем, и головные мои боли мешают мне продолжать мои петровские занятия»⁶. В Минусинске Киреев не был просветителем и предпринимателем, он был талантливым художником, которому особенно удавались пейзажи окрестностей городка, он обучал рисованию детей, выступал в роли просителя и ходатая обиженных людей. Его внешность в Сибири под давлением обстоятельств изменилась, и в ней уже было мало героического. «Киреев среднего роста, в усах с проседью, лицо болезненное и печальное. Тяжело смотреть на него. В истасканном нанковом сюртучишке, летом в какой-то теплой неуклюжей фуражке, в теплых сапогах. Он занимается рисованием. Ни копейки денег, воспоминание о прошедшем, горесть настоящего, все соединяется вместе, чтобы его мучить. Он начитанный, толковый и приятный человек, но его сокрушила бедность», – писал член сенаторской ревизии В.Д. Филосов, обследовавший в 1842 г. Восточную Сибирь⁷. Такое изложение фактов вполне типично для официальной точки зрения на положение декабристов в Сибири. С одной стороны, выражается сочувствие к отдельным ссыльным, которые оказались в ужасных условиях, с другой, подчеркивается вина самих декабристов за то, что попали в Сибирь не губернаторами, а каторжанами и ссыльнопоселенцами.

⁶ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 343. Д. 84/5. Л. 29.

⁷ Сборник памяти А.П. Филосовой. Т. 1. СПб., 1906. С. 58.

Своеобразным отказом от прославления декабристов как деятелей революционного движения стала известная книга М. Гершензона «Декабрист Кривцов и его братья», вышедшая в 1914 г. Смена социальных и политических ориентиров произошла после выхода знаменитого сборника «Вехи», где отчетливо прозвучал призыв к интеллигенции отказаться от идеализации революции, от надежд, что она принесет лучшее будущее. М. Гершензон был одним из авторов этого сборника и на примере судеб четырех братьев Кривцовых показывал, что жизнь вне общего для страны культурного контекста, выступление против государственных и общественных устоев приводят к глубокому кризису личности. Только возвращение к естественной и простой жизни дает духовное и физическое здоровье. В центре повествования стоит, конечно, Николай Кривцов, который был героем войны 1812 г., знаменитый тем, что спасал французский госпиталь от кровавой резни, которую хотели там устроить казаки после бегства Наполеона из Москвы. В сражении при Кульме он потерял ногу, но продолжал службу и был одно время тульским губернатором. Павел Кривцов стал благополучным дипломатом, долгое время служил консулом в Риме и распределял среди русских художников немалые средства, поступавшие из Петербурга. Владимир Кривцов – образцовый помещик, а вот Сергей, личность незаурядная, человек обаятельный, не совсем удачно, по мнению Гершензона, присоединился к декабристам. В результате только после искупления своей вины службой на Кавказе он обрел личное счастье. Выйдя в отставку и поселившись в своем имении, он женился на дочери орловского губернатора Сафоновича Анне Валериановне: ему было 55 лет, ей – 20. Управляющим своего имения он взял декабриста А.П. Беляева, прошедшего, как и С.И. Кривцов, Сибирь и Кавказ⁸.

Детальным освещением пребывания декабристов в Западной Сибири отличается книга А.И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири», написанная по архивным документам. Книга была издана в конце XIX в. и получила, несмотря на региональную определенность, широкий резонанс. Достаточно сказать, что рецензии на эту книгу появились в 1895 г. в «Сибирском вестнике», в 1896 г. –

⁸ Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 275.

в «Вестнике Европы», «Русской мысли» и «Восточном обозрении», в 1897 г. – в «Русском вестнике» и «Историческом вестнике». Эти рецензии, конечно, имели различную направленность, отличались объемом и степенью учености их авторов, но были едины в одном – в заинтересованности объектом исследования Дмитриева-Мамонова. Тема, затронутая автором, была свежа и малоизвестна, остра и актуальна, читающая публика хотела узнать своих героев поближе. После стихотворений А.С. Пушкина, романтизирующих поведение и действия декабристов, после статей А.И. Герцена, который считал декабристов «фалангой героев, кованных из чистой стали», трудно было переубедить читателей в привлекательности их подвига. Даже главные герои романа Л.Н. Толстого «Война и мир» Пьер Безухов и Андрей Болконский были обречены по своему образованию, направленности ума и погруженности в нравственные проблемы стать в будущем декабристами. Знакомство с деталями жизни декабристов в Западной Сибири снимало романтический флер с рассматриваемой проблемы, делало облик героев земным и понятным. Стало ясно, что категория декабристов социально и имущественно неоднородна, что их революционность давно иссякла, мысли и дела вполне соответствуют теории «малых дел». Забота о «куске хлеба», устройстве собственного быта, занятия предпринимательством и служба писцами и мелкими чиновниками – все это заставляло забыть об идеалах молодости. Декабристы были в силах только оказывать услуги в сфере непрофессиональной медицинской помощи, в написании жалоб и прошений, защите интересов сибиряков в судах, в педагогической деятельности.

Как считает Дмитриев-Мамонов, суровые климатические условия, тяжелая нужда, которую претерпевали некоторые из поселенцев, «утраченные надежды на лучшее будущее и сожаление о навсегда потерянной связи со своею прошлой жизнью, порождавшей как физические, так и душевные страдания, свели многих из осужденных в могилу»⁹. По нашим подсчетам, из 39 декабристов, находившихся на поселении в Западной Сибири, 15 похоронены на ее территории. Более подробный анализ данных о декабристах в Западной Сибири позволит

⁹ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1905.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

в перспективе воссоздать детальную картину их жизни и деятельности в рассматриваемом регионе. Недоступность многих архивных дел, к которым обращался А.И. Дмитриев-Мамонов в свое время, повышает ценность рассматриваемого труда, делает его незаменимым в прорисовке деталей образа жизни и деятельности декабристов до их переезда в Европейскую Россию.

В капитальном труде В.И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», вышедшем в 1909 г., к сожалению, практически нет сведений о пребывании декабристов в Сибири. После революции 1905 г. обществу нужно было осознать истоки русской революционности, воспользоваться цензурными послаблениями и попытаться учесть уроки прошлого. Но слова об изменении политического курса не были услышаны правительством, и произошло то, чего можно было избежать – национальный кризис. Автор привлекает огромный фактический материал, чтобы доказать свой основной тезис: выступление декабристов было вызвано усилением произвола в обществе и особенно сильно – в армии. Нетерпимая атмосфера, создаваемая правительством после поданных императором надежд на реформы, вызвала со стороны образованных и честных офицеров сначала пассивный, а затем и активный протест. К причинам вольномыслия Семевский относит высокий образовательный ценз декабристов, влияние Западной Европы и выбранного ими круга чтения, знакомство с западными конституциями и увлечение модным тогда масонским движением. Немаловажным обстоятельством являлось и изучение декабристами русской истории, в том числе важных для них проблем противостояния монархической Москвы и республиканского Новгорода¹⁰. К сожалению, В.И. Семевский оставил без внимания такую важную составляющую движения декабристов, как экономика, и не обратил должного, на наш взгляд, внимания на программу экономических преобразований декабристов. Не проследил он и эволюцию их взглядов в последовавший после декабрьского восстания период и историю их пребывания в Сибири.

Свидетельством огромного интереса российского образованного общества к истории декабризма стала художественная литература. Уже упоминавшийся величайший роман «Война и мир» должен был

¹⁰ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

справедливо стать прологом романа о декабристах. В одном из его набросков декабристы, «прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проводившие жизнь в службе, обедах, картах были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым нечем хорошим было и помянуть свою жизнь»¹¹.

Позднее появляется роман Д.С. Мережковского «14 декабря», в основе сюжета которого – борьба между богом и дьяволом, между духом и плотью. Декабристы выведены на первый взгляд как положительное начало, как возмущение «человека» (декабриста Голицына) против «зверя» (Николая I). В результате попытка насильственной борьбы со «зверем» приводит к его усилению и даже порождает его в тех людях, которые вступают в эту борьбу. Усилия Мережковского сводятся к тому, чтобы доказать, что внутренне, по своему душевному строю, декабристы были близки не столько к народу, сколько к императору Николаю. Это, по сути, критика декабристов начала XX в. справа. Хотя и либерально настроенные авторы, например Г. Чулков, утверждали, что декабристы выступали в мятеже 1825 г. как определенный «психологический тип», главной чертой которого была беспочвенность, каждый из них находился под влиянием своего «демона». Декабристы, по мнению Чулкова, утратили связь с «органической целиною жизни» и трактуются им как бессмысленное и бесплодное порождение болезненной психологии участников мятежа¹². В Сибири декабристы, по мнению Чулкова, отчасти преодолели свою оторванность от народной жизни, раскаялись, начали заниматься хозяйством, что сблизило их с местным населением.

В.О. Ключевский точно подметил в истории оппозиционного движения в России периодов конца XVIII и начала XIX в. сходные черты. Связь между старыми и новыми движениями он видел в том, что «отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами, а сыновья по воспитанию были французами, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница между этими настроениями поколений...», – писал, как всегда афористично, великий русский

¹¹ Цит. по: Йосифова Бригита. Декабристы. Пер. с болг. М., 1989. С. 445.

¹² Чулков Г. Из жизни декабристов в Сибири // Наша жизнь. 1906. № 1–4.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

историк. И, развивая свою мысль: «Событию 14 декабря придается значение, какого оно не имело». Ключевский трактовал его как один из гвардейских дворцовых переворотов, какие происходили со смерти Петра. Отличие их было в том, что если раньше гвардейцы действовали во имя нового лица, то теперь во имя нового порядка¹³.

Подтверждение правоты Ключевского находим в ситуациях, возникавших во время допросов декабристов после восстания. Так, П.И. Пестель заявил: «Я еще не убил ни одного царя, а между моими судьями есть цареубийцы». Это был прямой намек на военного министра и председателя Следственного комитета П.В. Голенищева-Кутузова. Повторный укол тот получил в ответ на свое обвинение Н.А. Бестужеву: «Скажите, капитан, как вы могли решиться на такое гнусное покушение?». – «Я удивляюсь, – ответил тот, – что это ВЫ (выделено мною. – В.Б.) мне это говорите». «Бедный Кутузов почти остолбенел», – вспоминал потом А.В. Поджио. Что касается нового порядка, о котором говорил Ключевский, при котором все без исключения граждане должны были стать свободными и подчиняться законам, а не прихотям сановных лиц, то эти идеи были восприняты передовой Россией того времени. В Сибири декабристы не сошли со сцены общественно-политической жизни страны и влияли своим примером и благородными идеалами на общественно-политическую и культурную жизнь государства.

1.2. Изучение истории движения декабристов в советское время

История движения декабристов всегда будет одним из ключевых моментов отечественной истории. В 20-х гг. XIX в. зарождалось не только российское революционное движение, но и закладывались основы общественно-политической жизни страны, определялись дальнейшие пути ее развития. Через столетие после восстания на Сенатской площади и юге России интерес к этой проблеме обострился

¹³ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 200–235.

в связи с тем, что новой коммунистической идеологии нужно было срочно преодолевать уже прочно сложившуюся в исторической литературе либеральную точку зрения, поддерживающуюся известными историками и публицистами того времени. В своих достаточно обширных и монументальных трудах они рассматривали декабристов как движение реформаторов, которое в случае победы должно было привнести в страну демократию и другие либеральные ценности. Видели в нем тот разумный порядок вещей, который преодолел бы мертвящее влияние деспотизма. Либеральным писателям, к которым, прежде всего, относятся В.И. Семевский, М.О. Гершензон, П.Е. Щеголев, А.И. Дмитриев-Мамонов и некоторые другие, была близка интеллигентность декабристов, теория малых дел, которую на практике реализовывали декабристы в Сибири, высокий творческий потенциал участников движения и жертвенность их поступков.

Для марксистов самым важным моментом в деятельности декабристов являлась их революционность. Недостаток решительности в их поступках во время восстания и после него, отказ от привлечения на свою сторону широких народных масс, разборчивость в средствах для достижения своих целей – вот основные грехи декабристов в интерпретации российских революционеров. Во главу угла были поставлены известные слова В.И. Ленина: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»¹⁴. В этих коротких рубленых фразах, как будто предназначенных для листовок, дается формула понимания сущности декабризма как общественного движения, которая стала незыблемой истиной в науке и пропаганде на долгие годы. Этот тезис стал главным рычагом, с помощью которого поворачивалось общественное сознание страны на единственно правильный путь понимания революционного прошлого России на начальном его этапе.

Позиция же самих декабристов наиболее четко проявилась во время пребывания их в Сибири. Только несколько человек из этой плеяды оставались революционерами по убеждениям, демонстрировали их словом и делом, всеми доступными им средствами сопротивля-

¹⁴ Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1961. С. 261.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

ясь режиму. К их числу относятся Иван Сухинов и Михаил Лунин, погибшие на каторге в Забайкалье, Иван Якушкин и Павел Выгодский, оставившие письменные свидетельства о своем нераскаянии в совершенном ими. Были верны идеалам и мечтам молодости Иван Горбачевский, Иван Пущин, Николай Бестужев, Гавриил Батеньков, хотя в своей практической деятельности они предпочитали «добывать хлеб в поте лица своего», занимаясь и обычным для сибиряков предпринимательством, и интеллектуальным трудом, и художественным творчеством (Н. Бестужев). Большинство же декабристов в Сибири отошло от своих юношеских идеалов следовало традиционными житейскими путями. Беря в жены местных женщин либо сожительствуя с ними без заключения брака, декабристы тем самым заочно опровергали ленинский тезис о том, что они были «страшно далеки от народа». Поставленные в тяжелые условия ссылки и поселения декабристы в массе своей не растерялись, не пали духом, а нашли пути обеспечения себя необходимыми средствами, сблизились с местным населением, которое помогало им в тяжелую минуту, получая, в свою очередь, помощь от этих обиженных властью людей. Поэтому чрезвычайно важно рассмотреть отражение этих процессов в советской литературе указанного периода.

В декабре 1925 г. региональная периодическая печать с энтузиазмом отмечала два революционных юбилея – 100-летие восстания декабристов в Петербурге и 20-летие вооруженного восстания в Москве. Конечно, второй юбилей получил более полное отражение. Остались воспоминания многих участников вооруженных боев в центре и на местах. Революция 1905 г. была «генеральной репетицией» революций 1917 г., тогда как декабристов можно было отнести к дедам или даже прадедам Октябрьской революции. Тем не менее в Томске столетний юбилей был отмечен достойно: 27 декабря в актовом зале университета состоялся вечер памяти декабристов. С докладом «Сибирь перед декабрьским вооруженным восстанием» выступил заведующий губернским архивом Н.Н. Бакай. Конечно, докладчик не мог обойти тему проживания в Томске Г.С. Батенькова. Главной причиной его революционности Бакай считал «царствовавший здесь полный произвол. Например, в Томске смотритель тюрьмы Худяков брал взятки со всех прибывающих в тюрьму, а тех, которые не могли дать

взятки, жестоко порол... Не мудрено, поэтому, что у Г.С. Батенькова под влиянием этих злоупотреблений сложилось твердое убеждение о необходимости борьбы с царизмом». Вероятно, этому же автору принадлежит статья о Батенькове, которая более ценна, конечно, сведениями о пребывании его в Томске: «Зиму он проживал на углу Благовещенского и Протопоповского переулков, а лето большей частью в дачной местности Степановка. Здесь до сего времени сохранились дачные постройки, выстроенные Батеньковым во время его жизни в г. Томске. Существует предание, что, спешно уезжая из Томска, Батеньков оставил свой дневник у Лучшевых. А.М. Лучшева, одна из почитательниц Батенькова, сохранила этот дневник и, умирая, просила положить его с собой в гроб. Это пожелание было исполнено»¹⁵. С одной стороны, некоторые факты, оставшиеся в памяти горожан, вызывают у автора настоящего труда сомнения в их истинности, а с другой стороны, даже через 70–80 лет еще сохранились как материальные следы пребывания декабриста в Сибири (дома, которые он строил, в которых жил, где просто бывал, мост через Ушайку и т. д.), так и добрые воспоминания и мифы о нем.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся безыдейность информации о Батенькове, на страницах газеты нашли уже свое место цитаты из произведений Ленина о том, что декабристы «разбудили герценовский “Колокол”». Рекомендовалась литература по теме: брошюры в несколько десятков страниц С. Штрайха (Декабрист Каховский), В. Виленского-Сибирякова (Два юбилея. Декабристы – революция 1905 г.), Н. Дружинина (Кто были декабристы и за что они боролись?), В. Николаева (Николай I и декабристы) и некоторые другие. С оговорками газета рекомендовала капитальные монографии В.И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909) и М.В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов» (М., 1906). Эти авторы, пишет рецензент газеты, «не марксисты, и освещение, даваемое ими, по существу неверно». В то же время революции 1905 г. в столицах и на местах газета уделяла гораздо большее внимание, чем каким-либо другим событиям. Публикации о ней в декабре 1925 г. встречаются почти в каждом номере,

¹⁵ Красное знамя. 1925. 27 дек.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

они объемны, разнообразны и дают всестороннее представление о недавних событиях.

За пятилетие, прошедшее после этого, периодическая печать страны окончательно «осоветилась» — была полностью исключена информативная и академическая составляющая советских газет. Тон по отношению ко всем общественным явлениям прошлого и настоящего из нейтрального и интеллигентного перетек в жесткий и бескомпромиссный. Из газет исчезает коммерческая реклама, резко ухудшается качество: бумага толстая, желтоватая и хрупкая, печать «слепая», с трудом различимая, фотографии — черно-серые пятна. В периодике 30-х гг. идет активное «промывание мозгов», насаждаются идеи тоталитаризма и культ вождизма.

В «Истории ВКП(б)», вышедшей в 1926 г. под общей редакцией Е.М. Ярославского, говорится о декабристах только при характеристике наследия А.И. Герцена. Вслед за ним признаются такие черты декабристов, которые, конечно, их сильно идеализировали: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабоплепия». Далее почти полностью пересказывается уже упомянутая статья В.И. Ленина «Памяти Герцена» с уничижительной характеристикой русского дворянства и либеральных профессоров, с восхвалением всего радикального и революционного. Надо сказать, что эта линия в изучении декабризма была в силу политических и идеологических причин главной, но малопродуктивной. Идеализация исторических персонажей дает прекрасные результаты в художественном творчестве, в научно-популярной литературе. Там образы декабристов вырваны из реальных обстоятельств их жизни. Трудно говорить об идеалах, если в Сибири вчерашний революционер начинал заниматься службой по откупам (оптовой торговлей водкой), поставками приисковых товаров сибирским золотопромышленникам, самостоятельным предпринимательством, которое было сугубо прозаическим, скучным и совсем не благородным для революционера и дворянина делом. В этой связи лучшие работы по истории декабризма изучаемого периода вольно или невольно отошли от ленинской характеристики декабристского движения.

Обратимся к некоторым из них. М.Н. Покровский первым из советских историков дал марксистскую характеристику движения декабристов, развеяв некоторые мифы о них, возникшие в XIX в. Оказывается, декабристы были не идеалистами и героями, а обыкновенными буржуа, сторонниками внедрения буржуазных отношений в экономику и политику России. В своем известном учебном пособии «Русская история в самом сжатом очерке» Покровский видит истоки декабризма, в частности, в том, что известный декабрист Тургенев был замечательным экономистом, автором книги о налогах, основанной на трудах классиков политической экономии. Другой декабрист, Рылеев, был предпринимателем-издателем, правителем дел Российско-Американской компании, эксплуатировавшей Аляску (Русскую Америку). К декабристам был близок московский издатель Селивановский, затеявший издание первой русской энциклопедии. Часто общался с купечеством инженер Батеньков. Вот, пожалуй, и весь набор аргументов в пользу того, что именно промышленный капитал в лице декабристов готовил революцию против торгового капитала.

В отличие от Ленина, Покровский не отрицает опыт и знания либеральных профессоров, не ругает их словами из лексикона извозчиков и даже вполне солидарен с некоторыми из них. Например, с позицией проф. Кавелина, что «всякие ограничения верховной власти в России невозможны, кроме идущих от нее самой». Поэтому, по мнению Покровского, вся оппозиция верховной власти должна была выступать на стороне промышленного капитала: «Буржуазия чем дальше к востоку от Европы, тем подлее и трусливее. Промышленный капитал у нас никогда не правил единодержавно, а все время должен был делиться с торговым, — а тому нужна не только монархия, а и прямо самодержавие»¹⁶. Как видим, факты связывает вполне логичная теория господства сначала торгового, потом торгово-промышленного и промышленного капиталов, которые подчиняют себе все политические и общественные начинания, проникают во все сферы жизни, включая и революционное движение. В этой связи декабристы были заранее готовы к занятиям в Сибири предпринимательством, т. к. в своей

¹⁶ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке (От древнейших времен до конца XIX столетия). М.; Пг., 1923. С. 122.

борьбе стояли за буржуазный путь развития, пытались утвердить господство промышленного капитала вместо диктатуры торгового.

В споре о первенстве Северного и Южного обществ Покровский стоит за радикализм Южного общества и Общества соединенных славян, т. к. там были наиболее образованные и энергичные офицеры, которые не ограничивались пропагандой в среде интеллигенции, а распространяли революционные идеи среди солдат. Движение на юге – мелкобуржуазное крыло декабристов. Пестель в «Русской правде» выступает врагом крупной собственности как буржуазной, так и феодальной. Он, по мнению Покровского, борется за мещан и крестьян, предлагая национализацию земли с вознаграждением и без него с последующим ее разделом между тружениками. Пестель разделял не только социальные убеждения мелкой буржуазии, но и ее предрассудки. Например, был антисемитом и доказывал, что евреи для России очень вредны. Он предлагал отвоевать у турок Палестину и основать там еврейское государство. «Вероятно, – отмечает Покровский, – это вытекало из личных наблюдений Пестеля в Западном крае, где он простоял с полком около 6 лет и имел возможность наблюдать тамошнюю жизнь»¹⁷. В политическом плане Пестель выгодно отличался от аристократов из Северного общества, потому что был демократом по убеждениям и отрицал всякий избирательный ценз, имел проект превращения России в республику.

Заочно, может быть неосознанно, М.Н. Покровский полемизирует с трактовкой деятельности декабристов у Герцена и Ленина. У них декабристы – идеал революционера, выше героев 14 декабря подняться уже некуда, но они не подлинно живые люди, а герои романа. Поэтому декабристы в изображении Герцена и его последователей стояли так далеко от реальной жизни, как вообще жизнь бывает далека от романа¹⁸. Источником такого изложения истории декабристов Покровский считает устные рассказы, исходившие из близких к декабристам кругов, которые сочувствовали им и не заботились о правдивости и объектив-

¹⁷ Покровский М.Н. Из истории общественного движения в начале XIX в. // Декабристы. Сб. статей. М.; Л., 1927. С. 25.

¹⁸ Покровский М.Н. Декабристы (Легенды и действительность) // Декабристы. Сб. статей. М.; Л., 1927. С. 39.

ности своих рассказов. В результате получилась «не фотография событий – это было их эхо». «Пестель был идеологом буржуазной России, – несколько прямолинейно считал сам Покровский, – очищенной от всего крепостнического... Пестель – монтаньяр (революционер. – В.Б.) в полковничьем мундире»¹⁹. В то же время справедливо его мнение о том, что в большинстве своем декабристы – не помещики и дворяне, а интеллигенты. На это обращали внимание и члены Следственной комиссии, которые спрашивали у подозреваемых, где они учились и кто их учил, какими науками интересовались, не слушали ли они особенных лекций, и если да, то по каким предметам.

В 20-е гг. историю декабристов начала изучать М.В. Нечкина – молодой, если не сказать юный, историк. Формально она была ученицей М.Н. Покровского и во многом разделяла в тот период его убеждения, хотя уже тогда наметились некоторые разногласия. В первом томе журнала «Историк-марксист» помещено краткое изложение ее большой работы об Обществе соединенных славян. Как и ее учитель, она намеревалась доказать большую революционность декабристов на юге России. Члены рассматриваемого М.В. Нечкиной Общества были малосостоятельными офицерами, которые жили практически полностью за счет жалованья. По направленности своей деятельности они были интеллигентами, причем зачастую не в первом поколении. Главное достоинство декабристов, считает М.В. Нечкина, – продолжение революционной борьбы. И главную роль в деле продолжения этой борьбы у декабристов в Сибири играл поручик И. Сухинов. Им в 1828 г. был возглавлен заговор в Зерентуйском руднике, который был раскрыт, а участники жестоко наказаны. Шесть человек были приговорены к расстрелу, но Сухинов избежал казни, повесившись накануне на ремне от кандалов²⁰.

Предельная преданность революционному делу, неразборчивость в средствах достижения своих целей, вовлечение в опасные игры не только единомышленников, но и уголовных преступников (ка-

¹⁹ Покровский М.Н. Декабристы (Легенды и действительность) // Декабристы. Сб. статей. М.: Л., 1927. С. 64, 70.

²⁰ Нечкина М.В. Общество соединенных славян (Предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов) // Историк-марксист. Т. 1. М., 1926. С. 174.

торжан) – таковы будут реалии последующей революционной борьбы. В связи с этим позиция М.В. Нечкиной сближается с ленинской характеристикой революционного движения, указывает на связь ее отдельных этапов: «Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен...» и т. д. Направленность работы Нечкиной определена уже подзаголовком ее работы – «Предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов», явившейся, по сути, откликом на популярную тогда теорию «перманентной революции», рассматривавшуюся в контексте скорой мировой революции (еще без влияния преступного троцкистского учения). Тем не менее М.В. Нечкина смогла преодолеть все подводные рифы меняющейся политической ситуации и стала ведущим советским исследователем в декабристоведении и смежных с ним областях.

С.Я. Штрайх, известный еще до революции историк и литератор, заявивший о себе в 20-е гг. как зрелый ученый и стойкий марксист, в эпоху разоблачения провокаторов в революционном движении прошлого проявил себя как автор книг о провокаторе и авантюристе Романе Медоксе и Ипполите Завалишине. Младший брат декабриста Дмитрия Завалишина, он имел патологическую страсть к доносам и организации провокаций²¹. К декабристам эти брошюры имели косвенное отношение, но характеристика некоторых аспектов пребывания декабристов на каторге и в ссылке для читателей того времени была полезна. Провокации и доносы через век после заключения и ссылки декабристов станут не делом одиночек, которых обливали презрением все порядочные люди, но явлением массовым и типичным, одной из распространенных реалий советской жизни. В другой книге С.Я. Штрайха наибольший интерес представляют комментарии к запискам И.И. Пущина о Пушкине и писем Пущина²². В целом Штрайх сочувственно рисует образы декабристов в Сибири, говорит об их занятии хозяйством для получения дополнительных средств, но автора не устраивает обывательский образ жизни бывших героев, их пассивное отношение к ре-

²¹ Штрайх С.Я. Провокация среди декабристов. М., 1925; Его же. Провокатор И.И. Завалишин. М., 1925.

²² Штрайх С.Я. Первый друг Пушкина. С приложением записок Пущина о Пушкине. М., 1930.

акционным властям, жандармам и провокаторам. Больше решительности, активности и опоры на народные массы – и успех дворянским революционерам был бы обеспечен – именно такой в последующем был тезис советской историографии по вопросу о месте декабристов в революционном процессе. В дальнейшем С.Я. Штрайх много сделал для того, чтобы были опубликованы и прокомментированы труды выдающегося декабриста М.С. Лунина.

Благодаря своим работам по истории и литературе пушкинской эпохи получил известность другой писатель – Г.И. Чулков. В брошюре «Братья Борисовы» он рисует внутренний мир молодых людей, живущих в глухой провинции, дает характеристику мелкопоместного дворянства начала XIX в. в лицах. Отец братьев Борисовых – отставной майор, разорившийся помещик, выполнявший архитектурные заказы. Он передал сыновьям талант художника, но не старался «вбить... чрезмерную набожность», – писал потом П.И. Борисов. Хотя братья были из простых и незнатных провинциальных дворян, являлись своего рода чернью для аристократов, но также пришли в тайные общества через масонство. П. Борисов был принят в масонскую ложу «Друзей природы» французом Оливьером в Одессе. Под влиянием Вольтера, Гельвеция, Гольдбаха и других философов стали безбожниками и проповедовали атеизм своим товарищам²³. В Сибири они собирали травы, цветы и делали из них гербарии, составили коллекцию бабочек и насекомых. По заказу иркутских купцов рисовали в альбомы портреты знакомых, делали рисунки сибирской флоры и фауны. В самой популярной работе Г. Чулкова «Жизнь Пушкина», написанной в 1930-е гг. и опубликованной в журнале «Новый мир» в 1936 г., поднимаются важнейшие темы поэтического творчества: поэт и мир, эволюция Пушкина и его мироощущения. В глазах Пушкина, по мнению Чулкова, гибель декабристов – это трагедия героев, идущих на жертву ради народа. И он сам мог примкнуть к этой безумной, с его точки зрения, попытке разрушить основы великодержавной монархии еще и «по мотивам личного достоинства и свободолюбия»²⁴. Все помнят его юношеские стихи: «Пока свободою горим, / Пока сердца для чести живы...», но присоединиться к восстанию не получилось и позднее ро-

²³ Чулков Г. Братья Борисовы. М., 1929.

²⁴ Чулков Г.И. Жизнь Пушкина. М., 1999. С. 196.

дились другие строки, характеризующие склад ума и поведение уже зрелого поэта: «Мой идеал теперь – хозяйка, / Мои желания – покой, / Да щей горшок. Да сам большой».

Пожалуй, самым заметным явлением отечественной литературы по истории декабристов в Сибири были очерки Б.Г. Кубалова «Декабристы в Восточной Сибири». Эта книга получила высокую оценку в обзоре юбилейных изданий по декабристоведению, опубликованном М.В. Нечкиной в ведущем историческом журнале страны «Историк-марксист». Автор детально изучил богатые фонды Иркутского губернского архива, еще не перевезенные тогда в центральные архивы. Б. Кубалов воспользовался редкой возможностью проследить историю пребывания декабристов в крае по воспоминаниям современников или по оставшимся у них в памяти преданиям, по достаточно полно сохранившимся тогда материальным следам пребывания декабристов в Восточной Сибири, особенно вблизи Иркутска. Хотя автор и сетует на недостаток необходимой литературы в «окраинном университете», но основу понимания движения он черпает не из трудов Герцена и Ленина, а из известной работы М. Гершензона «История молодой России», изданной в Петрограде в 1923 г. Понимание Гершензоном сути декабризма глубоко и вполне современно: «Тип декабриста – это, прежде всего, тип человека внутренне совершенно цельного, с ясным, законченным, определенным психическим складом, – человека, которому внутри себя нечего делать и который весь обращен наружу. Осознанное мировоззрение настойчиво требовало участия в жизни, и, главным образом, разумеется, в общественной, которая так далеко отстала от него...»²⁵.

Богатый и разнообразный фактический материал, высокая культура исследования, свободный от догматизма методологический анализ проблемы дали возможность Б. Кубалову подойти вплотную к решению некоторых сложных вопросов декабристоведения. Вот, например, ответ на причины популярности декабристов в Сибири: «Крестьянство увидело в декабристах не только изобретателей, давших ему молотилку, усовершенствованный плуг, не только носителей знания и опыта, которым они бескорыстно делились с земледельцем,

²⁵ Цит. по: Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925. С. 77.

но и людей ценивших в крестьянине прежде всего человека и считавших для себя незазорным не только сдружиться с пахарем, но и войти в его семью, породниться»²⁶.

Такие отношения вступали в противоречие с инструкциями местным властям: декабристам разрешалось приобретать и строить для себя дома, но вести они себя должны были «тихо и скромно, никаких связей и знакомств ни с кем не заводить». В то же время посланные декабристы должны были в местах поселения «снискать себе пропитание собственным трудом» и им были выделены 15-десятинные наделы. По мнению Б. Кубалова, «декабристы делили с крестьянами тяготы их жизни – поднимали новь, обрабатывали землю и ждали от суровой природы милостей». Такой вывод, может быть, несколько поэтизирует прозу сельской жизни, но в дальнейшем автор приводит обширный фактический материал по хозяйственной деятельности отдельных декабристов, который уточняет и конкретизирует эту сторону их жизни. «Живя среди крестьян, декабристы не подчеркивали своего культурного превосходства над ними, – замечает Кубалов, – большинство из них по костюму и образу жизни не отличались от крестьян»²⁷. Этот тезис не совсем справедлив во второй его части, т. к. ссыльные предпочитали носить привычную для себя одежду. В целом же, Б.Г. Кубалову удалось подтвердить известный тезис М. Лунина о важности сибирского периода в жизни декабристов: «Настоящее житейское поприще началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили».

Заметное место в подаче образа декабристов общественному вниманию занимает повесть Ю. Тынянова «Кюхля». В ней на основе детального изучения исторических и литературных материалов создан симпатичный, немного смешной образ В.К. Кюхельбекера. Талантливый писатель и литературовед коснулся сибирского периода жизни декабриста, пересказывая письма И.И. Пущина и других: «Жизнь идет баргузинская и дешевая. На вечерах у почтмейстера Артемова бывают важные люди: лавочник Малых, купец Липкин, лекарь. С женами. Ве-

²⁶ Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925. С. 87.

²⁷ Там же. С. 81, 86.

село с седыми волосами прыгать польку под разбитый звук клавесина прошлого столетия... Весело вертеться с дочкой почтмейстера толстенкой Дронюшкой. У нее калмыцкий профиль, она пищит, веселая и румяная, с ней смешно»²⁸.

Далее писатель приводит известную характеристику жены Кюхельбекера, сделанную И.И. Пушиным в письме к Е.А. Энгельгардту, бывшему директору Царскосельского лицея, с которым ссыльный декабрист находился в постоянной переписке: «Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака (Кюхельбекера. – В.Б.): и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучшее. Нрав ее необыкновенно тяжел, и симпатии между ними никакой. Странно то, что он в толстой своей бабе видит расстроенное здоровье и даже нервные припадки, боится ей противоречить и беспрестанно просит посредничества; а между тем баба беснуется на просторе; он же говорит: “ты видишь, как она раздражительна”»²⁹. Между тем Дросида Артемовна впоследствии была заботливой сиделкой при своем больном и ставшим слепым супруге. Пыталась найти для его лечения необходимые средства и лекарства. Оставшись вдовой, она на два года была пригрета не кем иным, как И.И. Пушиным, у них родился мальчик Иван, которого он усыновил и помог стать врачом. Также от другой сибирячки у него была внебрачная дочь Анна, которая была отдана замуж за некоего Палибина. Однако сам Пушкин жениться в Сибири не захотел и дождался, когда на брак с ним дала свое согласие вдова генерала и видного декабриста М.А. Фовизина, с которой он счастливо прожил остаток дней в ее имении Марьино, написав там замечательные воспоминания о Пушкине.

В дальнейшем историкам и литераторам уже не удавалось столь свободно и раскрепощенно говорить о декабристах. Марксистские догмы, главная из которых «бытие определяет сознание», становятся неременным руководством к действию всех деятелей культуры и науки. Правда, остряки вскоре переиначили этот тезис на «битие определяет сознание», имея в виду жестокие репрессии 30-х гг., заставившие всех молчать о том, что думали и говорить то, чего требовали

²⁸ Тынянов Ю. Кюхля. М., 1994. С. 315.

²⁹ Там же. С. 317.

обстоятельства. В трудах по истории руководящая роль отводилась марксистской идеологии, которая бы все пояснила с единственно правильных ленинских позиций.

Н.М. Дружинин одним из первых среди декабристоведов обратил внимание на плодотворность соединения теории и практики: «Между процессом архивного освоения большого фактического материала и напряженной работой методологической мысли не образовалось глубокой внутренней связи: общие описательные труды обогатили историографию ценными фактами, но совершенно обходили экономическую и классовую основы движения; наоборот, статьи, развивавшие новую марксистскую концепцию, необычайно углубили научное понимание фактов, но не являлись прочным результатом длительного изучения первоисточников»³⁰. Эти слова написаны им в предисловии к своему капитальному труду «Декабрист Никита Муравьев» в октябре 1931 г., в котором Дружинин осуществил попытку соединить большой и оригинальный фактический материал с основными положениями марксизма.

Первая из девяти глав его работы посвящена истокам и предпосылкам декабризма, в ней дана широкая панорама экономической, политической и общественной жизни России в начале XIX в. Автор делает вывод об обусловленности декабрьского восстания кризисом производственных отношений в стране. Н.М. Дружинин рекомендует искать в сибирском периоде жизни декабристов данные о преемственной связи сменяющихся революционных поколений. Самому же сделать это не удалось: Н.М. Муравьев в Сибири превратился во вполне сложившегося хозяина большого земельного комплекса и ни о каких противоправительственных действиях не помышлял. В летние месяцы он становился энергичным агрономом, проводил долгие дни на полях, на расчищенных залежах, в хлебных овинах и в зерновых амбарах. Занятия сельским хозяйством продолжались у него до последнего дня жизни. Муравьевы не ограничивались земледелием. Их дом, расположенный вблизи Иркутска, привлекал внимание иркутских купцов, в первую очередь банкиров Медведникова и Кузнецова, которые предлагали им раз-

³⁰ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 5.

личные способы увеличения капитала. Сначала Муравьевы давали деньги в ссуду, взимая по 8 % годовых, что было, конечно, для Сибири мало и невыгодно для кредиторов. Позднее они перешли к самостоятельным торговым и промышленным предприятиям: устроили мельницу, стали вкладывать деньги в байкальскую рыбопромышленность (что приносило им до 35 % дохода), занялись спекуляциями хлебом (скупка и последующая продажа на винокуренные заводы – 40 % дохода), делали попытки проникнуть в золотопромышленность³¹. Все эти сведения извлечены Н.М. Дружининым из семейного архива Муравьевых, переведены с французского языка и даются в его книге достаточно подробно и добросовестно, несмотря на явное противоречие заявленным тезисам.

Трудно совместить занятия декабристов хозяйством с их революционным прошлым, но, на наш взгляд, в условиях богатой колонирующей окраины, под влиянием роста торгово-промышленных оборотов местного хозяйства усиливался предпринимательских дух населения, который охватил и декабристов. Тем более, что отчасти они уже были готовы – их теоретические изыскания, практические материальные нужды поворачивали к местному предпринимательству, в котором они достигали известных успехов. Советская историческая наука 20–30-х гг. достаточно пристально изучала историю движения декабристов, историю их пребывания в Сибири. Этому периоду соответствовали поиски путей освещения этой проблемы, разнообразие методов и средств ее разработки. Не последнее место в нем занимала проблема предпринимательства. Тем не менее с начала 30-х гг. наблюдается ослабление интереса к этой теме, начинается санкционированная сверху унификация подходов к изучению истории революционного движения, что обедняет и ослабляет поиск научной истины.

Интерес к истории декабризма, по нашему мнению, меняется в зависимости от жесткости и авторитарности политического режима в нашей стране. Результаты исследований этой темы становятся ярче и значимее при либерализации внутривнутриполитических отношений и, наоборот, результативность научной, публицистической и художественной мысли меркнет и почти угасает при ужесточении политического

³¹ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 211, 212.

стройка. Это находится в опосредованной связи с определенной знакомостью проблемы, т. к. с декабристами связана западная и либеральная направленность их деятельности, в то время как противоположная позиция ассоциируется с государственной, консервативной и охранительной тенденцией в общественной и политической жизни общества. Такая разделительная черта может быть условной и нечеткой, но в отечественной историографии XX в. наблюдается явный подъем количества и качества публикаций о декабристах после царского Манифеста от 17 октября 1905 г., в достаточно свободные 20-, 60- и 70-е гг., и падение интереса к этой теме в годы Первой мировой и Гражданской войны, в годы Большого террора и Великой Отечественной войны. На рубеже XX и XXI вв. интерес к проблеме истории революционных движений заметно снизился. Очевидно, это связано с тем, что современное общество не страдает от избытка демократичности и либерализма, а также вполне четко просматривается курс на дискредитацию реформаторства и революционности в отечественной истории и следование исконным традициям Российской империи дома Романовых с его известными идейными ценностями. Краеугольными камнями этого наследия были и остаются православие, самодержавие и народность, которые могут пониматься по-разному, но суть их примерно одинакова во все времена. В рамках настоящей работы нет места для изложения этих принципов, но в отношении декабристов очевидна тенденция – чернение их роли в истории, подача их действий как преступления шайки заговорщиков или умалчение об их существовании. Противникам черного двуглавого орла на золотом фоне, символа династии Романовых, нет достойного места в истории.

Итак, после достаточно долгого периода 30-х и первой половины 40-х гг. пришло время вспомнить о декабристах как объекте исторических исследований. Прежде их рассматривали исключительно по тезисам В.И. Ленина, изложенным в статье «Памяти Герцена». Сразу же после войны выходят две небольшие книги, практически брошюры, написанные непрофессиональными историками – профессором-экономистом с дореволюционным опытом научной работы К.А. Пажитновым³² и старым большевиком В.Н. Соколовым³³.

³² Пажитнов К.А. Экономические воззрения декабристов. М., 1945.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

В них не говорится о главной заслуге декабристов – революционности, а просто пересказываются теоретические принципы их движения и практические дела. Такая постановка вопроса, основанная прежде всего на письмах и мемуарах декабристов, стала вполне оригинальной и вызвала яростную критику со стороны ортодоксальных марксистов.

Большинство историков того времени постоянно доказывали, что, согласно ленинской периодизации революционного движения, в 1825–1861 гг. был дворянский этап этого движения, что требовало подтверждения многими фактами, и в связи с их нехваткой эту революционность искали в Сибири у декабристов. В этом плане наибольшую активность проявляла академик М.В. Нечкина, ее ученики и последователи. Однако в ее двухтомном капитальном труде «Движение декабристов» (М., 1955 г.) только 27 страниц текста из почти 1000 посвящено пребыванию декабристов в Сибири. Очень много говорится о тяготах их жизни на поселении, когда они страдали от невыносимо тяжелых условий проживания, скудости питания, отсутствия медицинской помощи и других тягот. Такой подход – проявление типичного ханжества сталинских времен, когда миллионам людей и их близким были причинены невыносимые страдания, а искреннее сочувствие выражалось декабристам, которые, стоит отметить, получали от правительства денежное содержание, имели право переписки и подачи жалоб, ходили друг к другу в гости, занимались хозяйством на отведенных им 15 дес. земли, женились на местных девушках. Одним словом, хотя и относились к ним как к государственным преступникам, но видели в них людей. Позднее в своих дневниках академик М.В. Нечкина описывала те огромные усилия, которые она прикладывала к созданию своего главного труда «Движение декабристов»: «Вспоминая весь пройденный за этот 1955 год путь и всю проделанную работу, я почти не верю, что смогла выдержать такое невероятное напряжение... Конечно, хотелось еще бы очень многое в ней дописать и изменить...»³⁴ Подобная спешка была вызвана в том числе и желанием властей приурочить выпускаемую книгу к юбилейной дате –

³³ Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946.

³⁴ Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 133.

130-летию со дня восстания декабристов. Вполне возможно, что материалы о сибирском периоде деятельности декабристов вошли бы в третий том этой капитальной монографии.

По мнению же Пажитнова и Соколова, которые знали о революционерах не понаслышке, выходило, что декабристы по своим убеждениям были вполне буржуазны, а образ жизни в Сибири вели даже барский, если, конечно, на это хватало средств, или стремились к нему через организацию хозяйственной деятельности.хлопоты по получению и пересылке семян для своих огородов, хозяйственные заботы занимали их в большей степени, чем бунты и революции, отмечал В.Н. Соколов. Талантливый публицист и мемуарист, он был на местах поселения декабристов, оставил в своих обширных трудах много сведений об их сибирской жизни, собранных по воспоминаниям сибиряков и обширной переписке декабристов, сохранившимся в фонде И.И. Пущина в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Конечно, Взгляды В.Н. Соколова были в том числе наивны и даже отчасти вульгарны, но это был один из первых опытов отхода исследователя от предложенных схем в изложении конкретной темы. Критика в его адрес была суровой и грубой, авторы не щадили заслуг и опыта профессионального революционера, хотя сами имели весьма приблизительные представления о царской ссылке и каторге. Нельзя было не заметить огромный вклад декабристов в экономическое и культурное развитие края, распространение здесь передовых методов ведения сельского хозяйства, технических знаний и навыков ремесла, грамотности и передовых идей, попыток подвести теоретическую базу под занятие предпринимательством местного населения и собственный опыт ведения дел.

Заметным явлением в литературе по истории декабризма стала большая статья Л. Чуковской «Декабристы-исследователи Сибири»³⁵. В ней рассказывается о малозаметных фигурах движения декабристов – братьях Беляевых и Борисовых, о И.В. Кирееве, Ф.Б. Вольфе и некоторых других. Выводы Л.К. Чуковской, дочери известного литератора, во многом противоречили официальной версии о революци-

³⁵ Чуковская Л. Декабристы-исследователи Сибири // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1952.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

онности декабристов. Она считала, что благодаря своей внутренней организованности и большому моральному влиянию на сибирское общество декабристы являлись значительной общественной силой, с которой нельзя было не считаться. Их след в истории Сибири был оставлен не в организации и подготовке будущей революции, а в кропотливой работе по просвещению местного населения, организации научных исследований, хозяйственной деятельности, основанной во многом на передовых методах, высокой нравственности предпринимателя, недоступной, к сожалению, рядовым бизнесменом не только середины XIX, но и начала XXI в.

В том же сборнике помещена не менее большая статья М.М. Богдановой, правнучке декабриста Н.О. Мозгалева о декабристах в Минусинской ссылке, которая сходна со статьей Л. Чуковской по форме подаче материала и выводам. М.М. Богданова ввела в научный оборот большое количество неизвестных сведений, что позволило ей приоткрыть, например, тайну сосланного в Нарым П.Ф. Выгодского. Его современники, Г.С. Батеньков и И.И. Пущин, писали друг другу, что судьба его неизвестна, т. к. он не состоял в переписке ни с кем из деятелей движения. Ошибочная информация о нем помещена в известной книге А.И. Дмитриева-Мамонова³⁶.

М.М. Богданова обнаружила огромный архивный фонд Выгодского, где содержались его «Сибирские размышления» и целый ряд «дерзких и ругательных» статей, направленных против начальства и властей, против царя и веры, за что он был, подобно Лунину, отправлен в более отдаленную ссылку в Вилуйск Якутской губернии и закончил свои дни в Иркутском приюте при католическом костеле. Впоследствии Богданова посвятила ему отдельную книгу «Декабрист-крестьянин П.Ф. Выгодский», изданную в Иркутске в 1959 г. Этот труд носит уже новые черты исследований о декабристах: любовь к фактам и конкретной истории, а не ко всеопределяющей марксистской догме.

В 50-е гг. начала работу по изучению истории декабристов в Сибири известный томский историк Г.П. Шатрова. Работа над темой позволила ей написать кандидатскую диссертацию «Декабристы в Сибири» и в 1958 г. защитить ее в Томске. Сторонники традицион-

³⁶ Дмитриев-Мамонов А.И. Указ. соч.

ного восприятия декабризма как исключительно радикального революционного движения не могли пройти мимо предположения Шатровой об осторожной эволюции декабристов в сторону «либерализма». Главный критик Шатровой, известный историк из Иркутска С.Ф. Коваль, достаточно жестко отзывался обо всех ее работах³⁷. С.Ф. Коваль сопоставляет ее творчество с работой лучшего представителя дореволюционной историографии В.И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (1909). По мнению С.Ф. Ковалья, Семевскому «не удалось освободиться от субъективистских пороков либерально-народнического подхода к движению дворянских революционеров, как движению внеклассовой интеллигенции, лишенной социальной базы и не поднявшихся до уровня революционных политических деятелей...»³⁸ Шатрова, по его мнению, также сбивается с революционной на либеральную точку зрения, что для нашего времени является лестной, а главное, более объективной характеристикой как мировоззрения автора, так и ее трудов.

По мнению Г.П. Шатровой, сдвиг в воззрениях некоторых ссыльных декабристов в Сибири произошел в сторону «революционного просветительства», а остальная часть, эволюционировавшая в сторону «заурядных либералов», сильно сомневалась в правильности избранного пути (тактика военной революции)³⁹. В другой своей статье Г.П. Шатрова продолжает дискуссию с С.Ф. Ковалем, прибегая, как и он, к жонглированию ленинскими цитатами, но ее позиция более убедительна: «С.Ф. Коваль предложил “новую” концепцию сибирского периода декабризма, построенную априори, без необходимой аргументации. Ее “новизна” состоит в упрощении и выпрямлении процесса эволюции декабризма... Несомненно, просвещение было широкой мощной антифеодальной буржуазной идеологией, охватывавшей собой большой период в развитии общественно-политической мысли и содержащей в себе многочисленные потенции, особенно в русском

³⁷ Шатрова Г.П. Декабристы в Сибири. Томск, 1962; Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Г.П. Батеньков в Томске. Томск, 1960.

³⁸ Коваль С.Ф. Об эволюции взглядов декабристов в Сибири (к постановке проблемы) // Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 6–22.

³⁹ Шатрова Г.П. Эволюция декабризма // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 25–35.

варианте, которые придавали просветительству на разных этапах русской истории свои особенности»⁴⁰.

Другая книга Г.П. Шатровой, созданная в соавторстве с А.П. Бородавкиным, была посвящена жизни и деятельности Г.С. Батенькова. Написана она была с ортодоксальных коммунистических позиций. В ней осуждение всего, что исходило от царизма, жестокость и тупость порядков, господствовавших в Сибири в первой половине XIX в. На этом фоне Батеньков выступает как обличитель этих порядков, как дворянский революционер, что не совсем справедливо при характеристике этой своеобразной и романтической фигуры российской и сибирской истории. Декабристы вслед за А.И. Герценом и В.И. Лениным идеализируются, в пользу этого привлекается тезис М.В. Нечкиной о том, что декабристы были «умственным цветом нации»⁴¹.

Разногласия между ведущими историками по изучаемой проблеме привели к тому, что в капитальной истории Сибири Б.Г. Кошко, малоизвестный среди специалистов автор, сделал только обзорный очерк «Декабристы на каторге и поселении». В нем в самых общих чертах приводятся факты их биографий и мировоззрения по давно известным источникам и литературе, в традиционном для того времени ключе говорится о революционности декабристов «во глубине сибирских руд»⁴², что, несомненно, было шагом назад по сравнению с большой статьей Б. Кубалова «Декабристы в Сибири» в незавершенной Сибирской энциклопедии начала 1930-х гг. Крупный исследователь проблемы дает не только историю эволюции сознания декабристов, но и приводит большую таблицу известных на то время декабристов с указанием их перемещений и мест захоронения⁴³.

К 150-летию восстания декабристов большим тиражом вышла книга П.И. Рощевского⁴⁴, где автор рассказывает о ссылке-

⁴⁰ Шатрова Г.П. К вопросу о позднейшей эволюции декабризма // *Сибирь и декабристы*. Вып. 3. 1983. С. 142.

⁴¹ Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Г.С. Батеньков. Серия «Замечательные сибиряки». Томск, 1960. 92 с.

⁴² История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 465–474.

⁴³ Декабристы в Сибири // *Сибирская советская энциклопедия*. В 4 т. Т. 1. А – Ж. Новосибирск, 1929. С. 796–804.

⁴⁴ Рощевский П.И. Декабристы в Тобольском изгнании. Свердловск, 1975. 165 с.

ных декабристах в Тобольской губернии. Рощевский не стремится свести свое повествование к биографиям, как это было сделано 70 годами ранее в книге Дмитриева-Мамонова,⁴⁵ но избежать этого трудно из-за огромного массива архивных документов, обнародованных предшественником. Книга П.И. Рощевского состоит из 11 глав, в каждой из которых рассмотрена история колонии декабристов в тех или иных населенных пунктах губернии. Она рассчитана на широкий круг читателей, поэтому публицистична, эмоциональна. В ней происходит обличение гонителей и возвеличивание преследуемых: «Весь реакционный николаевский полицейский режим, основанный на беззаконии, был особенно беспредельным в отношении политических противников самодержавия... Находясь под строгим полицейским надзором, а точнее – под постоянным полицейским арестом, основная масса сосланных декабристов была лишена возможности улучшить свое материальное положение и влачила нищенское существование»⁴⁶. В этом плане вновь происходило смещение акцентов: вполне либеральная и сносная для жизни царская система подвергалась осуждению, а советская, перемоловшая в лагерную пыль миллионы жизней, как будто не замечалась.

Отдельные главы книги носят такие, например, названия: «В Ишиме искра не погасла», где рассказывается о декабристах А.И. Одоевском и В.И. Штейнгеле, причем первому приписывается принадлежность к демократическому рылеевскому направлению, хотя к этому времени ничего революционного у этого декабриста не осталось. О Штейнгеле здесь говорится, что он был «против богатства как мерила значимости человека и считал, что с монархом необходимо вести борьбу за права человека»⁴⁷. В главе «На севере диком» ведется рассказ о трудной судьбе декабристов, ставших сразу ссыльными в селах и городах Тобольского севера. В главе «Среди лесов дремучих и болот» говорится о декабристах, живших в разное время в Туринске (их было 7 человек), в Ялutorовске (их проживало 9), много декабристов жило некоторое время в Кургане и других городах. С одной сто-

⁴⁵ Дмитриев-Мамонов А.И. Указ. соч. М., 1905.

⁴⁶ Рощевский П.И. Указ. соч. С. 16, 18.

⁴⁷ Там же. С. 32, 39.

роны, описание жизни декабристов делается вполне правильно, с другой, не покидает чувство, что подобное описание уже было в работе Дмитриева-Мамонова, а позиция автора слишком точно следует ленинской концепции о революционности декабристов в Сибирской ссылке с 1825 по 1856 гг.

Самая известная книга писателя Я.А. Гордина называется «Мятеж реформаторов». Она посвящена интриге 14 декабря 1825 г. в Петербурге. С одной стороны, показаны представители претендентов на власть, обвиненных в бонопартизме (Пестель, Трубецкой, Рылеев и даже Батеньков), а с другой – судьба трона Российской империи, которая определялась в высших эшелонах власти. Нас привлекла характеристика двух подполковников, сибиряков по рождению, осужденных по одному (третьему) разряду – Г.С. Батенькова и В.И. Штейнгеля. Оба они показали себя не только честолюбивыми мечтателями, но и трезвыми целеустремленными политиками, оба были сторонниками бескровного переворота⁴⁸. По своей сути книга идеализирует декабристов и отчасти не дает ответа на поставленный в начале вопрос. Реформаторы в среде декабристов не были мятежниками, а сторонники мятежа не были по большому счету реформаторами, т. е. каждая из сторон по своему видела перестройку российского общества на новых началах.

Заметное место в советской литературе о движении декабристов заняла небольшая по объему монография Э.А. Павлюченко⁴⁹. Издавалась она огромными тиражами (последний выпуск, например, был равен 400 тыс. экз.), что в десятки раз превысило тираж ее последующей книги о женщинах-революционерках (25 тыс. экз.)⁵⁰. Объясняется это не столько достоинствами этой книги, сколько всеобщим интересом к теме, когда в лице героинь-декабристок происходило, как и в мрачные времена Николаевской России, освобождение от диктата властей не только в области идеологии, но и в повседневности. В этот период шло формирование нового женского типа, который не только пытался

⁴⁸ Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. 398 с.

⁴⁹ Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. Изд. 4-е, испр. и доп. / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 1986. 160 с.

⁵⁰ Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. 269 с.

противостоять властям, но даже бороться с собой против дочерней привязанности, женской инертности и послушания. «Декабризм, – по мнению Э.А. Павлюченко, – оказал глубокое нравственное влияние на женщин, раскрыл их лучшие душевные качества, пробудил готовность к самопожертвованию, мужество, энергию, показал, что они обладают неисчерпаемым запасом любви и участия»⁵¹. Конечно, в женской прозе, в том числе и научной, эмоциональности бывает гораздо больше, чем в мужской, но резонанс от приезда 11 женщин в Сибирь был, безусловно, велик. Хотя, с другой стороны, жены частенько следовали за своими мужьями в военных походах, дальних служебных командировках и путешествиях. По мнению М.В. Нечкиной, например, проводы М.Н. Волконской (в девичестве Раевской) в Москве вылились в какую-то общественную демонстрацию. А.С. Пушкин был среди провожающих и передал через нее свое знаменитое послание декабристам в Сибирь.

Эта тема привлекла внимание и болгарской писательницы Бригиты Йосифовой. Она написала не научное исследование, не роман, а художественно-документальную повесть, проникнутую преклонением перед русской культурой, перед памятью о декабристах и даже некоторой влюбленностью в отдельных из них (Лунин и Пушин) и особенно в жен, последовавших за мужьями в Сибирь⁵². Книга написана с марксистских позиций. Повествование о декабристах сильно идеализировано, романтизировано и во многом далеко от реалий их сибирской жизни. Целую главу болгарская писательница посвятила защите книги маркиза А. де Кюстина «Россия 1839 года», которая принесла ее автору широкую известность и хорошие гонорары. В России середины XIX в. ее признали за пасквиль, и известный писатель и переводчик Н. Греч написал на нее опровержение. Б. Йосифова как может оправдывает де Кюстина и резко критикует всех, кто осуждал его труд – Ф. Тютчева, В. Жуковского, Н. Греча и некоторых других.

Таким образом, под ширмой единого марксистско-ленинского подхода к истории пребывания декабристов в Сибири в послевоенной историографии кроется достаточно напряженная дискуссия о формах

⁵¹ Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С. 23.

⁵² Йосифова Б. Декабристы. Пер. с болг. М., 1989. 574 с.

и содержании их деятельности, об их отношении к коренным проблемам страны во второй четверти XIX века. Это является достаточно позитивным моментом в понимании поставленной нами проблемы предпринимательства и образа жизни декабристов в Сибири, т. к. открывает новые горизонты в изучении этой, на первый взгляд, простой и достаточно изученной темы.

1.3. Изучение движения декабристов в современной литературе

Скромно и, можно сказать, незаметно проходят в последнее время в нашей стране годовщины и юбилеи событий, имевших огромное значение для истории. Например, 150 лет со дня освобождения России от крепостничества обошлось практически без достойного упоминания и комментариев в отечественной публицистике и средствах массовой информации. Движение декабристов, которое ставило целью ускорить это событие, явившееся поворотным пунктом нашей истории, в этой связи постепенно забывается или становится поводом для чернения образов декабристов и результатов их деятельности. Во главу угла нашей истории возводятся военно-политические события, некоторые из них даже становятся общенациональными праздниками, хотя иногда и специалистам трудно определить, чем вызваны причины того или иного выбора. На наш взгляд, эпохальные изменения взглядов на отечественную историю должны широко обсуждаться специалистами и проходить общественную апробацию через общенациональные референдумы. Тогда знаменательные даты и государственные праздники будут иметь перспективу существовать века, а не считанные годы.

В этой связи отношение к событиям 14 декабря 1825 г. в последнее десятилетие коренным образом изменилось, и коснулось это, прежде всего, средств массовой информации. Резко негативное отношение к декабристам и их организациям выражается в статьях и книгах. Из людей «дела и чести», «поборников свободы и справедливости», борцов с рабством, талантливых поэтов и ученых, героев войны 1812 г.

и друзей Пушкина создают образы негодяев и изменников. Особенно в этом отношении усердствуют сторонники теории заговоров, которые видят в декабристах врагов Отечества. Например, Владимир Брюханов в объемном опусе ставит своей задачей «разоблачение мифа о восстании декабристов, которые вот уже второй век уверенно восседают на идеологическом пьедестале, возведенном для них сначала “либеральной”, а затем советской пропагандой»⁵³. В произведении элементарное нарушение принципа историзма, много смелых предположений и спорных доказательств, исходящих не из исторической правды, а порочащих имеющиеся факты. Текст с большим количеством разного рода ошибок, просторечных и жаргонных выражений.

То же можно сказать о книге Алексея Щербакова «Декабристы. Заговор против России», где молодой криминальный журналист называет всех без исключения декабристов уголовными преступниками, особо не утруждая себя доказательствами. Чего стоят его подписи под портретами: М.С. Лунина – «Самый опасный человек среди декабристов. Большой любитель поиграть с огнем»; И.Д. Якушкина, прославившегося в Сибири как просветитель – «Старая истина подпольной борьбы – дурак страшнее провокатора. Это о нем...». Еще раз помещен портрет Якушкина в молодости в военном мундире капитана Семеновского полка и с Георгиевским крестом в петлице, с подписью, которая должна была относиться к А.И. Якубовичу: «Несостоявшийся цареубийца и мятежник. Кричал много, но действовать не решился»⁵⁴. Об этих книгах, вышедших многотысячными тиражами, полных тенденциозности и лжи, вряд ли стоило бы говорить, если б не болезненный интерес части еще читающей публики к бойкому перу их авторов, к болезненной фантазии, способности видеть кругом подлость, жадность и корыстолюбие.

В юбилейном 2005 г. кроме названных книг были опубликованы в самой массовой российской газете «Аргументы и факты» статьи Виктора Тростникова и Оксаны Киянской под общим заголовком «Декабристы разбудили Герцена и украли миллион». Однако в самом тексте упоминается только о том, что директор Южного общества ге-

⁵³ Брюханов В. Мифы и правда о восстании декабристов. М., Эксмо, 2005. 640 с.

⁵⁴ Щербаков А. Декабристы. Заговор против России. СПб., 2005.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

нерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский в 1823 г. пытался добиться увеличения бюджета своей армии примерно на один миллион рублей, но тогда декабристам помешал якобы граф Аракчеев, заметивший столь серьезное превышение запланированной суммы⁵⁵. Так украли или не украли декабристы миллион? Оказывается, только один из них, А. Юшневский, хотел улучшить материальное положение армии в силу своих должностных полномочий. Почему именно на себя и свои цели должны были декабристы тратить еще не полученные деньги? В недоумении остались уже не тысячи, а миллионы читателей популярного еженедельника. Между тем, еще находясь на каторге, Юшневский получил полное оправдание в подозрении на использование казенных средств в корыстных для себя и тайного общества целях. Не было найдено в его в финансовых делах никаких нарушений, а в Сибири он зарабатывал себе на жизнь преподаванием грамоты купеческим детям, пользовался авторитетом щепетильно честного и порядочного человека, как, впрочем, и практически все оказавшиеся в ссылке и на каторге декабристы.

Тенденция очернения образа декабристов продолжается и через пять лет, в декабре 2010 г. другая массовая газета «Комсомольская правда» отдала свой разворот отрывкам из книги «питерского историка и писателя» Николая Старикова «Кто финансирует развал России?». Подготовила эти материалы к печати журналист Лариса Кафтан. В конце статьи утверждается, что зачинщики восстания были расстреляны. Писатель Стариков мог для обоснования своей идеи придумать такой сюжет, но это значит, что он и все читавшие эту статью перед публикацией были, начиная с начальной школы, элементарно невежественны. Упоминание о других ошибках и издержках этого юбилейного материала на фоне подобной небрежности в отношении фактов становится излишним. Посудите сами: «Не нравятся им (декабристам. – В.Б.) крепостничество и царское самодержавие? Давайте не будем забывать, что в то время рабство имело место в общественной жизни практически всех государств. Желание будущих декабристов изменить государственный строй своей страны после возвращения из Европы так же иррационально, как если бы

⁵⁵ Киянская О. Откуда деньги, Пестель? // Аргументы и факты. 2005. № 50.

сталинские полковники в 1945-м захотели установить в СССР законы шариата»⁵⁶.

Однако и современную хозяйственно-бытовую историю страны авторы рассматриваемой статьи не знают, когда пишут о том, что по Конституции Никиты Муравьева «освобожденные крестьяне получают лишь по две десятины земли (это очень мало, как приусадебный участок в советские времена)». Стиль и пунктуация сохранены нами полностью. Точный период авторы не сообщают, но больше двух гектаров (2,2 га) приусадебный участок не мог быть по определению, т. к. в этом случае деревни состояли бы из отдельных хуторов. Типичный деревенский огород был площадью в 15–20 соток, у многосемейных мог достигать 40 соток, но никогда, даже в Сибири, где было много свободной земли, он не превышал 0,5 га.

Одним из первых современную подачу материала по истории декабризма сделал Ю.М. Лотман, по крайней мере, для автора этих строк чтение его статей стало одной из причин увлечения социальной психологией в исторических исследованиях. Однако не следует забывать, что к его творчеству в этой области нужно подходить осторожно, т. к. декабристы для него лишь пример для построения своего метода анализа и он их отчасти идеализирует, а для историка декабристы и их деятельность должны быть объектом и целью исследования⁵⁷.

Под обаянием исследований Лотмана написано несколько интересных диссертаций, где неожиданно проявляются черты движения декабристов, о которых автор настоящей работы подозревал, но не мог их выразить. Это стремление декабристов видеть во всем положительные, а не отрицательные моменты через устранение, например, конфликтов во время проживания на Петровском заводе, а потом на поселении. Уральский исследователь Г.И. Петрова пишет по этому поводу так: «В любой сфере жизни декабристов обнаруживается направленность на выявление положительных значений, установления достойных человека отношений, создание условий, способствовавших совершенствованию

⁵⁶ Стариков Н. Восстанием декабристов руководила заграница? // Комсомольская правда. 2010. 16–23 декабря.

⁵⁷ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 75–99.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

человеческой природы»⁵⁸. Неожиданный поворот в исследовании предложенной темы, хотя работа этого автора относится к сфере этики и эстетики, с которой историки знакомы слабо, потому возможны некоторые допущения, не характерные для исторических исследований.

Серьезную работу проделал историк Г.В. Косов из Ставропольского университета. Привлекателен его вывод о том, что поражение декабристов переживалось обществом не столько как военная неудача, сколько как подтверждение мысли о несостоятельности замысла возведения европейских норм и институтов на неподготовленную российскую почву. Идеал декабристов, по мнению автора, не вписывался в личность с двойным дном, т. е. у них наблюдался порыв во всем, пренебрежение конспирацией, но, в то же время, они были более близки к народу, чем разночинцы⁵⁹. К такому выводу Г.В. Косов пришел самостоятельно, изучая сибирские материалы по истории пребывания здесь декабристов. Более того, они, декабристы, были ближе к сибирскому населению, чем сосланные революционеры начала XX в.

Широкий резонанс получили в свое время работы С.А. Экштута, занимающего сейчас видный пост заместителя главного редактора журнала «Родина». В своей первой книге, изданной в серии «Первая монография» в 1991 г., автор приходит к оригинальному выводу, что литература о декабристах преимущественно «биографического жанра, который подчинен идее о том, что ренессансных интеллигентов объединяла открытость судьбы, т. е. посвятить жизнь поискам ответов на вопросы, заданные своей эпохе. Эти вопросы были поставлены В.Ф. Раевским и ответы на них искали несколько поколений людей, в том числе несколько поколений революционеров»⁶⁰. В своей докторской диссертации С.А. Экштут более подробно и развернуто говорит о декабризме с философских позиций. Например, заслуживают внимания его слова о причинах вступления молодых людей в тайные общества — «избыток жизни», «беспокойное желание деятельности»,

⁵⁸ Петрова Г.И. Красота как способ жизни (эстетический анализ жизнедеятельности декабристов). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1991. С. 10.

⁵⁹ Косов Г.В. Декабризм в социальной истории России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук, СПб., 1999. С. 23.

⁶⁰ Экштут С.А. В поисках исторической альтернативы. М., 1994. С. 195.

стремление сохранить эмоциональный подъем, порожденный Отечественной войной 1812 г., влияние Европы, по которой они прошли с боями. В свою очередь, их обаяние стало одной из причин увлечения историков и писателей темой декабризма. Библиографическое описание работ по декабризму занимает 4 больших тома. Большинство этих работ отличается обилием фактического материала, богатой эрудицией их авторов, ярким, образным языком и эмоциональной окрашенностью текстов, что делает их привлекательными и интересными для широкого читателя и в наши дни.

С.А. Экштут пытается развенчать эту легенду, когда говорит, что история декабристов трагична, но реконструкция их победы получилась еще трагичнее. По его мнению, при характеристике декабриста П.И. Пестеля и жандарма А.Х. Бенкендорфа обнаруживается поразительное сходство – оба устремлены к наведению порядка в Отечестве, объединены своим происхождением, по национальному и социальному признакам, образованием, карьерой и т. д.⁶¹. Говорит Экштут и о декабристах, якобы связанных со спецслужбами того времени, выполнявших деликатные поручения царя по дипломатической линии, командовавших партизанскими отрядами (М.Ф. Орлов, С.Г. Волконский, П.Х. Граббе, М.А. Фонвизин и некоторые другие), предлагавших решительные меры по организации борьбы, вплоть до печатания фальшивых денег, но доказательная база этого автора, при столь смелых предположениях, явно слабовата.

Напротив, на основе разнообразной и обширной источниковой базы написана книга В.Н. Болоцких. Особенно ярко им описывается просветительская работа декабристов в Ялуторовске. Благодаря собственной насыщенной культурной и общественной жизни они оказывали влияние на местное население, влияли на детей через организацию школ, причем привлеченных в школу детей они не только пытались учить, но и кормили и одевали, т. е. помогали материально. На наш взгляд, ценными являются выводы В.Н. Болоцких, что декабристы содействовали повышению культурного и образовательного уровня ялуторовских жителей, распространяли полезные технические сведения. Информация о «благотворительной и юридической помощи,

⁶¹ Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М., 1998.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

которую оказывали декабристы местным жителям, крестьянам, мелким чиновникам, учителям, ссыльнопоселенцам скудны и отрывочны, но и они позволяют сделать вывод: деятельность эта была широкой и разносторонней. Доброта, справедливость, готовность в любой момент быть полезными сделали декабристов известными в народе и любимыми»⁶².

К вершинам биографического жанра можно отнести монографию И.С. Зильберштейна о декабристе Н.А. Бестужеве. Книга написана на основе огромного и разностороннего материала, включая авторские находки портретов и картин талантливого художника-декабриста. При исчерпывающей полноте изложения отдельных сторон биографии складывается цельная замечательная картина эпохи, в центре которой находится Н.А. Бестужев, а фоном ему служат характеристики декабристов, их жен, представителей местного населения, нарисованных им. В результате получилась такая полифония красок и сюжетов, которые превратили сухой научный труд в произведение искусства⁶³. Недаром книга выдержала несколько переизданий, а ее автор стал лауреатом Государственной премии.

Автор книги о П.И. Пестеле в серии «Жизнь замечательных людей» О.И. Киянская проявила себя как яркий и оригинальный исследователь. В своих академических трудах она достаточно резко противопоставляет свое мнение устоявшимся представлениям. Достаточно сказать, что в автореферате кандидатской диссертации против строк о научном руководителе у нее стоит прочерк. О кредо автора можно судить по следующему высказыванию: «Анализируя служебную деятельность декабристов, в первую очередь лидеров заговора, трудно, практически невозможно противостоять давно укоренившимся в русской культуре представлениям об эпохе 1820-х годов. Согласно им время декабристов – время романтизированного героизма, самопожертвования и честности. “Декабрист в повседневной жизни” представляется нам смелым и решительным оратором, проповедником,

⁶² Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске: мировоззрение и деятельность. Новосибирск, 1989. С. 63.

⁶³ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. Изд. третье, дополн. М., 1988. 680 с.

смысл жизни которого – донести до людей собственные идеи. Представления эти ошибочны»⁶⁴.

С этим положением трудно не согласиться, т. к. автор утрирует устоявшуюся, на ее взгляд, позицию, но в дальнейшем, основываясь главным образом на материалах Военно-исторического архива, она приходит к выводу о том, что «армия тех лет – место интриг, неумеренного казнокрадства, доносов. Естественно, члены тайного общества, обладавшие в армии хоть малой действительной властью, во всем этом участвовали. И чем лучше им удавалось вписаться в повседневный военный быт, тем больше шансов у них оказывалось для реализации своих идей. В этом смысле биографии Пестеля и его ближайшего сподвижника Юшневского весьма показательны»⁶⁵.

Здесь мы не можем согласиться со столь категоричным мнением уважаемого автора. На наш взгляд, люди, которые лучше всего вписываются в систему, легко мимикрируют, широко и охотно пользуются ее недостатками, стараются ее крепить, а не взрывать. О Пестеле может получиться долгий разговор, но вот о Юшневском, как мы уже упоминали, не стоит так резко отзываться. Сама Киянская себе противоречит, когда пишет: «И если власти посчитали возможным официально оправдать каторжника в служебных преступлениях, значит начёт действительно был ошибочным. А Юшневский был честным чиновником, не наживался на продовольственных подрядах и не присваивал казенные деньги, пусть даже и для благородной цели революции в России»⁶⁶. Какое, однако, отличие акцентов в газете, которую читают миллионы, и в монографии, посвященной своим родителям и изданной небольшим тиражом.

Отрадным явлением стала большая статья О.И. Киянской о декабристе С.Г. Волконском, который по происхождению и чинам занимал одно из самых высоких мест в тайном обществе. Герой войн с Наполеоном начиная с 1806 г., командир одного из партизанских отрядов, выполнял, как и П.И. Пестель, тайные поручения в тылу вра-

⁶⁴ Киянская О.И. Южное общество декабристов. Люди и события. Очерки истории тайных обществ 1820-е годов. М., 2005. С. 43.

⁶⁵ Там же. С. 44.

⁶⁶ Там же. С. 48.

га в качестве «секретного лица» – и это дало им опыт в организации тайных обществ. Автором раскрыта и дальнейшая судьба этого незаурядного человека своего времени. Чего стоит упоминание о чудачествах декабриста и его отца, их манера «прикидываться дурачком – одна из заповедей светского повесы и гуляки гусара. Волконский следовал этому эталону и на допросах у императора, и при ответах на вопросы следственной комиссии, которые он делал с огромным количеством орфографических ошибок и крайне запутанно стилистически, невнятно, многословно и часто не о том, о чем его спрашивали»⁶⁷. Следует заметить, что сибирские письма С.Г. Волконского и его мемуары не производят впечатления безграмотной графомании, а наоборот, полны тонких рассуждений, юмора, подчеркивают незаурядный ум автора.

Остается верным наблюдение О.И. Киянской о том, что региональное декабристоведение сегодня сохранилось лишь в Сибири. С.Ф. Коваль, который хотя и ошибочно считает, что в Сибири начинался новый этап развития декабризма, т. к. на сибирской каторге декабристы готовились к продолжению борьбы с царским самодержавием, является самым ярким его представителем. Но остается острая полемика между С.Ф. Ковалем и Г.И. Шатровой, которую мы уже рассматривали выше. Сейчас многие авторы (Н.П. Матханова, Т.В. Любарская, Т.А. Перцева, Е.А. Ячменева, Е.Н. Туманник, Т.А. Бочанова и др.) говорят об огромном культурном влиянии, которое оказывали ссыльные декабристы на развитие края, ищут и находят новые источники и темы для исследования этой актуальной и научно значимой темы. В дальнейшем мнение этих женщин-декабристоведов, факты, почерпнутые ими из различных источников, будут рассмотрены и с благодарностью использованы в последующих главах.

Разработка темы «Сибирь и декабристы» успешно продолжается, хотя количество работ в этой области заметно сократилось. Кроме этого, продолжается, на наш взгляд, слишком эмоциональная дискуссия по некоторым вопросам декабристоведения. Например, привлекает внимание высокомерное замечание А.Б. Шешина о монографии Г.П. Шатро-

⁶⁷ Киянская О.И. Декабрист Сергей Волконский // Отечественная история. 2004. № 6. С. 103, 109.

вой, изданной в 1984 г. в Красноярске: «Автор считает своим долгом показать возможным читателям книги, что ненаучные методы работы и обилие ошибок делают невозможным использование этой книги». И дальше А.Б. Шешин современными методами пытается реконструировать портрет Д.И. Завалишина и его взаимоотношения с императором Николаем I. Однако обилие нового материала в этой статье не может дать ключ к пониманию проблемы, которая волновала умы еще его современников, а именно: можно ли относить Д.И. Завалишина к декабристам или он просто случайный попутчик? Вызывает сомнения в своей правоте и тезис, выдвинутый А.Б. Шешиним о том, что «на первом месте для Завалишина было восстановление христианской нравственности. Этот вопрос был главным для декабриста в течение всей его жизни»⁶⁸. На первом месте для Завалишина был он сам – это следует из его воспоминаний, его публицистики, редкой переписки с коллегами по несчастью. Эгоистичный и хвастливый, задиристый и бесцеремонный в оценке своего окружения, с наполеоновским комплексом величия – это только часть характеристики Д.И. Завалишина, которая осталась вне рамок внимания А.Б. Шешина. В этом же сборнике, правда в статьях Е.Н. Туманик и С.Ф. Коваля, дается совет этому историку вести полемику по истории декабризма более сдержанно и корректно, с большим уважением к участникам дискуссии старшего поколения.

В.О. Ключевский видел в декабристах не только организационную и тактическую беспомощность, но и важный «нравственно-общественный симптом, вскрывший обществу недуги, которые оно само в себе не подозревало»⁶⁹. Эти мудрые слова – классика отечественной исторической науки, – возможно, и не по нутру нынешним политическим и околонуточным деятелям, которым важнее крепить абсолютизм и бюрократизм не без выгоды для себя. Бескорыстно искать истину и свободу, желать благополучия своему народу и жертвовать для этого всем, как это делали декабристы, – вне зоны их понимания общественной и политической деятельности. К сожалению, список работ, подвергающих сомнению подвиг декабристов в целом

⁶⁸ Шешин А.Б. Д.И. Завалишин и Николай I // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. СПб., 2005. С. 409–466.

⁶⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. Т. 5. М., 1989. С. 220.

и отдельных представителей этого движения, постепенно расширяется. К числу таких резких критиков можно отнести Т.С. Мамсик. В одной из своих статей она заметила, что комические черты пушкинского героя графа Нулина соответствуют образу декабристов, потерпевших крушение не только на дороге, но и получивших достойный отпор от российской державы в лице помещицы, в имении которой он нашел приют. Сам помещик находился в это время в отлучке на охоте и это образ не только хозяина имения, но и русского царя⁷⁰. Такое восприятие поэмы А.С. Пушкина «Граф Нулин» вполне допустимо и оказывает честь автору статьи за новаторское ее прочтение.

Однако в следующей статье делается уже не такое безобидное предположение – дается существенное дополнение к списку людей, которые считались доносчиками в деле декабристов. Этот список давно известен – в нем чиновник Бошняк, капитан Майборода, унтер-офицер англичанин Шервуд и подпоручик Ростовцев. Т.С. Мамсик, известный сибирский историк-аграрник, в последнее время посвятившая себя изучению истории общественных и политических движений в России первой половины XIX в., добавила к ним без малейшего колебания Ивана Ивановича Пущина, декабриста, общественного деятеля, мемуариста⁷¹. Попытаемся разобраться в основных посылах автора статьи и доказательствах, которые она использует для чернения этого известного деятеля, ближайшего друга А.С. Пушкина, представителя одной из крупных и влиятельных фамилий русского дворянства той эпохи.

Итак, кто же они были, эти люди, сообщавшие властям о заговоре декабристов? Какова их судьба и место в общественном сознании? Останемся на этом поподробнее, чтобы выяснить, насколько типичны их черты и соответствуют ли эти сведения выдвинутой Т.С. Мамсик гипотезе о предательстве Пущина. А.К. Бошняк (1786–1831) после учебы в пансионе Московского университета служил в Министерстве ино-

⁷⁰ Мамсик Т.С. Поэмы «Гаврилиада» и «Граф Нулин» А.С. Пушкина: Тексты-ключи к «происшествию» 1825 г. // Человек – текст – эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 2. Томск, 2006. С. 172–195.

⁷¹ Мамсик Т.С. Новое прочтение известных текстов: декабрист И.И. Пущин и другие // Человек – текст – эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 4. Томск, 2011. С. 38–63.

странных дел, в Главном управлении мануфактур, а с 1820 г. был чиновником при начальнике Южных военных поселений графе И.О. Витте, по заданию которого вошел в доверие к декабристам и два раза сообщал ему о планах тайного общества. В 1826 г. был вызван в Следственный комитет, дал показания и был отпущен. В том же году был командирован в Псков для тайного сбора сведений об А.С. Пушкине. Затем снова был назначен состоять при Витте, и ему было назначено особое, очень высокое по тем временам, жалованье в 5 тыс. руб. Вместе с корпусом Витте участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 гг., и при отступлении русских войск умер от горячки в г. Баре.

Другой доносчик, А.И. Майборода, служил капитаном в Вятском полку, которым командовал П.И. Пестель, и был принят им в тайное общество. В ноябре 1825 г. сделал на декабристов донос и в виде награды был переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, но вскоре в чине подполковника перевелся в армию. Несколько лет по болезни был в отставке полковником, получая особую, т. е. повышенную, пенсию, а затем снова вернулся на службу командиром Апшеронского полка. Покончил жизнь самоубийством.

И.В. Шервуд родился в г. Кенте близ Лондона. Англичанин, сын механика, выпущенного в 1800 г. в Россию для службы на Александровской мануфактуре. Служил унтер-офицером в Украинском уланском полку, где вошел в круг офицеров, от которых узнал о существовании тайного общества. Летом 1825 г. написал в Петербург донос и был вызван туда к А.А. Аракчееву. Встречался с Александром I, от которого получил задание продолжать свою деятельность. Через Ф.Ф. Вадковского вступил в Южное общество, узнал его программу, состав и цели, сообщил все это снова Аракчееву. В начале 1826 г. был переведен в лейб-гвардии Драгунский полк прапорщиком, высочайше было повелено ему именоваться впредь «Шервудом-Верным» с пожалованием именного герба и денежного пожалования. Однако среди сослуживцев Шервуд не пользовался расположением, получив прозвания «Шервуда-Скверного» и «Фидельки» (распространенная собачья кличка). С 1827 г. выполнял чисто жандармские поручения А.Х. Бенкендорфа, а потом за ложный донос был заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Наконец, самый удачливый из доносчиков – Яков Иванович Ростовцев (1803–1860), юный подпоручик лейб-гвардии Егерского

полка. Писал стихи, переводил драмы, печатался в журналах. В письме к Николаю I 12 декабря 1825 г. донес о готовившемся восстании. После подавления восстания стал адъютантом великого князя Михаила Павловича, видным чиновником в управлении военно-учебными заведениями. В 1833 г. он получил чин полковника, затем генерала, что было типично только в период Отечественной войны и заграничных походов, когда внеочередные звания давались за военные подвиги⁷². На склоне лет Ростовцев был председателем Секретного комитета по крестьянскому вопросу, т. е. осуществил мечту своей молодости – освободил, наконец, крестьян от крепостной зависимости.

Что бросается в глаза при первом приближении к биографическим данным доносчиков. Все они получали за свои дела определенные карьерные и денежные бонусы, существенные отличия и знаки признательности от правительства и от членов императорской семьи. Все они, за исключением Ростовцева, были по своему происхождению маргиналами, не принадлежали к отечественной аристократии, родовитому дворянству, не занимали сколько-нибудь важных постов ни по службе, ни в тайном обществе, не имели значительных чинов и заслуг. Все они были осуждены обществом за свои действия и испытывали сильные, порой смертельные угрызения совести. Насколько это применимо к И.И. Пущину, рассмотрим подробнее.

Как известно, мальчика Ваню Пущина привез в Царскосельский лицей его дедушка, адмирал и Андреевский кавалер (т. е. награжденный высшим орденом Российской империи – орденом Андрея Первозванного), который лично его представил министру просвещения графу А.К. Разумовскому. Его отец – Иван Петрович Пущин (1754–1842), генерал-лейтенант, генерал-интендант флота, сенатор. Мать – Александра Михайловна Рябина была из простой дворянской семьи. За отцом в Осташковском уезде Тверской губернии числилось 20 душ крепостных крестьян, в Бобруйском уезде Минской губернии – 357 душ и дом в Петербурге. Таким образом, И.И. Пущин был представителем служилого дворянства, которое принадлежало к элите общества, не располагая, впрочем, особым богатством.

⁷² Декабристы. Биографический справочник. Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 29, 110, 159, 198.

Воспитывался И.И. Пущин в Царскосельском лицее (одноклассник и близкий друг А.С. Пушкина) с 19 октября 1811 г. по 9 июня 1817 г. Обучаясь в этом элитном учебном заведении, участвуя в многочисленных проделках лицеистов, он приобрел те черты характера, благодаря которым ценил лицейское братство превыше всего, тот культ дружбы, который был затем прославлен в стихах А.С. Пушкина, мемуарах и письмах лицеистов и их учителей. Никакого намека на доноительство в их среде в отношении Пущина и других известных лицеистов не было.

В службу И.И. Пущин вступил прапорщиком в лейб-гвардии Конную артиллерию и начал делать там блестящую карьеру, но по идейным соображениям поступил сначала сверхштатным сотрудником Петербургской уголовной палаты, а 13 декабря 1823 г. был назначен судьей Московского надворного суда. В известном стихотворении «Годовщина 19 октября» в 1825 г. Пушкин писал о Пущине: «...Поэта дом опальный, / О. Пущин мой, ты первый посетил; / Ты усладил изгнания день печальный, / Ты в день его Лицея превратил. / Ты, освятив тобой избранный сан, / Ему в очах общественного мненья / Завоевал почтение граждан». После этих строк даже неловко доказывать невиновность Пущина в донотельстве, но напечатанная в сборнике статья обязывает, т. к. уже имеет определенный резонанс и вызовет, без сомнения, критику, как со стороны научной среды, так и со стороны потомков Пущина и Пушкина.

И.И. Пущин состоял членом преддекабристской организации «Священная артель», Союза спасения (с лета 1817 г.), Союза благоденствия и Северного общества (член Коренной думы, председатель Московской управы), был участником восстания на Сенатской площади. То есть был закоренелым «государственным преступником», одним из видных и авторитетных руководителей тайного общества, в отличие от случайных людей, оказавшихся в этом движении и пошедших на предательство. Это понимали и чиновники, вершившие суд над декабристами, причислившими Пущина к важнейшим деятелям, осужденным по I разряду к смертной казни через отсечение головы, и по конфирмации приговоренных в каторжную работу вечно, которую потом сократили до 15 лет. Никаких послаблений в отношении Пущина здесь не было допущено, хотя обратное пытается доказать Т.С. Мамсик.

По отбытии срока он был обращен на поселение в Западную Сибирь. С 1839 г. – в Туринске, где кроме чтения книг ничем не занимался, в 1843 г. переехал в Ялуторовск, где начал ведение хозяйства. Материально был обеспечен, жил вместе с Е.П. Оболенским, но когда тот женился, стал жить один. По характеристике местного начальства был «поведения хорошего». После амнистии 1856 г. вернулся в европейскую Россию и получил разрешение посетить в Петербурге свою сестру Екатерину Набокову, вдову генерала, которую ранее навещал 30 лет тому назад, в январе 1825 г. в Пскове, по пути посетив и своего опального лицейского друга А.С. Пушкина в с. Михайловском. Т.С. Мамсик подозревает плохое во всем, в том числе и в посещении Пуциным Пушкина, находившегося в изгнании, но повод для такой поездки был найден вполне убедительный: свидание с сестрой. Покойный муж ее – генерал И.А. Набоков, герой Отечественной войны, командовавший дивизией. Следует отметить, что это был родной брат прадеда великого русского писателя В.В. Набокова. По изысканиям историков и генеалогов, дворянские роды пушкинской эпохи были в кровном родстве, и мараť фамильную честь, выдавая безродным жандармам своих братьев, была низость, на которую они никогда бы не пошли в силу корпоративной солидарности⁷³.

22 мая 1857 г. Пуциным был заключен брак с Натальей Дмитриевной Апухтиной. Через два года после женитьбы И.И. Пущин умер и был похоронен в Бронницах у городского собора. Последние годы своей жизни И.И. Пущин жил в имении Марьино Бронницкого уезда Московской губернии, принадлежавшем его жене. Он был занят писательским трудом – создал замечательные мемуары о А.С. Пушкине. Через всю жизнь он пронес отрадные воспоминания о Лицее, о моменте, когда А.Г. Муравьева в Чите передала через частокол острога стихи Пушкина, где было написано ныне всем известное: «Мой первый друг, мой друг бесценный, / И я судьбу благословил, / Когда мой двор уединенный, / Печальным снегом занесенный, / Твой колокольчик огласил...». Вспоминает Пущин и привет от Пушкина в послании 1827 г. «Бог в помощь вам, друзья мои, / И в счастье, и в житейском

⁷³ Старк В.П. В.В. Набоков – родословные отражения // Набоковский вестник. Вып. 2. Набоков в родственном окружении. СПб, 1998. С. 9.

горе, / В стране чужой, в пустынном море / И в темных пропастях земли». Особенно пронзительно описывает Пущин свои переживания при известии о смерти поэта, свои размышления по поводу того, «что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз, и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю»⁷⁴.

Таким образом, предположения о предательстве и доносителъстве Пущина – плод какой-то болезненной мнительности, результат поразительной энергии, достойной лучшего применения. За двести лет не найдено ни одного свидетельства для основания этой версии, а заключать, что содержание декабристов в Чите, а потом в Петровском заводе для удобства Пущина держать их под своим контролем, что поселили его в Ялуторовск, стоявший «на тракте и миновать его не мог ни один путешественник, едущий в Сибирь и обратно» – это не аргумент, а ничем не подкрепленное подозрение. Подвергается сомнению и моральный облик декабриста из-за того, что адресатов и слушателей своих он развлекал анекдотами и другими рассказами о жизни и творчестве В.К. Кюхельбекера. Дружеские шутки и эпиграммы лицеистов, в том числе и Пушкина, известны еще благодаря повести Ю. Тынянова «Кюхля», уже в названии которой содержится изрядная доля доброго подтрунивания над неловким поэтом. А вот делать вывод, что Кюхельбекер «владел информацией опасной для репутации Пущина» и тот, в свою очередь, выставял его безумцем, – предположение, на наш взгляд, лежащее за гранью добра и зла. Нельзя видеть в каждом человеке пушкинской эпохи агента тайных служб, как это было в сталинское время в стране, придавленной очередным витком порабощения.

И уж совсем неприлично выставял все семейство Пущиных провокаторами: Павла – на юге, Ивана и Михаила – в Петербурге. «Совершенно очевидно, – пишет Т.С. Мамсик, – что Михаил получил офицерское звание не в армейской службе, а по линии тайной разведки». Никаких доказательств, кроме назначения его на пост коменданта Бобруйской крепости, не прилагается. Но далее в этот спи-

⁷⁴ Пущин И.И. Записки о Пушкине // Декабристы. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 219.

сок вносится брат Николай, юрист, служивший по ведомству МВД, младший брат Петр, служивший в Почтовом департаменте, сестры Анна и Екатерина⁷⁵. Подобные утверждения сродни фантастическим обвинениям времен большого террора, когда, например, обвиняли в шпионаже в пользу Японии людей, не знавших, где эта страна находится. Объяснялось это тогда политической паранойей руководителей государства, стремлением уничтожить у общества способность реагировать на любые преступления властей. Что же сегодня заставляет так думать и писать? Вероятно, желание считать «души высокие порывы» декабристов не подвигом, не самопожертвованием, а стремлением, столь свойственным нашему времени, получить от режима свои выгоды.

В заключение вспомним классическую работу по истории декабризма Ю.М. Лотмана, где он пишет, что «весь облик декабриста был неотделим от чувства собственного достоинства. Оно базировалось на исключительно развитом чувстве чести и на вере каждого из участников движения, что он – великий человек... Это заставляло каждый поступок рассматривать как имеющий значение, достойный памяти потомков, внимания историков, имеющий высший смысл»⁷⁶.

Таким образом, при изучении истории декабризма выделяются в наши дни два подхода: один с верой в благородство декабристов, другой – поиски в их деятельности подлых и низких мотивов. Вероятно, пришло время делать свой выбор в пользу одного из них.

В сибирской каторге и ссылке декабристы помнили о принципах и следовали им в своей просветительской и гуманистической практике. Деятельность И.И. Пущина являлась тому примером. Он не скрывал в письмах своих умонастроений. Так, в обширном письме директору своего Лицея Энгельгардту, открыто высказывает свое мнение о Сибири: «Управление здесь то же самое, что и за Уралом, с одною только существенно коренною выгодой: нет крепостных. Это благо для всей Сибири, и такое благо, которое имеет необыкновенно полезное влияние на край и без сомнения подвигает ее вперед от России.

⁷⁵ Мамсик Т.С. Новое прочтение известных текстов: декабрист И.И. Пущин и другие // Человек – текст – эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. Вып. 4. Томск, 2011. С. 59, 60.

⁷⁶ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 69.

Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она могла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы – богата всеми дарами царства природы. Измените постановления, все пойдет улучшаться»⁷⁷. Ни по содержанию, ни по форме это письмо никак не тянет на донос, хотя директор Царскосельского лицея мог при случае показать это письмо царю, который часто бывал в Екатерининском дворце Царского села. Однако это бы вызвало бурю возмущений, а затем и репрессии, поскольку в нем провозглашались областнические идеи, которые преследовались и при несравненно более либеральном режиме сына Николая I – Александре II. Здесь же уместно напомнить об отношениях, которые возникли между ссыльными декабристами и сибиряками: «Масса принимает за лекарей всех нас, и скорее к нам прибегает, нежели к штатному доктору, который всегда или большей частью пьян и даром не хочет пошевелиться. Иногда одной магнезией вылечишь, и репутация сделана, так что потом насилу можешь отговориться, когда является что-нибудь серьезное, где надобно действовать со знанием дела, или, по крайней мере, ученым образом портить и морить»⁷⁸.

В защиту Пущина можно привести еще много образцов его эпистолярного наследия, отзывов друзей и авторитетные мнения позднейших исследователей. В качестве примера укажем, например, на труды Н.Я. Эйдельмана, который с первой своей монографии, посвященной тайным корреспондентам герценовского «Колокола» и до последней, где анализируются российские реформы, не мог пройти мимо истории декабристов. Наибольшее внимание специалистов историков привлекли, конечно, его академические работы «Пушкин и декабристы» и «Лунин», изданный в серии ЖЗЛ. Однако и в популярных изданиях, рассчитанных на широкий круг читателей, Эйдельман мастерски, на основе реальных документов, рассказывает о первом декабристе М.Ф. Раевском и Большом Жанно – Иване Пущине. «В последней книге перед читателями возникает образ благородного и умного человека, который вел грандиозную переписку со ссыльными друзьями,

⁷⁷ Цит. по: Штрайх С.Я. Первый друг Пушкина с приложением записок Пущина о Пушкине. М., 1930. С. 112, 113.

⁷⁸ Цит. по: Штрайх С.Я. Указ. соч. С. 117.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

как никто другой заботился о них, их детях и вдовах и, вдобавок, “хлопотал” за всех, кто к нему обращался»⁷⁹.

«Рыцарем правды» назвал Пущина С.Г. Волконский, что для бескорыстных и нравственно чистых людей их круга было высшей похвалой. Когда декабристов одолевали тяжелые мысли, они спешили написать письмо Ивану Пущину и выговориться, поделиться сомнениями и переживаниями и в ответ неизменно получить спокойный и мудрый совет. Все это стало известно благодаря сохранившейся обширной переписке И.И. Пущина (свыше 700 писем), которая еще долго будет интересовать многих исследователей истории и культуры России. Его письма – небольшой срез эпохи, где отразились черты характера и ум не только декабристов, но и многих их современников, их помыслы, надежды, разочарования, споры, интересы и т. д.

Поучительно и полезно рассмотреть некоторые позиции зарубежных авторов в отношении декабристов. Например, американский историк Джеффри Хоскинг считает, что провал восстания на Сенатской площади в конце 1825 г. был критическим моментом в развитии России. Декабристы были дворянами и офицерами, и они заблуждались, действуя так, будто гражданскому (правовому) обществу можно было служить как государству... Между прочим, уже сами декабристы это осознавали, когда говорили на следствии, что все, в том числе и император, если монархия останется, должны будут подчиняться закону в случае их победы. Затем эти идеи развивали В.И. Семевский и В.О. Ключевский в своих работах, посвященных этой теме. Дальше Дж. Хоскинг говорит: «Декабристы колебались между империей, которой они были обязаны своим высоким положением, и народом, которому они хотели служить, пусть даже с позиций покровительства. Они не смогли выработать приемлемой политической программы. Представители российского высшего общества в большинстве своем поддерживали устремления декабристов, но они были против восстания как метода борьбы. Так думал, например, А.С. Пушкин».⁸⁰ Можно было бы поспорить о программе преобразований в случае победы, она была, и даже не одна, но про них мало кто знал. Избранные единицы –

⁷⁹ Эйдельман Н.Я. Большой Жанно: повесть об Иване Пущине. М., 1982. 366 с.

⁸⁰ Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2 кн. Кн. 1. Пер. с англ. М., 2003. С. 330.

разработчики и особо доверенные лица. Что касается Пушкина, то к такому выводу он пришел, как уже отмечалось в этой главе, через несколько лет после восстания, а в юношеские годы он горел революционной борьбой, чему оставил множество свидетельств в стихах. Без оговорок нельзя принять и выводы западного исследователя по проблеме русского декабризма: «В результате поспешных, плохо спланированных действий декабристы стали смертельными врагами существующего режима, чьи идеалы во многом были им близки. С тех пор русские цари стали рассматривать гражданское общество и правовые нормы как прямую угрозу своему собственному существованию. К расколу между образованной частью общества и народом прибавился раскол между обществом и правящим режимом»⁸¹. Для себя отметим, что в Сибири раскол между декабристами и народом сократился до минимума, по крайней мере купечество восприняло ссыльных как своих единомышленников.

Более взвешенная позиция содержится в работе известной французской исследовательницы истории России Элен Каррер д'Анкокс. По ее мнению, в центре заговора стояли молодые и блестящие офицеры, получившие хорошее образование, в основном выходцы из дворянского сословия, увлеченные европейскими идеями, которые они открыли для себя во время французской кампании. Составленное нами приложение, где даются биографии декабристов, оказавшихся в ссылке, подтверждает этот тезис. «Образованное общество сочувствовало этим группам, — пишет Э. Каррер д'Аскокс, — а что касается народа, то он ничего не понимал в их целях и относился к ним с большим недоверием. Призыв к свободе, брошенный декабристами, не нашел отклика. Русский народ, жадно искавший социальной справедливости, всегда был готов услышать эти два слова. Но слово “свобода” не имело для него практически никакого смысла. На самом деле декабристы не знали ничего о сознании народа и его чаяниях. Они заплатили за это незнание казнью своих предводителей и ссылкой в Сибирь нескольких сотен участников движения. Величайшие русские писатели, такие как Грибоедов и Пушкин, встали на их сторону, но их дело было проиграно»⁸².

⁸¹ Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 330.

⁸² Каррер д'Аскокс Э. Незавершенная России. Пер. с франц. М., 2005. С. 111.

Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири

В заключение главы обратимся к воспоминаниям о декабристах, оставшихся в художественной литературе и народной памяти. В 1880-е гг., через полсотни лет после декабристов, известный народник, врач и писатель Елпатьевский отбывал в Енисейске ссылку. Однажды он оказался в кабинете крупнейшего в Сибири золотопромышленника Кытманова, недавнего крестьянина и возчика, едва постигшего грамоту, и был удивлен тем, что большой стол у него был завален историческими журналами. «Неужели вы все это читаете? – спрашиваю. – Читаю... что декабристов касается, и тут рассказал мне свою жизнь. Как лет шестнадцати он познакомился с декабристами – две фамилии остались у него в памяти: Фонвизин и Якубович; как они учили и наставляли его, как он ездил вниз по Енисею за рыбой. И чем больше он рассказывал, тем больше оживлялся, и вдруг заплакал: “Не могу, как вспомню... Люди были... Люди были!”». Мне приходилось встречать, – заключает Елпатьевский, довольно много сибиряков, знавших декабристов, и всегда в отзывах о них слышалось глубокое уважение, глубокая симпатия»⁸³.

⁸³ Цит. по: Соколов В.Н. Партбилет № 0046340. Записки старого большевика. Ч. 3. Сибирь – демократическая страна. М., 1935. С. 73.

ГЛАВА 2. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

2.1. Теоретические построения декабристов в сфере предпринимательства

В последнее время проблема предпринимательской деятельности декабристов, их роль в хозяйственном и культурном пробуждении Сибири становится все более актуальной, т. к. в их теоретическом наследии, в их практической деятельности можно найти ответы на многие вопросы сегодняшнего дня. В первом томе капитального коллективного труда «История предпринимательства в России» отмечается, что в программных документах декабристов, в показаниях А.А. Бестужева, П.Г. Каховского, А.И. Якубовича, Г.С. Батенькова, В.И. Штейнгеля и некоторых других содержатся предложения по улучшению условий предпринимательства в России, привлечению купцов на свою сторону и т. д.¹ Однако приведенные в настоящей главе сведения касаются, прежде всего, взаимоотношений декабристов с купечеством и затрагивают большей частью период до декабрьского восстания. Дается характеристика практической деятельности декабристов в Сибири в области экономики, приводятся ее основные направления и результаты. В качестве источников использовались программные документы, воспоминания, письма и записки самих декабристов и некоторых их современников, сведения и умозаключения, содержащиеся в работах по истории пребывания декабристов в Сибири.

Одним из путей достижения поставленной декабристами цели были экономические реформы, которые предполагалось осуществить при благоприятных обстоятельствах. По проекту П.И. Пестеля, изложенному в знаменитой «Русской правде», Россия объявлялась единой и неделимой республикой с однопалатным парламентом (Народным вече). Избирательным правом наделялись все граждане, достигшие 18 лет. Крепостное право отменялось, сословия ликвидировались.

¹ История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 373–380.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

В случае реализации этих положений Россия могла ускоренными темпами перейти к периоду коренных буржуазных преобразований. Непосредственно при осуществлении буржуазных реформ правительство в качестве основных положений использовало некоторые тезисы «Русской правды», не догадываясь об этом. Провозглашались принципы буржуазных свобод, отказ от сословной иерархии и предполагалось покровительство отечественному производителю.

В третьей главе «О сословиях в России обретающих» говорится: «Распределение народа на сословия, занимающихся исключительно земледелием, изделиями и торговлею, совершенно отвергнуто политическою экономией, доказавшею неоспоримым образом, что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, от которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли, лишь бы честен был и к законам исполнителен»². Эти коренные положения классической политэкономии, которые мотивировали и поддерживали предпринимательство во всем цивилизованном мире, необходимо было ускоренно внедрять в России с начала XIX в., но это было сделано уже после 30-летней Николаевской эпохи, которая по своей сути была все-таки антибуржуазна.

Пестель провозглашает и другой важнейший принцип капиталистического предпринимательства – незыблемость частной собственности: «Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества». (После этого еще, оказывается, можно рассуждать о Пестеле как о первом большевике и корыстолюбивом человеке). Придет, вероятно, время разобрать исторические и популярные работы последних лет, где многие факты жизни и творчества декабристов характеризуются достаточно тенденциозно. В противовес можно привести известные слова

² Пестель П.И. Русская Правда, или Заповедная государственная грамота Великого народа российского, служащая заветом для совершенствования государственного устройства России и содержащая верный Наказ как для народа, так и для Временного верховного правления // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1987. С. 50.

А.С. Пушкина, который писал, что Пестель «умный человек во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю». Или слова протоиерея Казанского собора в Петербурге Мысловского, который был духовным наставником декабристов: «Быстр, решителен, красноречив в высшей степени; математик глубокий, тактик военный превосходный...»³. Ряд характеристик этого незаурядного человека можно было бы продолжить, но и так понятно, что Россия вновь потеряла талантливого деятеля, который мог бы внести свой вклад в решение глубинных проблем ее развития.

Еще несколько цитат из проекта П.И. Пестеля: «Личная свобода есть первое важнейшее право каждого гражданина и священнойшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания. И без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия... Никто не может быть судим иным порядком, как обыкновенным законным судебным, и в том именно месте, которое законом определено и назначено. Посему никогда не должны никакие чрезвычайные судебные комиссии или чрезвычайные суды быть учреждаемы, ниже в каком бы то ни было случае законный судебный порядок быть для каких бы то ни было причин нарушаем... Никто не может быть судим иначе, как по точным словам закона и при том по законам, существовавшим прежде преступления, в коем он обвиняется, и не иначе быть обвинен, как когда его преступление совершенно доказано»⁴.

В качестве основы административного деления территории России Пестель избрал достаточно оригинальный принцип. Страна делилась на 10 областей по 5 округов в каждом. Сибирь должна была составить одну область с главным городом Иркутском. В ее составе были Тобольский округ с присоединенными частями Пермской и Уфимской губерний (Челябинский и Троицкий уезды), Томский, Иркутский, Якутский и Камчатский округа. Для безопасности юго-восточных границ предполагалось присоединить к России часть Монголии, чтобы все течение Амура находилось в русских владениях. Для развития сибирского региона Пестель предлагал активнее развивать

³ Цит. по: Павлов-Сильванский Н. Декабрист Пестель перед Верховным судом. Ростов-на-Дону, 1906. С. 8.

⁴ Пестель П.И. Указ. соч. С. 76.

здесь земледелие, в частности больше выращивать овощей, особенно картофеля. Многие декабристы, находясь на поселении в Сибири, в земледелии и огородничестве преуспели. Жаль, что среди них не было сына бывшего сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля, причисленного бароном В.И. Штейнгелем к числу «сибирских сатрапов», нанесших краю наибольший вред. П.И. Пестель, в отличие от своего отца, наоборот, в своих программах переустройства страны проявлял заботу о коренных народах Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки и предлагал ряд мер по «смягчению суровых нравов» и введению здесь просвещения и образования.

П.И. Пестель вместе со своими соратниками предлагал решительные меры по устранению крепостничества как главного тормоза в развитии России: «Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». В Русской Правде провозглашались буржуазные свободы, но заслушание предусматривались строжайшие кары: «Такого злодея взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского». С другой стороны, Пестель выступал против засилья не только «феодальной аристократии», но и против «аристократии богатств», т. е. против олигархов в нашем понимании этого слова: «Известно, что исключительная любовь к деньгам ведет к скупости, а сей порок более всякого соделывает человека жестокосердным, почему и по всей справедливости сказать можно, что таковые сословия суть самые бесчеловечные, до чрезвычайности умножают число бедных и нищих и основывают свое влияние на народ не на общем мнении, но на золоте и серебре»⁵.

Позднее младший соратник П.И. Пестеля, его ближайший помощник, П.Н. Свистунов подтвердит в письме своему брату эти принципы предпринимательства, свойственные и другим декабристам: «Я люблю коммерцию не ради какой-либо материальной корысти, хотя богатство – это власть, но главным образом потому, что коммерция открывает путь к активности, предприимчивости, деловитости. Я мог бы этим заниматься и здесь, в Сибири, если судьбой мне будет опре-

⁵ Пестель П.И. Указ. соч. С. 50, 51.

делено остаться в ней. Этот новый край лишен необходимых капиталов. С определенным капиталом я мог бы здесь осуществить выгодные его обороты. Я хотел бы, мой дорогой брат, чтобы ты когда-нибудь ссудил мне таковую сумму, дабы я мог вложить ее в коммерцию»⁶. Позднее Свистунов восторженно писал, что в Сибири «любой вид промышленности или коммерции дает прямо-таки невероятную прибыль – до 50 и даже до ста процентов. Достаточно стать промышленником или коммерсантом, как здесь сразу можно разбогатеть»⁷. Скорее всего, это не отражение реального положения дел в Сибири, а утопия восторженного дворянина, который имел слабое представление о местном предпринимательстве.

Проект Конституции Н.М. Муравьева предусматривал в России, как известно, конституционную монархию, которую ограничивал двухпалатный представительный орган, избираемый на основе имущественного ценза. Особо в проекте оговаривалась отмена крепостного права: «Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным». Эта поэтическая цитата хорошо известна, но в контексте 13 статьи третьей главы она звучит, на наш взгляд, более убедительно: «Крепостное состояние и рабство отменяются; раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно вере, по которой все люди братья, все рождены благо по воле божией, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны». Далее составитель Конституции провозглашает буржуазные принципы хозяйствования: «Существующие ныне гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который покажется ему выгоднейшим: *земледелием, скотоводством, охотою, рыбной ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею* (выделено автором. – В.Б.) и так далее. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 руб. серебром), поступает в суд присяжных. Всякое уголовное дело производится с присяжными... Заключенный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождает-

⁶ Цит. по: Федоров В.А. Декабрист П.Н. Свистунов и его сибирские письма // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск, 1988. С. 44.

⁷ Цит. по: Федоров В.А. Указ. соч. С. 48.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

ся, если найдется за него порука» и т. д.⁸. Кодекс предпринимателя, начертанный смелой рукой талантливого законодателя, был готов для реализации.

Никита Муравьев занимал среди декабристов умеренные и, вместе с тем, реалистичные позиции. В связи с этим его работа была связана как с неосуществленными проектами Александра I, так и с реализованной в Сибири реформой 1822 г. М.М. Сперанского. Если по результатам последней Западная Сибирь делилась на две губернии (Тобольскую и Томскую) и Омскую область, а Восточная Сибирь имела в своем составе Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область, то у Муравьева Сибирь составляли две державы – Обийская с населением в 450 тыс. чел. и Ленская с 250 тыс. чел. Согласно предложенному в «Конституции» принципу представительства (по 1 члену палаты представителей от 50 тыс. чел.) Обийская держава посылала 10 представителей, а Ленская – всего 5, что при общей численности палаты представителей в 450 чел. составляла ничтожную долю в 3 %. Огромная, пестрая по этническому составу Сибирь, обладая несметными богатствами, могла по этому проекту иметь совершенно незаметное представительство. Оказавшись в Сибири на каторге и ссылке, декабристы изменили свое отношение к краю. В их предполагаемых реформах Сибирь должна была войти в состав Российского государства на федеральных началах. Этот край был, по мнению некоторых декабристов, достоин лучшей участи. За образец бралось государственное устройство Северо-Американских штатов с достаточной долей самостоятельности отдельных штатов в принятии решений и их автономности в своих правах на самоопределение.

Вопрос о предпринимательстве был для декабристов в Сибири весьма принципиален. Он обсуждался в письмах и очных дискуссиях, делил декабристов на сторонников и противников занятий коммерцией декабристами. К числу первых относилось большинство декабристов, которые не имели собственного имения, не получали содержания из России и вынуждены были существовать на средства от своих трудов. К числу вторых относился И.Д. Якушкин, считавший главной

⁸ Проект Конституции Н. Муравьева // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1... С. 87.

сферой работы в Сибири просвещение народа, и представители аристократии (С.П. Трубецкой, М.Н. Нарышкин, И.А. Анненков и некоторые другие), которые связывали себя со служебным поприщем в государственных учреждениях. В письмах Н.В. Басаргина, например, описываются попытки декабристов внедриться в сферу предпринимательства. В письме из Кургана И.И. Пущину он сообщает: «Еще до сих пор не знаю, за что приняться, чтобы не жить с копейки на копейку и не сидеть сложа руки. Может быть куплю и устрою мельницу – у меня уже есть одна на примете, только надобно хорошенько все узнать и обдумать. Здесь вообще это доставляет большие выгоды». В другом письме тому же адресату он пишет, что «в семи верстах от города при реке Тоболе есть мельница, принадлежащая Мясникову (откупщику, т. е. оптовому торговцу спиртом. – В.Б.). Она разобрана и находится в бездействии. Мясников продает все материалы и свое право на эту мельницу, и мне было бы выгодно купить ее...»⁹. Однако этому проекту не суждено было сбыться по причине нехватки средств и переезда из Кургана в Ялуторовск.

Другой выдающийся теоретик и практик буржуазного переустройства общества – Гавриил Степанович Батеньков. О своем образовании Батеньков достаточно откровенно пишет в письмах на имя Николая I и членов Следственного комитета. По своей форме это большей частью доверительные письма, где автор убеждает следователей сначала в своей непричастности к делу «14 декабря», в своем кратком «безумном ослеплении», а затем осторожно, чтобы никому не навредить, дает признательные показания. Вот как пишет он о начале своего вольномыслия: «По вступлению в кадетский корпус я сдружился с Раевским, с ним мы проводили целые вечера в патриотических мечтаниях... С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, яко о человеке и осуждать поступки с нами цесаревича. В Сибири, моей родине, сие не бывает»¹⁰. Как было известно всем причастным к движению людям и их следователям, В.Ф. Раевский, названный впоследствии первым декабристом, с 1822 г. находился в Тираспольской крепости, и сильно

⁹ Житомирская С.В., Мироненко С.В. Из архива И.И. Пущина // *Сибирь и декабристы*. Вып. 3. Иркутск, 1983. С. 191, 199.

¹⁰ Восстание декабристов. Документы. Т. 14. М., 1976. С. 93.

навредить ему признание в юношеском вольномыслии не могло. Здесь же Батеньков говорит о своих занятиях античной историей, которая была одним из общих увлечений многих декабристов, склонности и талантах к точным дисциплинам – в 15 лет «почти самоуком постиг дифференциальное исчисление». В этой связи Батенькову приходится характеризовать себя исходя из любви к точным наукам: «Начав свое образование с наук точных, я никогда не был мечтателем. Всякий кто знает меня, знает человеком трудолюбивым, прямодушным, чуждым необузданных страстей, твердым в поведении, но всегда послушным и точным в исполнении законных велений (краснея, я сие говорю в похвалу о себе и единственно по внушению и необходимости)»¹¹.

Что касается военных действий, то эта сторона в письмах Батенькова отражена меньше других сторон его деятельности. В одном из писем он отмечает, что военной славы он не искал, а всегда хотел быть ученым или политиком. В другом месте Батеньков вспоминает, что, кроме всего прочего, в 1814 г. жизнь ему спас масонский знак его руки, положенной на одну из десяти ран, полученных в сражении при Монмирале. Два офицера французской гвардии обратили на это внимание и приказали санитарам отвезти русского офицера в госпиталь¹². Воспоминания о войне содержатся также в переписке Батенькова с его давними и верными друзьями Елагиным и Аргамаковым, с другими адресатами и могут дать интересную картину образа мыслей юного офицера, брошенного в военный водоворот.

Более подробно и обстоятельно Г.С. Батеньков должен был говорить о своем вступлении в тайное общество. Если образ мыслей его начал меняться в кадетском корпусе, то стремление к конкретным действиям проявилось, вероятно, в масонских ложах и на службе. В 1816 г. он сдал экзамен в Институте корпуса инженеров путей сообщения и перешел туда на службу, получив утверждение в звании поручика. С апреля 1817 г. Батеньков занимался благоустройством г. Томска и одновременно учредил здесь ложу «Восточного светила». Вот как он писал об этом своим следователям: «Жил довольно долго

¹¹ Восстание декабристов. Документы. Т. 14. М., 1976. С. 52.

¹² Батеньков Г.С. Записки // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 2. М., 1933. С. 118.

в Томске, где из семи или восьми человек составили мы правильную масонскую ложу, и истинно масонскую, ибо, кроме добра ни о чем не помышляли». В Томске Батеньков собирался жениться, но начались, как он говорит, гонения И.Б. Пестеля, сибирского генерал-губернатора, и он выехал из Сибири. Однако в пути состоялась встреча со Сперанским, которая их быстро сблизила.

М.М. Сперанский обратил Батенькова в своего деятельного помощника. Первое испытание, которое получил будущий декабрист от несостоявшегося реформатора, заключалось в проверке просьбы из Омской крепости о постройке моста. Чиновники требовали 100 тыс. руб., но Батеньков, «обозрев на месте, нашел, что ежели употребить на поправку менее 1 тысячи, то мост прослужит еще несколько лет»¹³. Отказ от денег, казалось, идущих прямо в руки, отказ от азартных игр («я в карты не играю» – гордо заявил на следствии декабрист и ему можно в этом верить), пренебрежение собственной карьерой – все это соответствовало неписаному кодексу чести декабристов. Ю.М. Лотман в своей работе «Декабрист в повседневной жизни» ввел эти новые, более тонкие мотивы в освещение облика дворянского революционера, которые получили достаточно широкое распространение среди исследователей и показали неисчерпаемость источников по истории декабризма¹⁴.

Следственный комитет хотел представить дело так, будто после увольнения Батенькова из ведомства А.А. Аракчеева он остался без дела и, соответственно, без большого жалованья и это подтолкнуло его вступить в тайное общество. Напротив, увольнение заставило искать Батенькова другое место службы, и оно вскоре было найдено. Батеньков должен был стать «управляющим колоний Американской компании на Восточном океане» и переговоры были почти закончены: «Я обязывался служить 5 лет за 40 тыс. руб. ежегодно, полагая половину издерживать, а другую отсылать в иностранный банк, чтобы водвориться где-нибудь в Южной Европе навсегда». Однако частое посещение конторы Российско-Американской компании в Петербурге,

¹³ Восстание декабристов. Документы. Т. 14. М., 1976. С. 140.

¹⁴ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

в которой, как мы уже отмечали, служил его дядя, которому она была многим обязана, привело Батенькова к знакомству с К.Ф. Рылеевым, А.А. Бестужевым, И.И. Пушиным, В.И. Штейнгелем и другими членами Северного общества. Все свои беды Батеньков связывал с директором компании Прокофьевым, с которым он встречался в Иркутске, Москве и Петербурге. В доме у него Батеньков бывал так часто, что «как бы принадлежал к его семейству, нередко по несколько дней сряду и по несколько раз в день». Вообще, надо сказать, во всех городах, где бывал Батеньков, он охотно и достаточно близко сходиллся с купечеством. В Петербурге, например, 12 декабря 1825 г., как пишет Батеньков, «я обедал и провел вечер у купца Кувшинникова, условились на завтра обедать или у купца Сапожникова, или у градского головы, я не знаю у кого именно, и заехал к коммерции советнику Прокофьеву, который должен был сие знать...»¹⁵.

К числу проектов Г.С. Батенькова относится и идея жениться на купчихе, самому стать купцом, дойти до звания градского головы и попробовать возвысить его до степени лорд-мэра. Другой проект был, пожалуй, самым смелым и честолюбивым. Он был упомянут в знаменитом «Алфавите декабристов» и заключался в том, чтобы «быть членом Временного правления и в виде регента управлять государством именем его величества Александра Николаевича». Близость к видным государственным деятелям той эпохи – М.М. Сперанскому, А.П. Ермолову, А.А. Аракчееву, высокий авторитет в масонских ложах, влияние в буржуазных кругах, лидерские позиции среди декабристов – все это в глазах императора и его окружения делало этот проект вполне возможным и, вероятно, стало главной причиной заточения Батенькова в Петропавловской крепости на долгих 20 лет. Расстройство рассудка и сибирские корни декабриста были только поводом, чтобы не выполнить судебный приговор, относивший Батенькова к одному из высших разрядов государственных преступников с отбыванием многолетней каторги с последующим вечным поселением в Сибири.

Не лишена привлекательности и достаточно хорошо известна легенда о том, что когда Николай Павлович узнал о неучастии Батенькова в восстании, то предполагал выпустить его из крепости, награ-

¹⁵ Восстание декабристов. Документы. Т. 14. М., 1976. С. 51.

дить денежной премией и произвести в следующий чин, но тот отказался от милостей императора, справедливо полагая, что товарищи сочтут это наградой за предательство. Он написал письмо государю, где указывал, что хотя и не принимал участия в восстании, но сочувствует людям, которые в нем участвовали и если его выпустят, то он останется при своем прежнем мнении. Это сочли проявлением безумия, отправили к нему придворного доктора Арендта, но тот нашел умственное состояние арестанта вполне нормальным, и в результате расплата была жестокой – 20 лет строго одиночного заключения в каземате Петропавловской крепости, куда не проникал дневной свет, и только раз в год на Пасху дозволялось похристосоваться с комендантом. В таких условиях представления о времени и пространстве приобретают особое содержание, что нашло свое отражение в философской лирике декабриста.

Долгие годы, проведенные Батеньковым в каземате, наложили определенный отпечаток на его преобразовательские планы. Человеческий фактор в решении проблем управления отошел у него на второй план. Свои надежды на улучшение жизни в Сибири он связывает с новыми законами. В своем проекте «Заметки по административным вопросам» Батеньков писал: «Закон есть умный вывод из оснований всей народной жизни, выраженный в нравах и обычаях». Впрочем, и умные законодатели не могли, по мнению Батенькова, изменить положение, поскольку укрощали зло, а добро творить необходимо из нравственных побуждений. В этом проявлялись его прежние масонские убеждения. Годы заключения в каземате не притупили у Батенькова интереса к людям, которым он в своих письмах дает точные и глубокие характеристики.

Обратим внимание на историю взаимоотношений ссыльного декабриста с предпринимательскими кругами г. Томска в 40–50-е гг. XIX в. 26 июля 1847 г. Батеньков пишет своей давней хорошей знакомой Е.П. Елагиной: «Лето я пережил в саду, в беседке. Это среди города при доме Философа Александровича Горохова, почти с детства со мною дружного и владеющего в Енисейской губернии важными золотыми приисками. У него жив еще отец, 80-летний старец, также лет 30 мне известный, и теперь мой товарищ, по отсутствию хозяев»¹⁶.

¹⁶ Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 226.

Вполне дружеские отношения сложились у Батенькова и с другим крупнейшим сибирским золотопромышленником – И.Д. Асташевым, в доме у которого он часто бывал, пользовался его обширной библиотекой и делал хозяину переводы из иностранных книг, газет и журналов. Многие просвещенные чиновники также вслед за губернатором были к декабристу вполне расположены: принимали его в своих домах и отдавали визиты ему, доверяли воспитание своих дочерей, делали заказы на переводы и инженерные проекты. Неоценима помощь Батенькова в устройстве в Томске местного исправника Лучшева и его семейства. Письма к Батенькову в Томск приходили на адрес томского губернатора П.П. Амосова, лично ему знакомого, поэтому трудно вообразить, что здесь они могли перлюстрироваться.

Г.С. Батеньков близко к сердцу принимал беды и огорчения своих томских знакомых. Накануне разорения Ф.А. Горохов пережил семейное горе. Вот как Батеньков сообщает об этом своему другу И.И. Пущину: «наш местный некрополь нельзя сказать, чтоб был в полном застое. В начале февраля скончалась всем известная госпожа Горохова... Потеря чувствительная для всего города, чувствительная и для меня по закоренелой семейной приязни: прошедшее лето я у нее и прожил в садовой беседке. Это женщина 33 лет, мать 9 детей, дочь, сестра, обладательница ежегодных 50 пудов золота и, что всего важнее, всегда готовая на доброе дело». Через несколько месяцев Батеньков похоронил и отца Ф.А. Горохова – Александра Михайловича, который в 1819 г. был советником гражданского и уголовного суда в Томске и, конечно, был хорошо знаком с Батеньковым, проходившим там службу. «Он дал добрый пример христианскою кончиною, сохранив до конца умные силы. Я прожил с ним прошедшее лето и любил его слушать, потому что он едва ли не все перечитал» – писал Батеньков в письме к Пущину¹⁷. Приведенный здесь материал и первичный анализ позволяет отнести Г.С. Батенькова к умеренным реформаторам либерального толка. На склоне лет свое кредо он сформулировал так: «Учреждения наши достаточны и разумны. Они нуждаются только в нас, в нашей любви и энергии, в наших силах правды и честности и даже в материальных средствах». Пребывание этого де-

¹⁷ Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 241.

кабриста в Томске только подтверждало его слова и дела по нравственному совершенствованию человека в русле православия и просвещения. Такой путь был, по нашему мнению, наиболее разумным вариантом преобразований через последовательный прогресс и эволюцию, через развитие производительных сил страны и отдельных ее регионов, через общий подъем экономики Сибири и ее социального устройства по примеру Северной Америки. Будь проекты Батенькова реализованы, гражданских войн и прочих катаклизмов России удалось бы, вероятно, избежать.

Томский период жизни Батенькова освещен в научной и научно-популярной литературе достаточно полно. Отметим, что в народной памяти он остался как подвижник, который хотя и вел странный образ жизни, но для людей был добр и открыт, мудр и доступен. В Томске с особой силой проявился его давний идеализм. Надежды на подъем экономики Сибири за счет «золотой горячки» не оправдали себя, поэтому решающее значение Батеньков придавал образованию, успехам разума, передовым идеям. В то же время он был чрезвычайно набожен, посещал все церковные службы, почти наизусть знал библию. Не имея своей семьи, он очень любил детей и много с ними занимался. Бывшие его ученицы, преимущественно купеческие дочери, уже выйдя замуж, часто бывали у него в гостях, относились к нему с огромным уважением. В Томске Батеньков вел здоровый образ жизни, приобрел страсть к купанию до заморозков, оставался всю жизнь строгим вегетарианцем, не пил водки. Ссылный декабрист был высок, хорошо сложен, прямой нос и волевой подбородок придавали ему удивительное сходство с Наполеоном. Хотя Батеньков и был принят в высшее томское общество, но щепетильно относился к своей материальной независимости и вел строгие расчеты с богатейшим золотопромышленником Гороховым, когда тот был в зените своей славы и богатства¹⁸.

Сибирь представлялась ему наиболее подходящим краем для проверки задуманных преобразований еще до вступления в тайное общество. В практической сфере, благодаря своему влиянию на Сперанского, Батенькову удалось помочь назначению на пост енисейско-

¹⁸ Адрианов А.В. Томская старина // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. С. 328–330.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

го губернатора А.П. Степанова, человека либеральных убеждений. Впоследствии Степанов, оставаясь в губернаторском кресле, стал известным писателем, историком и краеведом, помогал следовавшим через Красноярск декабристам, был редким исключением из российских губернаторов благодаря своей честности и просвещенности.

По своему мировоззрению томский декабрист был сугубым идеалистом, и решающее значение придавал образованию, успехам разума, передовым идеям, справедливо считая их главным двигателем исторического прогресса. Надежды Батенькова на подъем производительных сил Сибири в связи с золотой лихорадкой не оправдались. Лихоимство и взяточничество процветали, нищета рабочих и поселенцев не иссякала. Однако был выход из тупика – введение частной собственности на землю для тех, кто на ней работает, развитие фермерских хозяйств с применением наемного труда, улучшение водных и сухопутных путей сообщения, предоставление Сибири автономии. Такие принципы благоустройства края сделали бы честь современному политику, но где они, люди, радеющие за процветание своей большой и малой родины.

Одним из путей преодоления регионального сибирского кризиса другой декабрист – Д.И. Завалишин, знавший Сибирь, как и Батеньков, еще до ссылки, считал естественное прорастание буржуазных отношений в социально-экономическое пространство страны. В Петербурге такой процесс он наблюдал в верхах: «на собраниях Российско-Американской компании рядом сидели высшие сановники и купцы с мещанами, имевшие на это право по числу своих акций»¹⁹. Такие картины наблюдались в золотопромышленных компаниях, где главным мерилом авторитета стали размер капитала и возможности его приумножения.

В Сибири такие процессы были отмечены в местах поселений декабристов в Чите и Петровском заводе. Несмотря на запреты и ограничения, некоторым состоятельным декабристам удавалось получать средства от родных из Европейской России и, по приблизительным подсчетам, только в Чите было получено около 400 тыс. руб. ассигнациями. Такие средства стали сильным толчком для развития местной

¹⁹ Завалишин Д.И. Записки декабриста. М., 1906. С. 89.

торговли и в лавках можно было купить все, что только продавалось в России. Потребности ссыльных декабристов в продуктах, различных вещах и просторном по сибирским меркам жилье благотворно повлияли на развитие сельского хозяйства и ремесла, торговли и промыслов.

Остановимся еще на одном аспекте прошлого Сибири, который декабристы развернули в серьезный тезис развития края. Речь идет о сопоставлении Сибири с бурно развивающимися Северо-Американскими Соединенными Штатами. Талантливый штабной работник, выпускник знаменитой Школы колонновожатых, которому прочили выдающуюся роль в полководческом искусстве, – Н.В. Басаргин в своих замечательных, едва ли не лучших среди декабристов записках, говорит об этом так: «Чем дальше мы подвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленнее, даже и образованнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими. Впоследствии мне не раз случалось слышать от тех, которые посещали Соединенные Штаты и жили там, что сибиряки имеют много сходства с американцами в своих нравах, привычках и даже образе жизни. Как страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всех без разбора»²⁰.

Умный и наблюдательный Н.В. Басаргин был тесно связан с сибирским купечеством и третьим браком женат на дочери купца Медведева (родной сестре Д.И. Менделеева, который по материнской линии происходил из купеческого рода Корнильевых). В своих записках Басаргин предложил программу вывода Сибири из бедственного положения.

Во-первых, он предлагал открыть в каком-либо сибирском крупном городе высшее учебное заведение. Такое заведение должно было готовить, прежде всего, деловых технически грамотных людей, способных руководить предприятиями. Н.В. Басаргин писал: «Мне самому случалось видеть, как иногда самое выгодное промышленное или фабричное предприятие не имело успеха и вовлекало в огромные убытки именно оттого только, что вместо дельного и знающего человека употребляли какого-нибудь словоохотливого хвастуна, обманув-

²⁰ Басаргин Н.В. Записки. Красноярск, 1985. С. 99, 100.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

шего рассказами о своих познаниях и обещаниями выполнить то, о чем не имел никакого понятия».

Во-вторых, Н.В. Басаргин предлагал привлекать в экономику Сибири средства за счет учреждения здесь банков, которые могли бы обеспечить предпринимателей доступным и дешевым кредитом. Страхование недвижимости и товаров также, по его мнению, должно было превратить «в производительные капиталы те средства, которые остаются теперь без всякого производительного движения».

В-третьих, необходимо было усовершенствовать законодательство, которое бы не только воспрещало, но и содействовало бы учреждению разного рода частных компаний как на акциях, так и по условиям и договорам. «Тогда могли бы образовываться огромные капиталы для таких предприятий, к которым невозможно приступить одному частному лицу, как бы ни велико было его состояние», – справедливо замечал декабрист.

В-четвертых, необходимо было более активно привлекать в дело частные капиталы. «Большие сибирские капиталисты – некоторые из них золотопромышленники и откупщики – живут большей частью в России и употребляют все то, что доставляет им Сибирь, не в самом крае, а вне его. Маленькие – боятся пускать свое достояние в такие обороты, где опасаются первой неудачи, и занимаются только тем, к чему привыкли, чем занимались исстари и что приносит хотя и небольшой, но верный доход»²¹. Сам Н.В. Басаргин предпринимательством занимался, но без особого успеха. Его программа обеспечения благоприятных условий для сибирских деловых людей была для своего времени весьма обширна и хорошо продумана. Ее реализация, да еще с дополнениями из разумных предложений других декабристов, могла двинуть сибирскую экономику по пути свободного капитализма американского типа и дать результаты, сходные с результатами Северо-Американских штатов.

Сравнение Сибири с Америкой довольно часто встречается в воспоминаниях и письмах А. Розена, В. Штейнгеля, С. Волконского, И. Пущина и некоторых других видных декабристов. Известны слова И.И. Пущина из письма к своему лицейскому учителю, а потом и дирек-

²¹ Басаргин Н.В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 113, 114.

тору Царскосельского лица Энгельгадту: «Она (Сибирь. – В.Б.) могла бы также отделиться от метрополии и ни в чем бы не нуждалась – богата всеми дарами царства природы. Измените только постановления, и все пойдет улучшаться»²². Хорошего мнения придерживался И.И. Пущин и о сибиряках, особенно о некоторых купцах. Как пишет он в другом письме к Е.А. Энгельгадту, в Ялutorовске, где дружно проживало пять его товарищей-декабристов, есть «одна семья, с которой часто выдаюсь, это семья купца Балакшина. Очень добрый и смышленный человек, приятно с ним потолковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу. Он исполняет наши поручения, выписывает нам книги и журналы, которые иначе бы доходили до нас через Тобольск. Все это он делает с каким-то радушием и приязнью»²³. Не чужды им были и предпринимательские проекты. Например, И.И. Пущин всерьез обсуждал возможность заняться со своим родственником золотопромышленностью, и только советы друзей, которые не могли представить его в этой роли, заставили отказаться от этого проекта.

Сын декабриста И.Д. Якушкина Евгений был в 1855–1856 гг. в Сибири, где встречался друзьями своего отца и оставил об этом любопытные записки. В Ялutorовске он отметил вполне барский их образ жизни, когда ссыльные устраивали друг для друга званые обеды и ужины, допоздна играли в карты («разумеется, на деньги»), вели приятные и полезные друг для друга беседы, часто писали друг другу письма и т. д. Некоторые из них ходили на службу и занимались своими делами в меру сил и способностей. Вот как описывается Е.И. Якушкиным хозяйство Н.В. Басаргина, Е.Т. Оболенского в купленной ими мельнице на Тоболе, верстах в 7 от Ялutorовска: «Управление принадлежит Басаргину, который не позволяет мешаться в это дело Оболенскому и хорошо делает, потому что тот непрестанно составляет самые неудобоисполнимые проекты, между которыми не последнее место занимает проект железной дороги от мельницы к Ялutorовску»²⁴.

²² Декабрист И.И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Ред. и биогрaфич. очерк С.Я. Штрайха. М., 1925. С. 196.

²³ Там же. С. 195.

²⁴ Письма Е.И. Якушкина к жене из Сибири. 1855 г. // Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Записи прошлого. Воспоминания и письма. Под ред. С.В. Бахрушина и М. Цявловского. Л., 1926. С. 38.

Таким образом, сами декабристы не прочь были заниматься предпринимательством. Одних заставляла самая настоящая нужда, и они связывали свои занятия с получением дополнительных средств, а для других было потребностью освоить новый род деятельности и на практике подтвердить свои научные и теоретические построения. По крайней мере, около 30 ссыльных декабристов оставили свои теоретические рассуждения и наблюдения о путях развития сибирской экономики. Суть их теоретических построений по подъему производительных сил Сибири во многом сводилась к воплощению выработанной ими ранее программы тайной организации будущих декабристов – Союза благоденствия. Эти программные тезисы, например в сельском хозяйстве, можно свести к следующим: ослабить налоговое бремя на сибирских крестьян; объявить продажу казенных (кабинетских) земель в частные руки, в первую очередь земли Алтайского горного округа; организовать на территории края образцовые хозяйства, где крестьяне могли бы учиться современным технологиям, закупать сортовые семена и племенной скот. В некоторых городах нужно было бы организовать аграрные школы для обучения крестьянской молодежи; оказывать экономическую помощь крестьянам, изъявившим желание переселиться в Сибирь, открыть в каждой волости крестьянские банки и провести другие преобразования, которые сделали бы Сибирь житницей России.

Для промышленного развития края декабристы предлагали также широкую программу преобразований, в которую входили мероприятия по разведке природных богатств края, привлечение русского и иностранного капитала для их разработок, поощрение образования торгово-промышленных компаний, открытие разного уровня учебных технических и коммерческих училищ, широкое использование в экономике достижений науки и техники, включая строительство железной дороги от Перми до Тюмени и улучшение проселочных дорог по всему краю. Оценивая эту программу, следует заметить, что она носила в целом вполне реалистичный и прогрессивный характер и ее реализация связывалась в первую очередь с просвещением народа, появлением в Сибири людей нового поколения, которые поведут активную борьбу за внедрение этих, по сути своей капиталистических, отношений в промышленность и сельское хозяйство края.

Многие из декабристов на практике попытались реализовать свои проекты с различной степенью успешности. Но не это главное, самым выдающимся результатом пребывания декабристов в Сибири стал интеллектуальный и нравственный прорыв общественного сознания в сторону пробуждения творческих и производительных сил региона. Элита российского общества, оказавшись в условиях ссылки, оставила глубокий след в истории Сибири, помогла сибирякам осознать свою значимость и право на собственный голос. По нашим наблюдениям, в трудах декабристов заложено оригинальное и глубокое понимание внутренней политики в отношениях центра и окраин, столицы и провинции. Сопоставляя различные точки зрения декабристов на эти проблемы, можно найти у них, например, истоки радикальных большевистских преобразований или высказанную ими впервые областническую позицию. Тема нуждается в дальнейшем изучении и должна принести пользу как в теоретическом плане, так и в практической деятельности по рационализации и улучшению сибирской жизни.

2.2. Предпринимательская деятельность декабристов в Сибири

Одной из причин того, что декабристы, обремененные возрастом и болезнями, но остававшиеся сильные духом, вынуждены были окунуться в предпринимательство, нужно признать их постоянное безденежье, что не являлось, впрочем, для ссыльных дворян, как и для всего дворянства, исключением. Декабристы, на наш взгляд, явились своего рода микроскопическим слепком со всего российского дворянства в социальном и имущественном плане. В массе своей оно не было богатым. Бросалось в глаза богатство немногочисленной дворянской элиты, состоявшей из высших служащих и богатейших помещиков, что часто совпадало. Известный историк Б.Н. Мironov на основе глубокого анализа статистических материалов приходит к выводу, что в конце XVIII – первой половине XIX в. число крупнейших помещиков и их крепостных увеличилось в полном соответствии с естественным приростом тех и других, а число мелких помещиков и их крепостных уменьшалось вопреки существующему

естественному приросту. «В целом для всего этого периода крупные помещики обеспечивали расширенное воспроизводство как самих себя, так и своих крестьян, средние – простое (или приближающее к нему воспроизводство), а мелкие помещики не обеспечивали даже воспроизводства себя и своих крестьян»²⁵. Обнищание мелкого и обеднение среднего поместного дворянства широко освещено в русской классической литературе и многочисленных воспоминаниях. Главная причина этого явления – отрицательный баланс своего бюджета, расходы, превышающие доходы.

Это заметил и мягко поучал своих младших союзников, как старший по возрасту и жизненному опыту, С.Г. Волконский. Например, Пущину и Оболенскому он пенял: «У нас в кругу один вопль безденежья – кажется и вы, как Евгений (Оболенский. – В.Б.) сказывал, брались за шубы и за часы для реализации – поэкономничайте, добрый друг, пора». Сам же князь Волконский благополучно сводил концы с концами, занимаясь хлебопашеством, имея даже «барышок», который тратил на баловство и прихоти своих детей. Однако его прибыль была результатом кропотливого и постоянного труда, когда он входил во все тонкости своего дела. Его часто можно было видеть в поле и на конюшне, на базаре и в трактире, где он, закусывая серым хлебом, оживленно беседовал с мужиками о видах на урожай и ценах на зерно. Иногда он появлялся в салоне своей жены, где собиралось светское общество Иркутска, нарушая покой и приличия своим видом и запахами скотного двора и конюшни, хотя, как известно, принадлежал по праву к высшей российской аристократии. Впрочем, как выяснила недавно О.И. Киянская, желание бравировать досталось С.Г. Волконскому и его братьям от отца, который, в свою очередь, любил подражать в этом А.В. Суворову²⁶.

С неожиданной стороны раскрылся в Сибири А.И. Якубович, сыгравший неоднозначно оцениваемую своими соратниками роль. Герой войны на Кавказе, несколько раз тяжело там раненный, оста-

²⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.). генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 92.

²⁶ Киянская О.И. Декабрист Сергей Волконский // Отечественная история. 2004. № 6. С. 98–116.

вивший по себе память забияки и бретера, подобно образу Долохова в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, Якубович писал из Енисейской губернии письма вполне делового содержания. Например, в письме от 11 декабря 1840 г. В.Л. Давыдову он пишет: «Ты знаешь уже через Мальвинского (отставного офицера, известного сибирского авантюриста и золотопромышленника. – *В.Б.*), что мне поручил сделать закуп 31 тыс. пудов муки, менее месяца я все обработал; доставил более 7 тыс. [рублей] выгоды своим доверителям и сам получил следующую выгоду: мне за комиссию очистилось 2 тыс. 80 руб. – из них я уплатил Оболенскому 800 руб. и оставил себе на содержание по 75 руб. в месяц, сшил волчью шубу и обзавелся новой амуницией; но самое главное выиграл неограниченное доверие, следствием которого я теперь главный винокур Александровского завода, главный подвальный и поверенный откупа...»²⁷. Сомнительная карьера для бывшего драгунского капитана Якубовича – быть в Сибири главным подвальным (старшим кладовщиком), но в тех условиях нужно было не только выживать, но и постараться жить сообразно своим представлениям о качестве жизни. Жажда деятельности охватывала декабристов в Сибири и проявлялась в разных областях. В том же письме Якубович говорит об открытии им каменного угля и, «если будет пароходство, то ты, брат, узнаешь, как мы умеем уголь превращать в золото».

Как и следовало ожидать, служба по откупам – производство и продажа спирта и водки в масштабах губернии – не удовлетворяла честолюбивую и деятельную натуру Якубовича, и он решил попытаться счастья в золотопромышленности, которая его и подвела. В письме от 18 октября 1841 г. он пишет, что вернулся с приисков и нашел свое хозяйство в полном разорении и, «чтобы исправить положение, занял у золотопромышленника П.Е. Кузнецова 8 тыс. руб. и заготовил 3259 копен сена, доделал флигель (славную русскую избу на 30 человек). Конюшню крепкую с полом и яслями на 100 лошадей, два амбара, три зимовья для чернорабочих, кузницу с белой баней в одной связи, очистил тайгу с версту, нажег угля 60 коробов и вырубил к зиме дров 100 сажений». Такая энергия при осуществлении дос-

²⁷ Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова. Неизданные письма. С коммент. Н.К. Пиксанова // Историк-марксист. 1926. Т. 1. М., 1926. С. 186.

таточно обширных планов была присуща многим декабристам, особенно тем, которые проживали в Енисейской губернии. Многие из них могли повторить слова А.И. Якубовича о том, что их «съедает демон деятельности и предприимчивости – голова полна проектов, да бодливой корове бог рогов не дает»²⁸. Охарактеризовать результаты такой деятельности не позволяют объемы данной главы, хотя некоторые сюжеты уже намечены в наших статьях и в монографии Т.А. Бочановой, посвященной научной и административно-хозяйственной деятельности декабристов в Западной Сибири²⁹.

В то же время иногда следует с доверием относиться к словам декабристов, когда они с иронией говорят о своей хозяйственной деятельности. Например, Г.С. Батеньков в письме от 22 августа 1855 г. И.И. Пущину в Ялуторовск так рисует свое положение: «Карман мой весь в дырах, наполнять его трудно, а наполнить невозможно. Прекрасный исход из 30-летнего карантина... Сметал уже 900 копен сена и сжал 1030 снопов, которые, разумеется, при хозяйских моих способностях обойдутся в полтора раза дороже базарных. Нет, на будущий год меня уже не подденут, залягу на бок, да как усталый верблюд не тронусь с места»³⁰.

Истоки предпринимательства декабристов видятся нам в создавшихся в период их ссылки условиях: относительная свобода действий и передвижения по Сибири, недостаток материальных средств и необходимость их зарабатывать. Важной причиной было их желание реализовать себя в новых для них областях промыслов и торговли, жажда новых знаний и впечатлений, азарт людей, привыкших к риску на войне, дуэли или за карточным столом. Заразительно на них действовали и примеры быстрого обогащения некоторых дельцов во время «золотой лихорадки». Кроме этого, большинству из них, не принадлежавших к аристократии, был знаком деловой мир не понаслышке. Например, некоторые из них были прежде близки к Российско-

²⁸ Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова. Неизданные письма. С коммент. Н.К. Пиксанова // Историк-марксист. 1926. Т. 1. М., 1926. С. 187, 188.

²⁹ Бочанова Т.А. Декабристы в Западной Сибири: Научно-краеведческая и административно-хозяйственная деятельность. Новосибирск, 2007. С. 135–170.

³⁰ Житомирская С.В. Из архива И.И. Пущина // Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск, 1981. С. 206, 207.

Американской компании, а К.Ф. Рылеев был здесь одной из ключевых фигур, проживал с семьей в квартире при правлении компании и проводил там собрания будущих декабристов. Эта компания, по мнению современников и следователей по делу декабрьского восстания, была заражена вирусом оппозиционности. Погружение в атмосферу предпринимательства, на наш взгляд, было вполне закономерно, т. к. основной доминантой деятельности компании была крупная коммерция в разных сферах, постоянные контакты с Северо-Американскими штатами, которые тогда были одним из образцов буржуазных свобод и динамичного развития. Близость к действующим предпринимателям помогала декабристам вырабатывать вполне буржуазные по своей сути методы работы. Яркий и убедительный пример тому дают письма и показания Г.С. Батенькова, где он говорит о своем дяде, управляющем одним из филиалов, который с раннего детства оказывал на него влияние. Накануне восстания 14 декабря 1825 г. сам он был готов встать во главе владений компании в Северной Америке с годовым окладом в 40 тыс. руб., что в несколько раз превышало жалованье высших чиновников империи, например, губернаторов и генерал-губернаторов ³¹.

Известный русский путешественник и бытописатель С.В. Максимов отмечал интерес декабристов к практической хозяйственной деятельности. Симпатизируя декабристам, Максимов приходит к выводу, что они были лучше в такого рода делах, чем местные старожилы. Причину такого парадокса писатель видит в том, что «разумная теория всегда бывает плодотворна и в практическом приложении, а разумная практическая деятельность, точность наблюдения, личный практический опыт дают единственный и надежный материал для правильных выводов в теории»³². На наш взгляд, универсальной и полезной для практической деятельности теории у декабристов не было, но был высокий уровень общей культуры, хорошее специальное, например, военное образование, которые легко можно было трансформировать в полезные для себя формы общения и практической деятельности.

³¹ Восстание декабристов. Документы. Т. 14. М., 1976. С. 97.

³² Максимов С.В. Сибирь и каторга. В трех частях. СПб., 1900. С. 441.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

Интересно отметить, что В.Ф. Раевский (по словам его биографа П.Е. Щеголева, «первый декабрист») был знаком с Г.С. Батеньковым еще в юности, когда они находились на обучении в Дворянском полку при Втором кадетском корпусе в Петербурге. Именно там они получили вместе с К.Ф. Рылевым и другими кадетами тот заряд свободомыслия, который их привел затем в тайное общество. После долгих лет заключения Раевский оказался в 1828 г. в ссылке в селе Олонках около Иркутска, где развернул кипучую предпринимательскую и посредническую деятельность. От имени крестьян он договаривался о поставке купеческих грузов, о подрядах по заготовке леса и сельхозпродукции, транспортировке спирта с Александровского винокуренного завода и других обычных для сибирского купца делах. Успешно занимался Раевский и сельским хозяйством – выращивал арбузы, огурцы. Тем не менее обычные для сибирского предпринимателя риски и необходимость содержать большую семью (8 детей и родственники жены) не позволили ему стать крупным дельцом, и он вынужден был устроиться служащим акцизного ведомства в Балаганском уезде. Высокое жалованье и относительная свобода от чиновничьего произвола привлекала к службе по акцизу и некоторых других декабристов. Сам В.Ф. Раевский водку принципиально не пил, сохранил до глубокой старости отменное физическое здоровье и нашел в Сибири свое счастье. В 1858 г. он на короткое время посетил европейскую часть России, но вскоре вернулся в свои Олонки, где и умер в 1872 г., оставив после себя добрую память у местных жителей, замечательную школу и прекрасный дом с разбитым вокруг него парком³³. Талантливый поэт, творчеством которого интересовался А.С. Пушкин, Раевский оставил проникновенные строки о Сибири, ее месте в жизни автора и читателей, судьба которых была связана с этим краем:

³³ О предпринимательстве и образе жизни Владимира Федосеевича Раевского содержатся сведения в кн.: Щеголев П.Е. Декабристы. М.; Л., 1926. Гл. 1; Кудрявцев Ф. Первый декабрист В.Ф. Раевский в Олонках // Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925; Шатрова Г.П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962; Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979; Он же. Первый декабрист. Повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе Владимира Раевского. М., 1990.

Здесь берег мой, предел надежд, желаний,
Гигантских дум и суетных страстей;
Здесь новый свет, здесь нет на мне цепей –
И тихий мир, взамену бед, страданий,
Светлеет вновь, как день в душе моей.

После десятилетнего пребывания многих декабристов на Петровском заводе и в других, стеснявших их личную свободу «исправительных заведений», настало время их ссылки. Этот период совпал с «золотой лихорадкой», охватившей Сибирь после открытия золотых россыпей в Енисейской тайге. Можно было без дорогого и сложного оборудования добывать не «жильное», как прежде, а рассыпное, в виде песка и самородков, золото. Стихия охоты, рискованного поиска своего «случая» была знакома дворянам по военной службе, приходившейся на войну 1812 г. и заграничные походы, с азартными карточными играми, с дуэлями и другими действиями, в которых нужно было проявить личную храбрость, независимость суждений и самостоятельность в принятии решений. Не мудрено, что некоторые из ссыльных отозвались на негласный призыв к рискованным предприятиям и ринулись в новый для себя бой – поиски золота. Из писем С.Г. Волконского, хранящихся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки, известно, что А.И. Якубович откликнулся в числе первых: «Якубович на днях отчалил в Енисейскую губернию... Новый род занятий у него ввиду – хочет заняться подрядами, поручениями золотоискателей. Здесь (в Иркутске. – В.Б.) дела его оборотные шли очень хорошо, авось и там пойдет на лад: лихой кавказский витязь – удачный сибирский спекулянт»³⁴. Термин спекулянт имеет здесь положительный смысл, т. е. человек, извлекающий свою выгоду из ситуации. Тем не менее в Сибири это слово не любили, связывая его с делами в «белых перчатках», которые здесь не приветствовались. Нужно было иметь высоких покровителей, щедро «смазывать» взятками бюрократический аппарат, глубоко внедриться в местные нравы и обычаи. Декабристы такими качествами не обладали. Их отличала особая нравственная чистота и порядочность, которая зачастую была демонстративной.

³⁴ Цит. по: Соколов В.Н. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946. С. 122, 123.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

Об этом в свое время писал Ю.М. Лотман в специальной статье, имевшей достаточно широкий научный и общественный резонанс. В последующем он расширил и развил аргументацию в пользу этой особенной для части дворянства манеры поведения – основе этики декабристов³⁵. Фактов, доказывающих такую необходимую, но редкую для русской действительности черту, вполне достаточно. О честности многих декабристов ходили легенды.

Пример тому – увлечение золотопромышленностью А.В. Поджио, который некоторое время давал уроки сыновьям крупного иркутского купца Белоголового. Однако после женитьбы Поджио на классной даме иркутского девичьего института Л.А. Смирновой и рождения дочери Вареньки, он поддался искушению испробовать свое счастье в золотопромышленности. Как писал мемуарист Н.А. Белоголовый, известный в России врач и общественный деятель, «итальянская пылкость в заботе о семье заставила его удариться в золотопромышленность для того, чтобы обеспечить будущность жены и дочери, т. к. сам он по личным свойствам был человеком без всяких любостыжательных наклонностей и привык довольствоваться только самым необходимым. Однако прииск не только не обогатил А.В. Поджио, а напротив поглотил и тот скромный капиталец, которым он владел; словом, повторилась история, столь часто случающаяся в Сибири»³⁶.

Опубликованные Н.П. Матхановой письма декабриста позволяют детально проследить его предпринимательство в этой области. Со всей присущей ему страстью он принялся за поиски золота, сам, выехав в глухую тайгу с семьей, руководил работами на приисках. Оказывалась, компания по добыче золота состояла из трех человек: А.О. Поджио, племянника А.В. Поджио, на имя которого была произведена регистрация в 1853 г., С.П. Трубецкого, главного спонсора производимых работ, и самого декабриста, который являлся как бы менеджером компании. Нанималось ежегодно около сотни рабочих, закупались необходимое оборудование и припасы, производились разведочные работы, но средств для продолжения работ не хватало и они, после отказа Трубец-

³⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 25–74; Он же. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002. С. 331–384.

³⁶ Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М., 1898. С. 66, 67.

кого в финансировании, были свернуты. Интересно, что продолжение поисков золота в тех местах дало хорошие результаты. Крупнейший российский золотопромышленник И.Ф. Базилевский добыл там в сезон 1865 г. около 3,5 пуд. золота (около 57,4 кг), о чем сам сообщил А.В. Поджио при встрече в Женеве³⁷.

По сведениям А.Е. Розена, А.И. Якубович на поселении в Сибири основал небольшую школу и устроил небольшой мыловаренный завод. Дела он повел, по словам мемуариста, «так исправно и удачно, что не только сам содержал себя безбедно, но помогал другим беспомощным товарищам и посылал своим родным гостинцы, ящики лучшего чая»³⁸. Правду от слухов здесь трудно отличить, т. к. находились они в разных городах: Якубович в Енисейске, где в 1845 г. и умер, а барон Розен – в Кургане. В этом небольшом зауральском городе, расположенном в благоприятной для сельского хозяйства степной полосе, Розен развил кипучую деятельность. Получив 15 десятин пахотной земли, он взял в аренду еще 45 десятин, вывез от винокуренного завода несколько десятков возов золы, еще больше навоза, применял нехитрые на первый взгляд, но эффективные орудия труда – каток из листовенничного бревна, особого устройства бороны, более сложный, чем трехполье, севооборот – и результаты не замедлили сказаться. Крестьяне приходили смотреть на новинки и перенимали опыт. Трудности с наймом работников Розен преодолевал традиционно: «Стоило только объявить по ближним деревням, что приглашаю сто человек на помощь в назначенный заранее день, то мог быть уверен, что непременно придут, даже с излишком. Причина того, что не идут работать даже за высокую плату (рубель и более в день на человека) не только в зажиточности местного населения, но и в том, что сибиряк любит повеселиться: помочь для него – угощение и бал»³⁹.

В воспоминаниях Н.А. Белоголового содержатся также сведения о другом декабристе – В.А. Бечаснове, который, по словам мемуариста, «особенно крупным умом не отличался и не выдавался своим образова-

³⁷ Поджио А.В. Записки. Письма. Подг. Н.П. Матхановой. Под ред. С.В. Житомирской. Иркутск, 1989. С. 303.

³⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. СПб., 1907. С. 204.

³⁹ Там же. С. 221.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

нием над общим уровнем провинциального общества, как его товарищи, но, тем не менее, это был чрезвычайно добрый и честный человек. С отцом моим у него было общее промышленное предприятие, а именно, отец дал деньги, а Бесчастнов устроил в 12 верстах от Иркутска небольшую маслобойню, на которой приготавлилось конопляное масло. Предприятие было грошовое, а потому отец мало им интересовался, но Бесчастнов по понятной причине, что других материальных ресурсов у него для жизни не было, был весь поглощен им». Такая поглощенность, увлеченность и преданность делу давала неплохие результаты. Происходивший из беспоместных дворян Рязанской губернии В.А. Бесчастнов получил образование «на медные деньги» в уездном училище, губернской гимназии, втором кадетском корпусе и после 7-летней службы унтер-офицером стал прапорщиком. Принадлежал к «Обществу соединенных славян» и сначала был осужден в каторгу навечно, но срок сократили до 13 лет, и после выхода на поселение женился на крестьянке Анне Кичигиной. У них было 7 детей, и даже амнистия 1856 г. не могла его заставить переехать в Россию. Он остался в Сибири и умер в 1859 г. в Иркутске, где и похоронен⁴⁰.

Об отношении к предпринимательству можно судить, в частности, по словам А.И. Якубовича, который на следствии так говорил о русском купечестве: «В первых двух гильдиях есть много людей образованных, способных и имеющих в характере и на себе печать русской народности, довольно предприимчивых, но не ободренные правительством остаются при ничтожном круге действий, не имея капиталов, дабы составить компании, уступили все выгоды внешней торговли иностранцам и довольствуются маловажными предприятиями. Третья гильдия многочисленна и приносит великую пользу государству, занимаясь внутренней промышленностью, но без решительного содействия правительства купечество не в силах доставлять на место требований русские произведения и из первых рук получать товары востока и юга»⁴¹.

Эти слова во многом созвучны позициям современных исследователей предпринимательства. Например, В.А. Ламин отмечал, что

⁴⁰ Белоголовый Н.А. Указ. соч. С. 77, 78.

⁴¹ Из писем и показаний декабристов. М., 1906. С. 79.

«сибирский предприниматель более всего страдал от отсутствия капиталов, чем от поиска или недостатка точек его приложения. Оборотные средства крупных сибирских торгово-промышленных фирм постоянно находились в напряжении. Расширение масштабов предприятия поглощало складывающиеся накопления без остатка»⁴². Остается отметить, что мы разделяем такую точку зрения на взаимоотношения государства и предпринимателей с уточнением, что и в современных условиях история повторяется – малый и средний бизнес поднимают больше на словах, чем на деле.

О своей дружбе с томскими купцами польского происхождения Поклевскими Г.С. Батеньков писал И.И. Пущину в феврале 1855 г.: «По какому праву не известили вы меня ни словом, о таком милом, образованном и дружелюбном семействе, как Викентия Поклевского? Они всю ялutorовскую колонию, а особливо Басаргиных, знают как свои пять пальцев и, являсь сюда без всякого письменного вида, отняли у меня несколько месяцев самого приятного знакомства»⁴³. Как известно, В.Ф. Поклевский был младшим братом крупного сибирского дельца А.Ф. Поклевского-Козелл, который приехал сюда раньше своего брата и служил сначала мелким чиновником, а затем стал крупным винозаводчиком и виноторговцем. Викентий Поклевский был сослан в Сибирь после польского восстания 1830 г. С 1854 г. он жил в Томске, владел Рыболовским стеклоделательным заводом, имел дом и принимал вместе с женой Эрнестиной, замечательной женщиной, гостей, в число которых и вошел ссыльный декабрист.

Достаточно широкую известность в Сибири получил упоминавшийся нами Н.В. Басаргин. Происходил он из мелкопоместных дворян Владимирской губернии (56 душ на двоих с братом, заложенных к тому же в Дворянский банк), учился в школе колонновожатых (будущая академия Генерального штаба), имел успехи в математике и вполне удачно делал успешную военную карьеру. В Сибири после освобождения из каторги он служил сначала писцом, а потом канцелярским служителем в нескольких сибирских городах (Туринск, Курган, Омск, Ялutorовск). Через обширный опыт чиновничьей службы в различных сибирских

⁴² Ламин В.А. Золотой след Сибири. Екатеринбург, 1997. С. 31.

⁴³ Житомирская С.В. Указ. соч. С. 198.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

учреждениях, родство и общение с деловыми кругами, Н.В. Басаргин хорошо знал Сибирь. Талантливый мемуарист и публицист, он нарисовал красочную картину сибирского предпринимательства, которая дает нам возможность оценить отношение декабристов к деловой жизни региона и определить в ней их место. В своих записках Басаргин отмечал, что один зажиточный крестьянин в Восточной Сибири имел большую запашку, постоянный двор, занимался извозом и нанимал работников, но расширять свое дело не хотел. Он говорил декабристу, что «мог бы еще больше разбогатеть, стоило только пуститься в казенные подряды, меня не только приглашали, и насильно втягивали чиновники; да сам не захотел: тут не всегда делается на честных правилах, надобно давать, а чтобы давать, надобно плутовать, воровать у казны, да и концы уметь хоронить. Мне этого не хотелось, пусть уж другие от этого богатеют, а не я»⁴⁴. Такого, вполне естественного с точки зрения честного человека, правила придерживались и декабристы, которые пробовали себя в предпринимательстве.

Братья Бестужевы были еще более известны в Сибири, чем Н.В. Басаргин. Они до восстания также получали средства к существованию за счет службы, а в ссылке активно проявляли частную инициативу. Например, двое из них, Михаил и Николай, были после каторги переведены за Байкал в Селенгинск, «где оставили по себе отличную память, т. к. много содействовали поднятию этого небольшого городка, как в умственном так и в экономическом отношении. Их труды и участие в обучении детей дали впоследствии таких хороших и образованных сибирских купцов, каковы были Старцевы и Лушниковы». В Забайкалье Бестужевым удалось организовать компанию по выращиванию породистых овец-мериносов, изобрести удобную для горной местности повозку-двуколку, которую там называли «бестужевкой», но эти и другие подобные занятия не дали им существенных материальных результатов. Тогда Н.А. Бестужев стал писать портреты по достаточно высокой цене (100 рублей за мужской портрет, 150 – за женский)⁴⁵. Эта сторона его деятельности оставила нам целую галерею портретов и картин, живо передающих колорит эпохи, и еще раз подтверждающих те-

⁴⁴ Басаргин Н.В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 66.

⁴⁵ Белоголовый Н.А. Указ. соч. С. 15.

зис о том, что в Сибири оказались самые незаурядные и талантливые люди России того времени.

Михаил и Николай Бестужевы поселились в Селенгинске в августе 1840 г. Вместе с ними переехал сюда их друг, моряк К.П. Торсон, который до окончания строительства своего дома жил в доме купца Никифора Григорьевича Наквасина, причем декабрист занимал большой дом, а хозяин жил в небольшом флигеле. Братья Бестужевы остановились в это время в доме крупнейшего в округе купца Дмитрия Дмитриевича Старцева, сын которого в это время женился на дочери купца Сабашникова, правителя дел Российско-Американской компании в Кяхте и, следовательно, как подметили многие современники, приобрел отца и покровителя своих коммерческих предприятий. Связь сибирского купечества с ссыльными декабристами еще раз подтверждается на примере братьев Бестужевых и Торсона в забайкальском городке Селенгинске. Поначалу они хотели заниматься традиционными для дворян Европейской России делами в области сельского хозяйства. Вот как образно это описывает в своих воспоминаниях М.А. Бестужев: «Все известно, что в Сибири пахотные земли не имеют ценности: здесь ценится только городьба, обнесенная кругом ее. У Наквасина мы таких земель, или лучше – городьбы, купили пропасть; прикупили сенокосных лугов, начали сеять и косить, – но, увы! – почти десять лет мы зарывали наши деньги без всякого вознаграждения. Один только год нас порадовал, и это был единственный. В нашем засушливом краю нет выгоды сеять хлеб, а особенно тем хозяевам, которые сами не пашут, а все делают с найма. Ежели хлеб дорог – вас работа съест, ежели хлеб дешев, даже при урожае, вы не выручите издержек, продавая дешевый хлеб. Мы бросили хлебопашество и обратились к скотоводству»⁴⁶.

Довольно часто в литературе о декабристах в Сибири приводят сведения о том, что Бестужевы стали заниматься в Забайкалье разведением ценных мериносовых овец, шерсть которых годилась бы для производства местного сукна. Но мало кто знает, что и закупка 500 таких овец закончилась вскоре крахом. В связи с этим М. Бесту-

⁴⁶ Бестужев М. Мои тюрьмы. Очерки и ответы 1869 года // Воспоминания Бестужевых. Ред. ст. и комм. М.К. Азадовского. М.-Л., 1951. С. 190, 191.

жев продолжает свое повествование: «Но и эта хозяйственная мера оказалась бесплодной. Шерсть овец не покупали даже наравне с шерстью простых овец. Приплод стада не покупают, чтобы не портить простых стад, мяса не покупали, потому что оно хуже мяса обыкновенных овец, а сена едва хватало на их содержание, потому что мериносовые овцы такие барыни, что их почти круглый год надо было держать на постоянном корме». Когда, по словам М. Бестужева, «нужда стала хватать их за бока», он принялся за производство придуманных им «сидеек» (двухколесных тележек, удобных для передвижения по грунтовым дорогам и бездорожью. – В.Б.). У М. Бестужева в мастерской трудилось до 30 человек бурят, которые делали эти народные «кабриолеты», которые стали настолько распространены в Забайкалье, что, по словам Бестужева, «вы не найдете ни одного мало-мальски достаточного бурята, у кого не было бы “бестужевки”».

Предпринимательская деятельность декабристов была во многом неудачной в связи со многими запретительными мерами правительства. Например, было приказано не выезжать от места их жительства далее 15 верст, но землю братьям Бестужевым отвели в 15,5 верстах от города Селенгинска, где они проживали. Вследствие такого мудрого распоряжения, – пишет М. Бестужев, – если нам нужно было посмотреть, как пашут или косят работники, мы должны были писать просьбу на имя шефа жандармов, который должен был испросить у государя высочайшее разрешение на выезд. Однажды мы такую просьбу написали, но она осталась без ответа, и давало оружие местной администрации делать ссыльным различные притеснения»⁴⁷.

Буржуазные наклонности декабристов проявились и в выборе друзей и знакомых среди местного населения. В Забайкалье, как и в других местах, ими, как правило, были местные купцы. В Селенгинске им стал М.М. Лушников: «Его опытностью и уважением к нему держится общество бедных и ленивых мещан. Без его совета и голоса ничто у нас не творится. Брат и я, мы полюбили его за патриархальную простоту, доброту и правоту. Одного из его сыновей брат учил рисованию», – писал М.А. Бестужев. В то же время и молодые купцы подавали надежду быть носителями прогресса. Один из них стал неплохим

⁴⁷ Бестужев М. Указ. соч. С. 191, 196.

фотографом: «Наш доморощенный фотограф, молодой сибиряк из юного поколения купцов, которое к отраде России начинает возникать на бесплодном поле сибирского купечества, доселе произрастившего только волчец и терние, дошел, терпением и собственной смысленностью, до удовлетворительной степени совершенства в фотографии»⁴⁸.

После своего освобождения из казематов развил бурную деятельность в Забайкалье и Д.И. Завалишин. Выпускник Морского кадетского корпуса, после окончания которого он был оставлен там преподавателем, участник кругосветного путешествия до Русской Америки и обратно под командой М.П. Лазарева, талантливый ученый и публицист, Завалишин обладал выдающейся энергией и мог работать по 18 часов в сутки, чередуя умственный труд с физическим. Получив положенные ссыльному 15 десятин земли, он создал образцовое хозяйство, где было 5 пар рабочих волов, 7 дойных коров, 12 рабочих и 40 нерабочих лошадей. Но главной гордостью Завалишина был огород с теплицами, где он выращивал редкие и неизвестные для Забайкалья растения, в том числе арбузы и дыни⁴⁹. В то же время его хозяйство не выдерживало конкуренции с местными крестьянскими хозяйствами, которые лучше учитывали специфику местного климата и местного рынка. «Письма Д.И. Завалишина, – замечает биограф декабриста Г.П. Шатрова, – полны описаний его огорчений, разочарований, признания полной неудачи своей деятельности»⁵⁰.

На аналогичных началах и практически с теми же результатами было основано хозяйство другого известного в Сибири деятеля – И.И. Горбачевского. Он происходил из незнатной и небогатой провинциальной дворянской семьи, был членом Общества соединенных славян, которое состояло из таких же, как он дворян, но имело радикальную программу преобразований и поддерживало связи с польскими офицерами. Это определило им самые суровые наказания, хотя в восстании они практически не участвовали. После освобождения из казематов Горбачевский завел собственное хозяйство, где было 14 лошадей, построил мыловаренный завод, мельницу, вел торговлю

⁴⁸ Бестужев М. Указ. соч. С. 267, 449.

⁴⁹ Завалишин Д.И. Указ. соч. С. 360–369.

⁵⁰ Шатрова Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин. Красноярск, 1984. С. 97.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

маслом и выполнял подряды по поставке бревен в казну, но везде, по отзывам современников, прогорал в силу своей безграничной доброты и доверчивости.

Крахом закончился и первый в России опыт организации кооперативного движения, хотя он еще раз показывает гуманизм ссыльных декабристов, желание улучшить условия жизни своим ближним, реализовать передовые идеи общественной мысли того времени. Поводом для создания кооператива стало появление в журнале «Современник» информации о рабочих английского г. Овена, которые организовали потребительское общество. И.И. Горбачевский и его молодой помощник А. Першин воспользовались этим опытом и создали в Петровском заводе «Общественную лавку». По уставу в кооператив можно было вступить после уплаты взноса в 5 руб., вполне доступного рабочим завода; местные купцы и управляющий заводом внесли дополнительные средства и удалось собрать около 2 тыс. руб. На эти деньги закупили 72 головы крупного рогатого скота и стали продавать мясо по 5 коп. за фунт (409,5 г), т. е. на 3 коп. дешевле, чем у местных мясоторговцев. Вскоре еще понизили цены, и все 8 лавок торговцев были закрыты. На отчисления из кооператива было создано народное училище, оказывалась помощь остро нуждающимся. В конечном итоге эта кооперация действовала всего около 6 месяцев, т. к. не был соблюден важный принцип кооперации – торговать по среднерыночным ценам⁵¹. Тем не менее пример народного капитализма или буржуазного социализма, как иногда называют кооперативное движение, был для Сибири заразительным. Бурный расцвет кооперация пережила в конце XIX – начале XX в., особенно в области животноводства и производства сливочного масла.

В письме Е.П. Оболенскому от 5 октября 1839 г. И.И. Горбачевский рассказывает, что, получив от управляющего Петровского завода железа на 1000 рублей, он его перепродал и получил барыша 123 рубля: «Тяжкий для меня был этот день. Я не знал, куда глаза спрятать; я был огорчен своим положением более, чем когда-либо. Они смеются надо моей совестью, а мне больно, горько»⁵². Описывая дальше

⁵¹ Шатрова Г.П. Декабрист И.И. Горбачевский. Красноярск, 1972. С. 186.

⁵² Горбачевский И.И. Записки и письма декабриста И.И. Горбачевского / Под ред. Б.Е. Сыроечковского. М., 1925. С. 247.

свои несложные и небольшие по размаху дела, Горбачевский признается Оболенскому, что никогда бы не стал заниматься торговлей, извозом, заготовкой сена, если бы не нужда. Было бы у него состояние, стал бы он тут в Сибири заниматься торговлей, восклицал он. В письмах других декабристов Горбачевского иногда называли «ленивым хохлом», что, вероятно, было близко к истине. Он пишет, что взялся перевозить по казенному подряду 700 пуд. камня по 30 коп. с пуда, но расстояние большое – больше 50 верст. В следующем письме сомневается в доходности этого дела – «расходы невероятные»⁵³.

В январе 1840 г. Горбачевский пишет Оболенскому о подряде по вывозке 1000 бревен – «в пять месяцев хочу закончить эту операцию. Если вывозка будет стоить 300 руб., то 350 серебром я буду иметь в барышах. Я теперь имею трех работников и стряпку. Ты себе представить не можешь, как они едят; это настоящие акулы, хотя, впрочем, я им ничего не жалею»⁵⁴. Следующий проект был связан у Горбачевского с устройством мыловаренного завода. Он просит у Оболенского узнать цены на осиновою золу и известь с доставкой в Петровский завод, где он проживал. В следующем письме летом 1840 г. тому же адресату Горбачевский сообщает, что его мыльный завод, над которым Оболенский жестоко потешался, почти готов и не хватает только котла, который должен быть изготовлен на Петровском заводе, потом он не мог найти специалиста-мыловара и, наконец, охладел к предпринимательству вообще: «Тяжко мне об этом говорить, отвратительно мне стало хозяйство, ни к чему не ведущее; к тому же я часто бываю нездоров, следовательно, при нравственности здешних рабочих, это не хозяйство, а мучение и убыток всегдашний; прежде это было еще сносно, потому что я занимался кое-где по комиссиям золотопромышленников, но теперь, вот уже другой год, они ничего здесь не получают по дороговизне заводских изделий, которые гораздо дороже уральских. Теперь у меня одно занятие, что беру иногда подряд возить уголь; но тут никакой выгоды, напротив, всегда убыток, взявши в расчет содержание людей, лошадей и ремонт»⁵⁵.

⁵³ Горбачевский И.И. Указ. соч. С. 250.

⁵⁴ Там же. С. 253.

⁵⁵ Там же. С. 291.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

В результате И.И. Горбачевский в каждом начатом им деле терпел убытки, оправдываясь перед друзьями тем, что и знатоки, местные жители, и торговцы ошибаются, а ему и подавно можно ошибиться. Со своей стороны отметим, что Горбачевский не имел ни природной (врожденной или приобретенной через образование или коммерческую практику) склонности к предпринимательству, ни достаточных капиталов для начала своей деятельности. Бросаясь из одной сомнительной отрасли в другую, с точки зрения эффективности, он растрачивал необходимые для сносного существования в Сибири средства. Поэтому ему приходилось постоянно изворачиваться в поисках денег, заказчиков и кредиторов, что тяготило и расстраивало его.

Список декабристов, которые в Сибири занимались предпринимательством или давали оценки этому явлению, можно расширить, а характеристику их деятельности углубить. Например, поставляли на прииски муку, крупу и говядину Александр, Артамон и Никита Муравьевы. Занимались небольшими подрядами братья Беляевы, которые выполняли ответственные поручения золотопромышленников по найму рабочей силы, по поставкам необходимых на приисках товаров, по контактам с местной администрацией. Честность и высокий авторитет декабристов делали их работу столь эффективной, что крупные воротилы местного бизнеса мечтали получить их в качестве управляющих, предлагая жалованье, превосходящее губернаторское (4 тыс. руб. годовых «на всем готовом»). Обращение к властям за разрешением не дало результата – в просьбе было отказано⁵⁶. Александр Петрович и Петр Петрович Беляевы были, как и большинство названных выше декабристов, из беспоместных дворян. Их отец служил управляющим имениями графа А.К. Разумовского в Пензенской и Рязанской губерниях. Братья получили образование в Морском кадетском корпусе и вполне успешно делали свою карьеру. Оказавшись в Сибири, они вынуждены были заниматься мелким и средним бизнесом, оказывать управленческие услуги (менеджмент) местным дельцам.

После возвращения в Россию братья продолжили предпринимательство. Старший из них, Александр Петрович, стал успешным управ-

⁵⁶ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850. СПб., 1882. С. 295, 312.

ляющим крупных имений, спасал их от разорения, а младший, Петр Петрович, в 1849 г. построил пароход (тогда это было редкостью), принял командование им на себя и совершал регулярные рейсы от Рыбинска до Астрахани. Впоследствии он был управляющим конторой пароходного общества «Кавказ и Меркурий» в Саратове⁵⁷. Такого рода карьера одного из декабристов связывает предпринимательство традиционного типа с новейшими для того времени формами ведения бизнеса – акционерными компаниями и применением в промышленности и транспорте паровых машин. Рассмотрев и проанализировав эволюцию предпринимательства декабристов в Сибири, их отношения к этой деятельности, их взаимоотношения с местными деловыми кругами, можно говорить о положительных результатах действий декабристов в области предпринимательства. Однако сфера их интересов была ограничена, как ныне говорят, мелким бизнесом, а возможности были невелики в связи с общими неблагоприятными для развития капиталистических отношений условиями.

Шире занимались декабристы сельским хозяйством, прежде всего полеводством и огородничеством. Благодаря их деятельности площадь посевов в Сибири увеличилась за счет продвижения на север, в те районы, где раньше их не было. По свидетельству Б. Кубалова, М. Кюхельбекер, живя в Баргузине, почти все присылаемые от родных деньги употреблял на устройство своего хозяйства. А.И. Вегелин в Сретенске и М.М. Спиридов в с. Дрокинском под Красноярском завели образцовые хозяйства. К.П. Торсон в Селенгинске устроил механическую молотилку, которая совмещала вдобавок операции по веянию и сортировке зерна. Чертеж машины был переслан в Минусинск братьям Беляевым, поставившим там хозяйство на широкую ногу. Декабристы принесли с собой в страну изгнания искреннее желание быть полезными приютившему их краю. «Настоящее житейское поприще началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили», – писал в одном из своих писем М.С. Лунин. Эти слова стали широко известны, потому что стали в определенной степени манифестом поселив-

⁵⁷ Декабристы. Биографический справочник. Подг. С.В. Мироненко / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 19.

шихся там декабристов, которому, за редким исключением, почти все они следовали⁵⁸.

С.Г. Волконский еще в Чите пристрастился к огородничеству. Понятно, что в ссылке в Урике под Иркутском на берегу Ангары «эта страсть еще больше развилась, когда расширились возможности ее удовлетворять. Его овощи и цветы славились по всей округе. В землярной работе находил он упоение», – писал внук С.Г. Волконского. И далее делал глубокое обобщение: «Люди высокого духа всегда любят землю, ее жизнедающее лоно; для них земля есть осуществляющая материя, то дело, без которого вера мертва. И в свою очередь, люди земли больше всех других рабочих способны чувствовать духовность»⁵⁹.

Уже упомянутые М.М. Спиридов и А.Е. Розен создали новые орудия по разрыхлению и заглаживанию пашни, что давало сбережение влаги и повышение урожайности зерновых. А.Н. Андреев в Оленинске построил первую в крае мукомольную мельницу, используя камни с берегов Лены в качестве жерновов. Братья Бестужевы в Забайкалье усовершенствовали водяные колеса с черпаками для подачи воды из реки на поля. Находясь на каторге в Петровском заводе, декабристы занялись вплотную огородничеством и достигли здесь впечатляющих результатов. Они выписывали из-за Урала редкие тогда сортовые семена, устраивали для растений специальные гряды и парники, выращивали редкий для того времени картофель и невиданные здесь бахчевые культуры. Вместе с тем декабристы обращали внимание местного населения на разведение в Сибири табака, гималайского ячменя, на выделку конопляного масла и на другие, редкие для этих мест занятия и ремесла. Поучительна в этом плане история пребывания в ссылке Князя Ф.П. Шаховского, который был сначала сослан в Туруханск, а затем его хорошему знакомому енисейскому губернатору А.П. Степанову удалось перевести его в Енисейск. Ф.П. Шаховский попытался создать там хутор, с тем чтобы заняться разведением

⁵⁸ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925. С. 81; Он же. Декабристы в Сибири // Сибирская советская энциклопедия. В. 4 т. Т. 1. Новосибирск, 1929. С. 798. Он же. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы // «В сердцах Отечества сынов...». Иркутск, 1975. С. 65, 68.

⁵⁹ Волконский С., князь. Воспоминания: О декабристах. Разговоры, М., 1994. С. 85.

различных сельхозкультур, ранее здесь не культивировавшихся. К сожалению, у декабриста не хватило душевных сил, чтобы сопротивляться одиночеству. Состояние подавленности и чувство безысходности привели его к умственному расстройству⁶⁰.

Такой же убыточной оказалась деятельность сосланного в Братский острог П.А. Муханова, который имел в планах завести здесь лошадиную мукомольную мельницу и получать от ее работы доход, чтобы как можно меньше быть в тягость родным, которые семь лет содержали его. Потом стал заниматься огородничеством, домашним хозяйством, хлебопашеством, рыболовством и охотой. Хлебопашество его разочаровало, т. к. засевая от 3 до 17 десятин земли, он не смог окупать расходы на найм работников, покупку семян, содержание лошадей и другие траты. Домашнее хозяйство его состояло из коров, кур и собак для охоты, что в деревенской жизни не могло давать выгоды, т. к. молоко и масло продавать было некому. 11 лет прожил Муханов в Братском остроге, пока после хлопот родных не был отправлен в Усть-Куду под Иркутском. Материальное положение его было плачевным: все, что здесь было куплено за деньги, пришлось бросить или отдать за бесценок. После переезда Муханов писал: «Доходы мои слишком ограничены для того, чтобы я мог в одном месте бросить домик свой, а в другом строить»⁶¹.

Более успешной была хозяйственная деятельность братьев Кюхельбекеров в Забайкалье. Младший из них, Михаил, прибыл на поселение в Баргузин в 1831 г. и на первое «обзаведение» попросил помощи у С.П. Трубецкого. Получив 500 рублей, он начал строить свое хозяйство в трех типичных для этого края направлениях – зерновом, скотоводческом и рыболовном. В хозяйстве наряду с собственным трудом использовали труд постоянных и сезонных работников, хотя среди них, по словам хозяина, попадались «ханжи и плуты». Затем М.К. Кюхельбекер сократил свое хозяйство, в иные годы не сеял даже хлеб. А занялся составлением научных трудов по исто-

⁶⁰ Чернышова Н.К. Общественно-политические взгляды А.П. Степанова // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 275.

⁶¹ Герасимов В. Декабрист П.А. Муханов в Братском остроге // Сибирь. 1975. № 6. С. 117.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

рии Забайкальского края, был управляющим, хотя и негласно (занимать такие должности декабристам запрещалось), золотых приисков. Старший брат, лицеист и известный поэт, В.К. Кюхельбекер прибыл в Селенгинск гораздо позже, и поначалу также с любовью занимался хлебопашеством и сенокосением, но затем, по словам его жены, все это как-то наскучило⁶².

Гораздо серьезнее выглядели занятия сельским хозяйством у братьев Беляевых. Они купили себе домик, взяли в аренду за бесценок пахотную землю, купили лошадей, бороны, наняли работников и «сделались в полном смысле фермерами». Почва была превосходный чернозем, братья сами смонтировали молотилку и молотили на ней хлеб, который затем поставляли на золотые прииски. Для занятий скотоводством они арендовали за 15 руб. ассигнациями (смешные даже по тем временам деньги) остров, где держали до 200 голов рогатого скота. 20 коров доились, и производилось масло на продажу, быки же продавались гуртовщикам. Дела братьев Беляевых шли довольно хорошо, пока в 1840 г. по высочайшему повелению они не были отправлены рядовыми на Кавказ. Дом свой они продали, а хозяйство с лошадьми и скотом во всем объеме передали Мозгалевскому, сначала из третьей части дохода, а после его смерти, которая вскоре последовала, отдали совсем его жене⁶³.

Согласно инструкциям местным властям, декабристы были обязаны в местах поселения «снискать пропитание собственным трудом» и им был выделен 15-десятинный надел. В результате многие из них, особенно малоимущие, делили с крестьянами тяготы их жизни: поднимали целину, обрабатывали землю и страдали от постоянных неурожаев, связанных с суровым и непостоянным сибирским климатом. Декабристам разрешалось приобретать или строить на поселении дома, но чтобы вели себя тихо и скромно и «никаких связей и знакомств ни с кем не заводили», а отлучаться с поселения дальше 15 верст не дозволялось без особого разрешения начальства.

⁶² Мамсик Т.С. Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 130–137.

⁶³ Ватин-Быстрянский В.А. Политическая ссылка в Минусинске // «В сердцах Отечества сынов...». Сб. статей и материалов. Иркутск, 1975. С. 127, 128.

На поселении оказалось более 100 участников восстания, навсегда исключенных из дворянского сословия и перечисленных в несвободное состояние каторжан и ссыльных. Декабристам было отказано в причислении в местные крестьянские общества, строго запрещалось поступать на государственную службу. Если все-таки исключения были, то для получения первого классного чина нужно было безукоризненно прослужить 12 лет в сибирской администрации либо отличиться на кавказском театре военных действий. Политическим ссыльным не позволялось в Сибири заниматься торговлей или какой-либо общественной деятельностью, избирать или быть избранными в органы местного самоуправления, участвовать в судебных процессах, быть опекунами или попечителями⁶⁴. Правда, были исключения, которые потом стали повсеместными. Сначала Ивану Шимкову и Александру Бригену разрешили заниматься переводами, Александру Бестужеву – литературным творчеством, Фердинанду Вольфу – медицинской практикой. Вести промыслы и торговлю позволили Аполлону Веденяпину, Ивану Аврамову и Николаю Лисовскому и некоторым другим, которые не получали помощи от родных и были поселены на крайнем севере Сибири (см. прил.). В тоже время декабристам запрещалось заниматься к частным лицам для выполнения определенных работ, связанных с их высокой квалификацией и моральным авторитетом – быть управляющими различными предприятиями и компаниями, штурманами и инженерами, юристами и учителями государственных школ различных уровней.

Таким образом, по далеко не исчерпывающим затронутую тему материалам можно сделать некоторые предварительные выводы. Значительная часть декабристов, оказавшись в сибирской ссылке и на поселении, вынуждена была в той или иной степени заниматься предпринимательством. Для многих из них это была вынужденная мера, т. к. они принадлежали к малосостоятельной части дворянства. Конечно, они были избавлены от страха голодной смерти – им выплачивалось для проживания определенное денежное жалованье, они были окружены состоятельными друзьями и сочувствующим им населени-

⁶⁴ Подосенов О.П. Правовой статус ссыльных декабристов // Вопросы истории, государства и права. Межвуз. науч. сб. Вып. 1. Саратов, 1977. С. 75.

ем, но дворянская гордость и появившиеся в Сибири семьи заставляли их искать новые источники дохода. Коли привычное для дворян занятие – военная и статская служба были под запретом, то оставались дела, связанные с местной экономикой. Декабристы заполняли, как правило, нишу мелкого и среднего бизнеса, исполняли роль посредников между крупными предпринимателями и народом. Самим декабристам выйти в дельцы общесибирского масштаба не удалось. Важно отметить, что сферой приложения сил и средств декабристов была не самая распространенная и доходная сфера бизнеса – торговля, а различные отрасли промышленности (добыча золота, обработка сельскохозяйственного сырья), транспортировка грузов сухопутным и водным путем, поставки приисковых товаров, товарное сельское хозяйство и некоторые другие. Получить ощутимый эффект в этих отраслях можно было не так быстро, как в торговле, но для декабристов важна была не столько прибыль, сколько желание испытать себя в новой сфере деятельности. Получая доходы от предпринимательства, декабристы старались не поступаться своими принципами честных и благородных людей, находили достойное занятие для души и ума, преодолевали скуку и однообразие провинциальной сибирской жизни.

2.3. Декабристы и сибирское купечество

Одной из важных составляющих предпринимательства декабристов в сибирской ссылке стали их взаимоотношения с местным купечеством. Во многих сохранившихся воспоминаниях говорится о том, что общение с местными купцами и торговцами, мещанами и крестьянами было для декабристов предпочтительнее, чем с местными чиновниками, сословные устои которых были чужды демократическим принципам. Симпатии к купечеству как к сословию, которое может стать ядром российской буржуазии, складывались у декабристов еще до сибирского периода их деятельности. Провозглашенный декабристами принцип равенства граждан перед законом, уничтожение гильдий и цехов открывали дорогу буржуазному предпринимательству. Как считает А.В. Семенова, некоторым из купцов импонировали эти идеи. К ним она отнесла В.А. Плавильщикова – владельца книжной лавки в Петер-

бурге, где собирались декабристы, московского книгоиздателя М.Л. Селивановского, руководителей Российско-Американской компании И.В. Прокофьева, Н.И. Кусова, О.М. Сомова и некоторых других⁶⁵. По нашим сведениям, на обедах директора этой компании Прокофьева Г.С. Батеньков познакомился с купцом К.Т. Хлебниковым, представителем компании в Русской Америке в 1817–1832 гг. Это был просвещенный коммерсант, автор труда «Записки о колониях в Америке», друг некоторых декабристов, скорбевший о неудаче восстания.

В мемуарах декабристов часто встречаются строки, свидетельствующие о симпатиях к ним представителей местного купечества, о контактах, которые наладились между ними. В воспоминаниях Е.П. Оболенского, например, содержатся ценные характеристики взаимоотношений ссыльных декабристов и сибирских купцов. Радужное гостеприимство декабристам в Иркутске оказывал городской голова Е.А. Кузнецов, другие купцы, которые «...по возможности старались нас успокоить и развлечь». Некоторые из них шли на серьезные нарушения законов и могли понести за это соответствующие наказания. Так, поверенный упомянутого Е.А. Кузнецова способствовал переписке декабристов с их женами, прибывшими в Сибирь и не имевшими сначала возможности даже переписываться⁶⁶.

Со знанием дела описывает Е.П. Оболенский историю возникновения и последующую работу знаменитой школы декабриста И.Д. Якушкина. Немаловажную роль здесь сыграл ялutorовский купец И.П. Медведев, по словам Оболенского, «человек предприимчивый, имевший первую стеклянную фабрику в 17 верстах от Ялutorовска». Он сам предложил Якушкину свое содействие в устройстве училища и за свой счет перевез строение, которое можно было использовать в здании для этого учебного заведения. С его помощью были собраны дополнительные средства, найдены помощники, в числе которых были ближайшие родственники Медведева, и в 1842 г. было открыто училище. «Тогда и началась, – пишет Е.П. Оболенский, –

⁶⁵ Семенова А.В. Предпринимательство накануне Великих реформ (первая половина XIX в.) // История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 376.

⁶⁶ Оболенский Е.П. Воспоминания о 1826 и 1827 годах князя Евгения Петровича Оболенского // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 98.

та неутомимая и усидчивая деятельность Ивана Дмитриевича, которая была выражением не только его доброго желания быть полезным, но и той твердой воли и того постоянства в достижении цели, без которых ни что истинно полезное никогда не совершалось»⁶⁷.

Другим купцом, который стал близок к декабристам, был Николай Яковлевич Балакшин, ялutorовский купец, управляющий, а затем компаньон крупнейшего сибирского откупщика Н.Ф. Мясникова. В одном из своих писем И.И. Пущин пишет, что он был «на именинном балу у Балакшина». В другом письме от 26 февраля 1845 г. он дает ему более подробную характеристику: «Очень человек добрый и смысленый; приятно с ним потолковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу: в полном смысле слова верный союзник, исполняет наши поручения, выписывает нам книги, журналы, которые иначе должны бы были с громкими нашими прилагательными отправляться в Тобольск, прежде нежели к нам доходить. Все это он делает с каким-то радушием и приязнью». В другом письме от 5 марта 1845 г. Пущин развивает эту мысль уже на более широком материале, говоря о сибиряках, что это «народ смысленый, довольно образованный сравнительно с Россией, за малыми исключениями. И вообще состояние уравнено – не встречается большой нищеты. Живут опрятно, дома очень хороши. Едят как нельзя лучше». Еще позднее в 1850 г. Пущин отмечал, что он и его друзья декабристы «как-то не можем соединиться с чиновным миром. Это не по гордости, а по понятиям и взгляду на вещи. Скорее понимаю сближение с купечеством – чиновников просто не люблю». И далее И.И. Пущин говорит, что сибирское чиновничество «народ все пустой и большей частью с пушком на рыльце», а дальше проясняет смысл этой фразы: «Ужели нет надежды, что перестанут брать взятки. Мне кажется, что эта система больше прежнего укрепилась – не так стыдятся, как бывало при нас. Бедный народ так привык к этой язве, что не верит возможности другого порядка вещей»⁶⁸.

В уже приводившемся нами письме барона В.И. Штейнгеля генералу А.П. Ермолову содержалась характеристика правления некоторых царских наместников в Сибири. Штейнгель сочувствует мест-

⁶⁷ Оболенский Е.П. Указ. соч. С. 116.

⁶⁸ Житомирская С.В., Мироненко С.В. Из архива И.И. Пущина // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 197, 199, 251.

ному населению, ведь даже крупные капиталы и достаточно высокое общественное положение не дают спасения от произвола администрации и крутой расправы. Местным золотопромышленникам и купцам за взятки чиновникам дозволялось многое, но даже крупнейшие из них, представители старинных купеческих фамилий Сибиряковых и Мыльниковых, по воле верхов разорялись и вынуждены были переносить свои резиденции из Иркутска в другие города (Нерчинск и Баргузин), терпя огромные убытки. Передовщиков, крупнейший в Сибири откупщик, после разорения был отправлен на каторгу в Нерчинск. Суд над ним состоялся в Иркутске, членами суда были «особо доверенные» губернатору Трескину люди, и по первому приговору Передовщиков должен был выплатить около 600 тыс. руб. По сведениям В.И. Штейнгеля, его жена обеспечила эту сумму в Сенате векселями. Затем насчитали еще 400 тыс. руб. долга, и откупщик был отправлен на каторжные работы⁶⁹.

Симпатии большинства декабристов были, естественно, на стороне преследуемых купцов и предпринимателей. В этом проявились их чувство справедливости и, на наш взгляд, интуитивная предрасположенность к буржуазному пути развития России в целом и Сибири, в частности. Со своей стороны отметим, что откупщик Передовщиков на первый взгляд несправедливо осужден, и он предстает как жертва. Но при более пристальном рассмотрении вопроса оказывается, что откупщик, как, впрочем, и губернатор, были фигурами выдающимися только масштабами своих злоупотреблений на общем фоне коррумпированной и криминализированной сибирской действительности. В.О. Ключевский в одном из своих афоризмов отметил: «Наша беда – в нас самих: мы не умеем стоять за закон». Поэтому произвол в стране и ее регионах, который в Сибири был многократно сильнее, порождал уродливые и грубые формы обогащения, изощренные способы обхода существовавших тогда законов, доходивших, по сути, до полного их игнорирования. Сведения о самом откупщике вполне подтверждают это. К.И. Передовщиков начинал свою карьеру подносчиком в кабаке. В конце царствования Екатерины II он имел уже сотни тысяч рублей,

⁶⁹ Штейнгель В.И. Сибирские сатрапы (Письмо барона В.И. Штейнгеля к А.П. Ермолову) // Исторический вестник. 1884. № 8. С. 380.

но попал под суд, был наказан кнутом и выслан в Туруханск. По указу Павла I был лишен права брать на себя казенные подряды, но уже в 1807 г. был одним из богатейших откупщиков России. В результате следствия в Иркутске был изобличен не только в разбавлении водки водой, но и в добавлении в нее купорося и ядовитых зелий. Во многом столь быстрый путь к богатству был определен еще и тем, что жена Передовщикова – женщина «молодая, умная и красивая – пользовалась благосклонностью одного из сановников Александра I и оказывала влияние на ход дел своего плутоватого супруга»⁷⁰.

Как и другие декабристы, Батеньков видел, что порядок и производство дел в присутственных местах, произвол, взятки и притеснение народа зависели в Сибири, как и во всей России, от личности администратора, прежде всего губернатора. «Законы еще не вошли в основание народной жизни», – писал он в своем сочинении. Интересны рассуждения Батенькова о природе управления, высказанные им в 1855 г. Е.И. Якушкину, сыну декабриста И.Д. Якушкина: «Возьмите, например, наше управление: оно все основано на обмане, но ежели человек придет к познанию бога, тогда обман будет невозможен. Никому уже нельзя будет сказать: я поставлен над вами от бога; всякий скажет, что это вздор и что бог никого ни над кем не ставил». В таком тезисе видятся уже не революционные убеждения Батенькова и других декабристов в пользу радикальных преобразований, но традиционные для России мысли о необходимости самоусовершенствования, нравственного очищения от суетных и греховных помыслов и дел. Юношеские порывы изменить все и сразу сменяются убеждением, что эволюционные преобразования во всех сферах необходимы и неизбежны. Таковы, например, его высказывания тогда же, в 1855 г., о Крымской войне: «Чем бы ни кончилась война, она должна принести нам пользу: переворот у нас и везде неизбежен».

Мысль о необходимости изменений созрела у Г.С. Батенькова еще в начале XIX в., когда он писал о замкнутой жизни города Томска и его жителей, которые редко шли на внедрение нового в свою жизнь в силу «погруженности в староверство». По его справедливому мнению, «огромные капиталы скапливались в руках отдельных

⁷⁰ Бумаги И.Б. Пестеля // Русский архив. СПб., 1875. С. 388.

людей, но, в конце концов, из одного источника – казны, т. к. дел других не было»⁷¹. Батенькову были ясны отрицательные стороны системы казенных откупов и монополий, обязательной сдачи добытого на приисках золота и коррумпированной связи сибирских воротил Поповых, Асташева, Горохова и других с чиновниками. Оказавшись в Сибири во второй раз после 25-летнего перерыва, Батеньков сам предавался разного рода занятиям, которые смело можно отнести к предпринимательству. Вел довольно обширное личное хозяйство, проектировал на заказ здания и сооружения, руководил их строительством и другими важными делами. Батеньков соединял в себе многие черты типичного декабриста: был профессиональным военным и глубоко религиозным человеком, проявлял интерес к философии, прежде всего западной, и был истинным патриотом России и Сибири, обнаружилась в нем и тяга к негосударственным (масонство и предпринимательство) и противогосударственным (участие в тайных обществах) занятиям.

Деятельность Батенькова в Томске была активна и разнообразна: построил винному откупщику Степану Сосулину дачу в 4 верстах от Томска, разместив рядом с ней образцовые заводы (мыловаренный, свечной, кожевенный), деревянную церковь, оранжереи, оригинальный грот, горы для катания на санях и другие причудливые сооружения. Получив за свои труды участок земли на Степановке, выстроил там себе дом по передовой даже для нашего времени технологии: набитые на каркас плахи и между ними соломенные маты. Отсюда произошло название этой дачи Батенькова – «Соломенный хутор»⁷².

Оказавшись в сибирской ссылке, составитель знаменитой Конституции Никита Муравьев свел тесное знакомство и сотрудничество с иркутским банкиром Медведниковым, крупнейшим золотопромышленником Кузнецовым и другими видными сибирскими дельцами. Он стал заниматься кредитованием, полеводством и огородничеством, торговлей и разными промыслами, о которых говорил в своей Консти-

⁷¹ Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. Отв. ред. М.В. Нечкина. Новосибирск, 1965. С. 191.

⁷² Бородавкин А.П., Шатрова Г.П. Декабрист Г.С. Батеньков... С. 49, 50.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

туции, выделяя эти названия курсивом (см. выше). В летние месяцы братья Никита и Александр Муравьевы «превращались в энергичных агрономов», проводили много времени на своих, расчищенных руками наемных рабочих, полях, в хлебных овинах, амбарах и мельницах. Вероятно, сказывалась расположенность Муравьевых, потомственных помещиков, к занятиям земледелием, чему раньше мешала военная служба и жизнь в Петербурге. Оказавшись вблизи Иркутска, крупнейшим торговым центром между Китаем и Москвой, они проявили интерес к другим сферам предпринимательства. Сначала они давали деньги в ссуду («распределяли в частные руки»), получая законные 8 % годовой прибыли. Развивая свое дело, устроили мельницу, которая в отличие от местных мельниц должна была работать и зимой, проникли в выгодное для тех мест рыболовство. Байкальский омуль был одним из основных продуктов питания местного населения и стал ходовым товаром. Только в 1842 г. Муравьевы вложили в это предприятие 20 тыс. руб. и получили 7 тыс. руб. прибыли (35 %). Еще более прибыльной была торговля хлебом, дававшая до 40 % прибыли, но она уже считалась спекуляцией, т. к. закупка шла в урожайные годы по низким ценам, а продажа производилась в неурожайные годы по высоким ценам.

Стремилась Муравьевы, как и другие декабристы, в золотопромышленность, где, по словам А. Муравьева, «вчера́шние бедняки быстро превращались в миллионеров»⁷³. Их проекты оказались неосуществленными, т. к. правительство не выдавало им промысловые свидетельства и не разрешало удаляться от места приписки даже на несколько верст. В противном случае в Сибири получили бы широкую известность крупные или не очень крупные богачи из ссыльных декабристов. Сомнений в этом у исследователей данной проблемы нет.

Круг коммерческих интересов другого декабриста, В.Ф. Раевского, был также достаточно широк: занимался хлебопашеством, покупкой и продажей хлеба, его переработкой. Некоторое время вел найм рабочих на золотые прииски (до 2 тыс. чел.) и получал за это до

⁷³ Цит. по: Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М., 1985. С. 212.

3 тыс. сер. в год. Кроме этого, в течение 12 лет он был доверенным откупщиков, получая до 2,5 тыс. руб. сер. ежегодно. Однако, как писал В.Ф. Раевский своим сестрам в 1868 г., на него неожиданно обрушились несчастья. Главными из них он признает то, что казна удержала его залог в 3 тыс. руб. сер. за невыполнение взятых по контракту условий; он сам подвергся нападению разбойников и был ими сильно поранен; сын проиграл в карты 1200 руб. и пришлось за него заплатить долг чести. В довершение ко всему, сам Владимир Федосеевич попал в огонь по неосторожности, и ему пришлось долгое время лежать в неподвижности⁷⁴.

Все это случилось, когда Раевскому было за семьдесят. Он постоянно подчеркивал свой молодцеватый вид, отсутствие седины и здоровые зубы, что отличало его от сверстников, сделавших успешную карьеру и ставших генералами и видными сановниками, но дряхлыми стариками по сравнению с ним. Однако старость и нездоровье настигли и его, и через четыре года он умер в Сибири, в ставших родными Олонках, оставив по себе светлую и добрую память. Раевский по образу мыслей и характеру деятельности стоял особняком даже в кругах ссыльных декабристов. Очевидно, по причине того, что он не прошел вместе с ними каторгу, не стал доверительно сообщать царю о тайном заговоре и причастных к нему заговорщиках, прослав не раскаявшимся и не примирившимся с правительством деятелем. По словам известного в России врача и мемуариста Н.А. Белоголового, Раевский заслужил репутацию «человека весьма умного, образованного и острого, но озлобленного и ядовитого»⁷⁵. Тем не менее слава «первого декабриста», человека безупречной чести, талантливого поэта, творчеством которого восторгался Пушкин, — все это создало В.Ф. Раевскому славу замечательного героя своей эпохи.

Под косвенным влиянием декабристов оказался и железнодорожный магнат С.И. Мамонтов, более известный как благотворитель и меценат. Савва Иванович родился 4 октября 1841 г. в семье сибирского винооторговца-откупщика в небольшом сибирском городке Ялу-

⁷⁴ Цит. по: Щеголев П.Е. Декабристы. Исторические этюды. Изд. 2-е. М.-Л., 1926. С. 231.

⁷⁵ Белоголовый Н.А. Указ. соч. С. 57.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

торовске, в 150 верстах от Тобольска, главного тогда города губернии, и в 74 верстах от Тюмени, нынешнего областного центра. Его отец, И.Ф. Мамонтов, с детства был приставлен к виноторговле: мыл шкалики (маленькие бутылки под водку), штофы и полуштофы (большие бутылки для водки), наливал в них то, что было нужно, а затем щелкал на счетах в конторе, овладевая секретами коммерции. В Ялуторовске, как и в соседнем Кургане, находилось в ссылке несколько декабристов. Жили они довольно замкнуто, двери для местных и приезжих чиновников широко не открывали, но двух местных купцов, одним из которых был И.Ф. Мамонтов, выделили из общей массы местных жителей и, можно сказать, дружили с ними. Об этом рассказывал очевидец жизни декабристов в сибирской ссылке К. Голодников, местный педагог и талантливый журналист.

Переоценивать влияние декабристов на Мамонтова-отца не будем, но после переселения в Москву он считал за большую честь, когда декабристы посещали его дом по возвращении из Сибири. К тому времени Савва был уже юношей, и начинал что-то понимать в жизни. По крайней мере, юный С.И. Мамонтов мог перенять у декабристов свободу восприятия окружающего мира, реальную оценку людей и общества. Ему было 17 лет, когда отец решился на очень серьезный шаг, став главным вкладчиком акционерного общества по строительству железной дороги от Москвы до Ярославля. Это было первый опыт вовлечения частного капитала в такое дело. Через 4 года после образования общества началось движение от Москвы до Сергиева Посада, еще через 5 лет дорога пришла в Ярославль. Мамонтовы получили возможность оценить выгоды предпринимательства в новой области, и Савва Иванович стал здесь выдающимся предпринимателем.

Прямые контакты с декабристами имели тобольские купцы первой гильдии Пиленковы, которые приходились родственниками знаменитому сказочнику П.П. Ершову по его матери, урожденной Е.В. Пиленковой⁷⁶. Иван Николаевич Пиленков был одним из курьеров декабристов, в его семье жил Петр Ершов, когда учился в Тобольской гимназии. Затем Ершов уехал в Петербург, где учился в университете

⁷⁶ Подр. см.: Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск, 2009. С. 24, 26.

у проф. П.А. Плетнева, встречался там с Пушкиным, тот читал и, возможно, правил его рукопись «Конька-горбунка», но жить в столице ему было трудно, и он вернулся в родной Тобольск, где до конца жизни преподавал в местной гимназии⁷⁷. Активно помогал И.Д. Якушкину в устройстве его школы ялutorовский купец И.П. Медведев, который был женат на М.Д. Менделеевой, родной сестре знаменитого химика. Курганский купец Злотников во время своих деловых поездок доставлял тайную корреспонденцию декабристов из Кургана в Тобольск и обратно. Этой почтой пользовались Н.В. Басаргин, М.А. Фонвизин, В.К. Кюхельбекер и другие⁷⁸.

Широкую известность в Сибири получил отставной подпоручик, лишившийся в польскую компанию ноги, Рафаил Александрович Черносвитов. Обладая неуемной энергией, он добился крупных успехов как золотопромышленник. В силу этого он много передвигался по Сибири, много общался с населением, в том числе и с декабристами, о которых он был высокого мнения. После ареста Черносвитова в 1849 г., когда его обвинили в причастности к делу петрашевцев, он один из первых употребил слово декабрист⁷⁹.

Однако не всегда отношения между декабристами и местными купцами складывались так безоблачно. В документальных публикациях отразились споры между ними, главным образом по имущественным и денежным вопросам. Так, в 1857 г. М.А. Бестужев, заключив контракт с иркутскими купцами Серебренниковым и Зиминим, сопровождал по Амуру груз купцов до Николаевска-на-Амуре. По условиям контракта Бестужев должен был получить за один год 3000 руб. сер., но пробыл он в этом путешествии 16 месяцев. Поэтому М. Бестужев в письме к генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому справедливо требовал дополнительной оплаты за 4 месяца. В августе 1859 г. купцы Серебренников и Зимин ответили, что они не должны М.А. Бестужеву. Бестужев же считал, что они должны ему доплатить 561 руб. сер. В письме к Муравьеву-

⁷⁷ Знаменский М.С. Тобольск в 40-х годах // Наш край. 1925. № 2–9.

⁷⁸ Ретунский В.Ф. Тайные курьеры декабристов // Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск, 1983. С. 21.

⁷⁹ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 450.

Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов

Амурскому он обращается с просьбой: «На все мои письма и требования они отвечают упорным молчанием. Под Вашу защиту я прибегаю. Положите конец их бессовестным поступкам, жертвою которых они готовы сделать каждого имеющего с ними дело». Муравьев наложил резолюцию: «...Оказать содействие г-ну Бестужеву к получению того, что ему следует»⁸⁰.

Иркутский купец Ф.П. Занадворнов обвинялся в злоупотреблениях по делу о наследстве крупнейшего иркутского купца Е.А. Кузнецова, бывшего, кстати, даже членом Иркутского филиала Томской масонской ложи, которая была создана Г.С. Батеньковым. Чтобы сбить следствие, Занадворнов написал донос на своего следователя Д.В. Молчанова, женатого на дочери декабриста Волконского Е.С. Волконской. Следствие тянулось с 1852 по 1856 гг., и во время его Молчанов был частично парализован, появились даже признаки сумасшествия. Жена стойко выдерживала эти тяжелые испытания, не оставила своего мужа и затем они перебрались в Европейскую Россию. В декабристской среде велась оживленная переписка по этому поводу⁸¹.

К 30-м гг. XIX в. купцы уже во многом определяли общественный климат в сибирских городах, в первую очередь в крупнейших из них. В Иркутске возникли между купцами и декабристами и их женами особо доверительные и теплые отношения. Радужное отношение иркутских купцов Кузнецовых и Наквасиных, приютивших на первое время следовавших за своими мужьями Трубецкую, Волконскую, Анненкову и других женщин, тут же положило начало сочувственному отношению иркутского общества к этим женщинам и их мужьям. Впоследствии они получали взаимное удовольствие, общаясь на вечерах у купцов и приемах у проживавших в самом городе и вблизи него декабристов.

Очень приятное впечатление на них произвели купцы Баснины. Первое лестное упоминание о них содержится в письме А.Н. Муравьева, который в отличие от других Муравьевых был не наказан — его только выслали на восток страны без лишения чинов и дворянства, хотя

⁸⁰ Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск, 1983. С. 251.

⁸¹ См., напр.: Поджою А.В. Записки, письма. Изд. подг. Н.П. Матхановой. Иркутск, 1989. С. 157–205.

он был основателем первого свободолюбивого общества под названием Союз спасения, но потом отошел от движения. В начале 1828 г. он оказался в Кяхте и был поражен тем, что «как-то сел за фортепиано ловкий и элегантный молодой человек: к удивлению моему я узнал, что это был иркутский купец Баснин. В это время богатое купечество составляло местную аристократию и по образованию, и по обхождению далеко опередило купцов, встречавшихся по ту сторону Урала». Они близко сошлись как люди религиозные и интересующиеся теологией, и в первом же письме Муравьев благодарил Василия Николаевича Баснина «за ласковый прием и дружеское расположение»⁸².

По сведениям Т. Перцевой, В.Н. Баснин был знаком со многими ссыльными декабристами и помогал им, чем мог. Например, П.И. Борису он заказал альбомы с рисунками птиц, цветов и насекомых, снабжал декабристов материалами для исполнения заказов и предоставлял возможность пользоваться книгами своей богатейшей библиотеки. Она представляла собой уникальное собрание не только в Сибири, т. к. там было несколько тысяч томов по различным отраслям знаний: математике, геологии, естествознанию, географии, мировой, отечественной и сибирской истории. Он сам был усердным читателем, охотно давал книги своим знакомым, в числе которых были и декабристы: А.Н. Муравьев, П.И. Борисов, А.П. Юшневский, А.З. Муравьев⁸³. Глубокое уважение декабристов к В.Н. Баснину сохранилось и после амнистии и выезда их из Сибири.

Декабристы оказали сильное влияние на все стороны сибирского общества, но это влияние не достигло бы своей цели, если бы семена не упали на уже готовую для восприятия почву. Образованные сибиряки, в первую очередь молодые купцы, восприняли декабристов как учителей и, отчасти, пример для подражания в своей жизни.

⁸² Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 277.

⁸³ Перцева Т. В.Н. Баснин и декабристы // Связь времен: Баснины в истории Иркутска. Иркутск, 2008. С. 71.

ГЛАВА 3. ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

3.1. Социокультурный облик ссыльных декабристов в Сибири

Одним из важных обстоятельств восстановления истории той или иной социальной группы, сословия и класса является воспроизведение не только материальных условий жизни, но и «сфера идеального». Под этим подразумевается определенный склад социальной психологии, включающий в себя потребности, систему ценностей, настроение, а также умонастроения или, как сейчас принято говорить, набор ментальностей. Декабристы как социальная группа были невелики по численности, но оставили такой глубокий след в сибирской жизни, что нельзя не показать в деталях главные составляющие их облика уже на новом уровне развития исторической науки. В чем же заключается их обаяние, оставшееся в сибирской истории? Почему историки и представители других гуманитарных наук каждый раз возвращаются к теме декабристов, чтобы сопоставить себя с людьми прошедших эпох, в том числе и с поколением второй четверти XIX в., когда во мраке николаевского режима мелькали искорки живой, настоящей жизни? Попробуем ответить на эти вопросы в настоящей главе.

Кто такие декабристы? Спустя век после восстания 1825 г. внук С.Г. Волконского, отвечая на этот вопрос, писал: «Цвет русской молодежи, преимущественно офицерства, в начале XIX столетия ввергнутое в военное брожение, охватившее Европу, увлеченное наполеоновскими войнами, увидало “заграницу”. Эти молодые люди соприкасались с укладом тамошней государственной и общественной жизни, оценили разницу этих условий с теми, в которых жили у себя на родине. Когда они вернулись домой, они уже не могли примириться с действительностью»¹. Они задумали ряд реформ, в основу которых легло освобождение крестьян. Попытка переворота оказалась неудачной в связи с тем, считает князь С. Волконский, что декабристам не уда-

¹ Волконский С., князь. Воспоминания: О декабристах. Разговоры, М., 1994. С. 20.

лось сплотиться, не было корней, народ не знал о них. Совсем по-другому к декабристам относились в Сибири, где их называли «наши князья», не только потому, что среди них были Трубецкие, Волконские, Одоевские, Бярятинские, Оболенские, Шаховские: «Совсем не удивительно уважительное отношение к ним со стороны людей, испытавших влияние их доброго отношения к себе, культурного воздействия на их детей»².

На поселении в Сибири у декабристов началась та жизнь, которою они «стяжали благодарность населения до третьего поколения включительно. Поселения стали культурными гнездами, очагами духовного света. В каждой семье жило и воспитывалось по несколько детей местных жителей. С юных лет они поступали под воспитательный надзор жен, потом переходили в обучение мужьям. В благотворной атмосфере культурной семейной жизни соприкасались они с наукой и искусством, крепили и зрели умственно и духовно»³. Здесь, на наш взгляд, наблюдается некоторая идеализация деятельности декабристов в деле просвещения сибирского населения, т. к. некоторые из них брали за обучение с купцов деньги, но в целом суть явления очерчена верно.

По подсчетам В.А. Мякотина, из 117 лиц, осужденных в 1826 г. Верховным уголовным судом, в возрасте от 20 до 25 лет было 36 чел. (30,7 %), от 26 до 30 – 43 чел. (36,7 %), от 31 до 35 лет – 25 чел. (21,4 %), 36–40 лет было 10 декабристам (8,5 %), 2 человека были в возрасте от 41 до 45 лет (1,7 %) и один – от 45 до 50 лет (0,9 %)⁴. Такие достаточно подробные подсчеты декабристов, находившихся в сибирской ссылке, сделать было невозможно в связи с тем, что они отбывали наказание в разные годы. По нашим подсчетам, в 1830-е гг. 46 чел. (56,6 %), т. е. больше половины из 81 декабриста, были старше 40 лет, а остальные родились уже в XIX в., и им было около 35 лет (43,4 %) (см. прил.).

По детальным подсчетам Э.А. Павлюченко, суд приговорил к различным мерам наказания 121 человека, из них 23 были женаты, включая И.А. Анненкова, к тому времени не зарегистрировавшего

² Волконский С., князь. Указ. соч. С. 52.

³ Там же. С. 64.

⁴ Декабристы. 86 портретов. Вступительная статья В.А. Мякотина. М., 1906. С. XVIII.

брак, но имевшего от Полины Гебль детей. В числе женатых было 3 генерала (Волконский, Фонвизин, Юшневский), 8 полковников (Трубецкой, А.З. Муравьев, А.Н. Муравьев, Давыдов, Нарышкин, Тизенгаузен, Поливанов, Бриген), 4 подполковника, т. е. $\frac{2}{3}$ (15 из 23) относились к высшему офицерству. Некоторые имели высокие титулы князей (Волконский, Трубецкой, Шаховской и баронов (Розен, Соловьев и Штейнгель). Некоторые были близки ко двору и владели обширными имениями, другие были бедны, но 11 женщин отправились вслед за мужьями, преодолевая попутно множество бюрократических и бытовых преград: М.Н. Волконская, А.Г. Муравьева, Е.И. Трубецкая, М.К. Юшневская, А.И. Давыдова, К.П. Ивашева, Е.П. Нарышкина, Н.Д. Фонвизина, А.В. Ентальцева, А.В. Розен, П. Гебль. Некоторые жены декабристов по разным причинам не поехали за своими мужьями в Сибирь, и через 30 лет у них произошла, наконец, встреча. За это время, например, Фаленберг вторично женился на дочери казачьего урядника А. Соколовой, которая родила ему сына и дочь. Барон Штейнгель оставил в Сибири внебрачных сына и дочь, которым была пожалована фамилия Бароновы. А. Бриген после амнистии увез с собой внебрачного сына, а двух дочек оставил в Туринском монастыре⁵.

Такая беглая характеристика семейно-брачных отношений декабристов требует уточнения и достаточно подробно и объективно рассмотрена в работе Матхановых. Для более точного отражения облика остановимся на некоторых моментах этих романтических историй. Всего через год после водворения в с. Олонки Иркутской губернии декабрист В.Ф. Раевский женился на местной крестьянке Евдокии Моисеевне Середкиной. Раевский сам обучал свою жену, причем не только грамоте, но и французскому языку и светскому обхождению, она была помощницей мужа во всех его делах, в том числе и в работе открытой им в Олонках школы. В.А. Бечаснов происходил из мелкопоместного рязанского дворянства и после отбытия каторжного срока был поселен в с. Смоленщина в 8 верстах от Иркутска, где женился на 18-летней крестьянской девушке А.П. Кичигиной, которая была совершенно неграмотна. Он научил ее читать и писать, прививал

⁵ Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. Изд. 4-е. М., 1986. С. 30, 52, 63.

другие необходимые знания, а также научил французскому языку, так что она потом могла свободно на этом языке говорить. Семья жила бедно, но счастливо, у них, как и у Раевских, было много детей⁶.

Достаточно разнородный состав декабристов в Сибири проявился в их делении на группы еще на каторге. По словам Д.И. Завалишина, «большую группу независимых людей называли Великий Новгород, другую группу составляли люди близкие к ним и получившие название Псков. Другую горницу, где жили люди с барскими замашками, назвали Москвой и барской. Последнюю группу прозвали Вологодой или мужичье, а иногда и называли холопской, потому что многие из живущих в ней почти, почти все из армейских офицеров и разночинцев, было на послугах у Москвы»⁷. Однако постепенно различие между декабристами сглаживались, и одной из причин этого стала вера.

До выступления на Сенатской площади и на Украине в конце 1825 г. такая разнородность существовала в силу того, что у декабристов был различный имущественный и образовательный уровень. У будущих декабристов в разной степени проявлялась связь с культурой Западной Европы, а избранный ими круг чтения уводил их от культурных национальных ценностей, в числе которых православие занимало ведущее место. Поводом для смены социальных ориентиров могли послужить и речи Александра I, где постоянно проскальзывали либеральные нотки, в частности, обещание Конституции Польше. Немаловажное значение имело распространившееся в России масонство. Многие будущие декабристы прошли через увлечение масонством, некоторые из них сами были учредителями лож от Петербурга до Томска. Например, Г.С. Батеньков сначала был членом ложи «Избранного Михаила в Союзе Астреи», а потом в числе основателей ложи «Восточного Светила» в Томске. К.Ф. Рылеев с 1820 г. был в ложе «Пламенеющей Звезды в союзе Астреи» и т. д.⁸. Однако вскоре будущие декабристы разочаровались в масонстве, где главным содержи-

⁶ Матханова Е., Матханова Н. «Здешнего моего семейства не брошу»: неравные браки и внебрачные дети декабристов // Семейные узы: модели для сборки. Сб. ст. М., 2004. С. 356, 357.

⁷ Завалишин Д.И. Записки декабриста. 2-е русское издание. Б. м. и г. С. 261.

⁸ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 658.

ем деятельности были поиски нравственных идеалов и людей, которые были бы близки по духу, и перешли к поискам более активного воздействия на общество.

На этом фоне, на первый взгляд, не совсем убедительно выглядят религиозные воззрения будущих революционеров, но со второй половины XVIII в. в образованном обществе стал внедряться атеизм во всех его проявлениях. Появились и первые дворяне-вольтерьянцы, которым в начале следующего века уже было привычно сомневаться в традиционных религиозных канонах как не модных для просвещенного времени. Под влиянием Вольтера, Гельвеция, Гольбаха и других писателей менялось представление о вере, и читатели проповедовали атеизм своим товарищам. В качестве главного аргумента был использован тезис Вольтера, что с точки зрения морали «гораздо лучше верить в бога, чем не признавать его». Дуализм мышления некоторых декабристов приводил их к рационализму в морали, где, как известно, сделки с совестью чреватые печальными последствиями. В качестве примера можно привести историю братьев Борисовых, которые происходили из простых провинциальных незнатных дворян, но пришли в тайное общество, как и многие, через масонские общества. Они, по словам Г. Чулкова, «поклонялись науке с наивною верой полуобразованных провинциалов»⁹. В условиях тюремного заключения и каторги они, несмотря на поддержку товарищей, вскоре потеряли не только физическое, но и психическое здоровье. «Маленькие философы», как их называли, могли рассчитывать на лучшую участь, чем та, которая им досталась.

Расстройство ума было нередким явлением среди ссыльных декабристов, но вера была одним из средств к сохранению душевного спокойствия и надежды на лучшее будущее. Известный декабрист князь Ф.П. Шаховской, один из учредителей Союза благоденствия, член нескольких масонских лож, в детстве получил образование в иезуитском пансионе Жакино, что сильно дезориентировало его в убеждениях и привело к трагической развязке. Ссылка в Туруханск подточила его здоровье и им овладела «сильная религиозная экзальтация на нервной почве, выразившаяся в форме обоснованного на рациональных на-

⁹ Чулков Г. Братья Борисовы. М., 1929. С. 34.

чалах протеста против господствующего вероисповедания»¹⁰. Из Туруханска Шаховской был переведен в Енисейск, а потом отправлен в Суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь, где объявил голодовку и через две недели умер. Список декабристов, придерживавшихся атеизма, можно расширить, но их число невелико. Современный исследователь называет три имени – И.Д. Якушкин, Н.А. Крюков и А. Горожанский¹¹, хотя, как отмечалось выше, их было больше. В то же время можно сомневаться в полном атеизме Н.А. Крюкова. В известных воспоминаниях П.М. Сойлотовой, которая была женой его приемного сына и дожила до 30-х гг. XX в., отмечается, что в Минусинске у Крюкова была икона Николая Чудотворца. В память о своей матери он заказал церковную литургию, и священники называли его «добрым христианином», хотя постов он не соблюдал, в доме не было религиозных книг и лампадок. На памяти мемуаристки ее свекор приобрел Библию, изучал ее и много лет писал трактат «Рассуждение о религии», в котором развивал свои атеистические идеи. Эта рукопись, как и все рукописи, хранившиеся в доме, сгорели во время пожара¹².

Судя по следственным документам, большинство декабристов были верующими, т. к. на вопрос об исполнении церковных обрядов дали положительный ответ. В казематах Петропавловской крепости, в других местах заключения, на каторге и на поселении некоторые декабристы отказывались от деизма вольтерьянского направления и возвращались в привычные формы православия. Приход к вере подогревался беседами на религиозные темы с товарищами по несчастью, чтением духовной литературы. Неизбежно возникающие мысли о применении полученных знаний на практике являлись непосредственным воплощением религиозного чувства, перетекавшего в благотворительность и альтруизм. Искренне верующие составляли в Чите и на Петровском заводе религиозный кружок, который в шутку называли «конгрегацией». В него входили П.С. Бобрищев-Пушкин, барон

¹⁰ Щеголев П.Е. Исторические этюды. Изд. 2. СПб., б.г. С. 393.

¹¹ Перцева Т.А. Декабристы и сибирское сельское духовенство // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие. Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.). Иркутск, 2005. С. 109.

¹² Ляхович В.А. О чем рассказала бабушка-сибирячка (Из воспоминаний П.М. Сойлотовой) // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск, 1988. С. 191, 192.

А.Е. Розен, А.П. Беляев, Н.В. Басаргин, П.Н. Свистунов, хотя последний и воспитывался в иезуитском колледже барона Шабо, и некоторые другие. А.П. Беляев был человеком глубоко верующим, в его воспоминаниях много рассуждений на религиозные темы, рассказов о церковных праздниках, на которых он бывал, некоторые факты своей и брата благотворительности¹³.

Показательна и поучительна история П.С. Бобрищева-Пушкина, который происходил из семьи богатого тульского помещика, получил образование в муравьевской школе колонновожатых и был поручиком по квартирмейстерской части в армии на юге России. У него хранились бумаги арестованного ранее П.И. Пестеля, что усугубляло его вину. Находясь на поселении в Красноярске и Тобольске, ухаживал за своим сошедшим с ума братом Николаем. В сибирской ссылке в его душе шла борьба между научным материализмом и христианским идеализмом, из которой он вышел убежденным христианином и старался эти идеи проводить в жизнь. В Тобольске он занимался чтением духовной литературы, изучением гомеопатии и лечением больных. Особый героизм он проявил в 1848 г., когда в Тобольске свирепствовала холера, самоотверженно ухаживая за больными в самый разгар эпидемии¹⁴. Тем не менее у некоторых знакомых ссыльных декабристов были сомнения в их ортодоксальности. Так, посетивший декабристов в Сибири Е.И. Якушкин, сын декабриста И.Д. Якушкина, писал: «П.С. Бобрищева-Пушкина и Свистунова мы с отцом не называем иначе, как Тобольскими раскольниками: они так же, как и Оболенский, выдают себя за православных, но, собственно говоря, православного в них ничего нет, потому что как не стараются они делать натяжки, чтобы примирить свои убеждения с православием, этого сделать им все-таки не удастся ...»¹⁵.

¹³ Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850. СПб., 1882. С. 243–347.

¹⁴ Декабристы. 86 портретов. Пояснительный биографический текст приват-доцента Московского университета П.М. Головачева. СПб., 1906. С. 46; Беспалова Л.Г. И дум высокое стремление... Декабристы-литераторы на поселении в Тобольской губернии. Свердловск, 1980. С. 95.

¹⁵ Письма Е.И. Якушкина к жене из Сибири // Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М., 1926. С. 39.

Имея, как правило, хорошее образование и творческий склад ума, декабристы не могли сильно отличаться взглядами в вопросах веры. Многие из них настаивали на правоте своего видения религиозной догмы, что нашло отражение в их мемуарах и письмах. Вот как описывает свое отношение к богу Д.И. Завалишин: «Я всегда имел живую веру (т. е. не одно отвлеченное, умственное признание истинности его) в христианство, и потому всегда был убежден, что она не предписывает никогда ничего невозможного»¹⁶. Умный и наблюдательный Н.В. Басаргин в Петропавловской крепости отказывался от общения со священником Мысловским, не без основания подозревая его в сотрудничестве со следствием, но в Сибири проявил себя глубоко религиозным человеком. В письме от 23 февраля 1839 г. он пишет И.И. Пущину, что «постарается прислать что-нибудь от себя на память отцу Петру – бывшему моему духовнику». В другом письме в начале ноября 1843 г. Басаргин пишет тому же адресату: «На днях был у меня отец Алексей, мой духовник, и просил меня посоветоваться с Дьяковым (известным в Тобольской губернии врачом. – В.Б.) насчет болезни своей жены. Г.С. Батеньков в письме к Пущину от 18 августа 1855 г. описывает один из дней своего пребывания в Томске: «Две недели я косил сено на Соломенном (дачном доме в окрестностях Томска на Степановке. – В.Б.), возвратясь домой, отправился молиться Фролу и Лавру в здешний монастырь, преимущественно за здоровье и благополучие упряжных и рабочих коней, в присутствии всей полиции, которая подводит обыкновенно в этот день пожарных и казачьих лошадей под окропление св. водою. Потом пирог у архимандрита»¹⁷.

Можно привести еще множество свидетельств эволюции религиозных чувств декабристов в Сибири, их примирения с традиционным для России православием. Десятки молодых дворян, будущих реформаторов и революционеров, прошли через иезуитские школы, пережили увлечение атеизмом и вольтерьянством, но, оказавшись в заточении, на каторге и в ссылке, они нашли в православной вере

¹⁶ Завалишин Д.И. Указ. соч. С. 383.

¹⁷ Житомирская С.В. Из архива И.И. Пущина // Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск, 1981. С. 165, 173, 205.

нравственную опору для себя и своих близких, средство, чтобы мирно и естественно вписаться в сибирскую жизнь, найти общий язык с местным населением и даже породниться с сибиряками. Большинство декабристов были молодыми людьми до 30–35 лет и в Сибири они обрели свое семейное счастье, о чем нами уже упоминалось.

Важным для нас тезисом является вывод известного исследователя истории декабризма, посвятившему этой теме, судя по публикациям, около полувека жизни, Б. Кубалова, который отмечал, что «крестьянство увидело в декабристах не только изобретателей, давших ему молотилку, усовершенствованный плуг, не только носителей знания и опыта, которыми они бескорыстно делились с земледельцем, но и людей, ценивших в крестьянине прежде всего человека и считавших для себя незазорным не только сдружиться с пахарем, но и войти в его семью, породниться»¹⁸.

В Государственном архиве Томской области в одном из фондов сохранилось достаточно много документов конца 20–30-х гг. XIX в., где отмечались особенности проживания ссыльных декабристов в Восточной Сибири, их деятельность и быт. Скорее всего, они отсылались в губернский город Томск из Петербурга как образцы отношения центральной власти к ссыльным в Восточной Сибири, т. к. и в Томской губернии проживало двое ссыльных декабристов с юга России, членов общества Соединенных славян – П.Ф. Дунцов-Выгодовский и Н.О. Мозгалеvский. Позднее Мозгалеvский выехал с семьей в Минусинск, а в Томск в 1846 г. прибыл Г.С. Батеньков¹⁹. В связи с возникавшими на востоке страны событиями предлагалось рассматривать подобным образом и западносибирские дела.

Обратимся к некоторым из них. Первое дело касалось опубликованной в журнале «Московский телеграф» (1832, № 8) поэмы на якутские темы ссыльного декабриста Н.А. Чижова из пос. Олекминска Якутской обл. Начальство было сильно обеспокоено тем, что «рассказ сей, по-видимому, есть сочинение государственного преступника Чи-

¹⁸ Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925. С. 87.

¹⁹ Подробнее см.: Бойко В.П. Г.С. Батеньков и П.Ф. Дунцов-Выгодовский – два типа поведения декабристов в повседневности (по эпистолярным источникам) // Человек – текст – эпоха. Вып. 2. С. 206–226.

жова, поселенного в Олекме; по выправкам же оказалось, что онный через посредство местного начальства не проходил, а по сей причине и до сведения генерал-адъютанта Бенкендорфа предварительно доведено не было...». В этой связи приказано было «употребить всемерное старание к обнаружению тех средств, какие нашел Чижов переслать в Москву стихи свои...»²⁰. Результатов дознания в деле не обнаружено, но, судя по всему, серьезных проступков у бывшего флотского офицера не нашли, и он был переведен сначала в Александровский винокуренный завод, а затем в рядовые одного из сибирских линейных батальонов, находившихся в Тобольске.

Здесь Чижов подружился с известным поэтом-сказочником П.П. Ершовым, который прибыл в Тобольск после окончания Петербургского университета и преподавал в местной гимназии. Благодаря протекции генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова Чижов получил унтер-офицерский чин, в том числе за верноподданническое стихотворение в честь посещения Тобольска наследником престола, а затем, после переезда генерал-губернатора в Омск, последовал за ним в этот степной город. Там он вскоре был произведен в прапорщики и играл важную роль в штабе Горчакова. Еще через три года он вышел в отставку и успешно управлял (с сохранением секретного надзора) многочисленными имениями княгини Горчаковой²¹.

Минимум информации содержат ежемесячные доклады местной администрации о поведении государственных преступников. Как правило, они указывают на примерное поведение ссыльных: «вел себя благопристойно, занимаясь чтением книг» – это о Павле Бобрищеве-Пушкине в Красноярске и Михайле Кюхельбекере в Баргузине. Более подробно докладывается об Александре Вегелине, который находился после каторги в ссылке на Нерчинском горном заводе: «В течение минувшего мая месяца вел себя благопристойно, и ни в каких неприличных его службах не замечен. Он занимается наблюдением над разными в огороде овощами и растениями и за сеянием хлеба ярицы трех десятин»²². Дальнейший жизненный путь А.И. Вегелина, сына немец-

²⁰ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

²¹ Декабристы. Биографический справочник... С. 196.

²² ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–6.

кого доктора медицины и бывшего поручика Литовского пионерного батальона, складывался из десятилетней службы в Кавказском отдельном корпусе и получении первого офицерского чина. Затем он некоторое время проживал у своих родственников на юге России, но вскоре переехал в Одессу, где стал «заведовать минеральными водами», т. е., судя по всему, открыл водолечебницу²³.

Непросто складывались семейные отношения в Сибири братьев Кюхельбекеров. Младший из них, Михаил, преодолевая многие препятствия, смог жениться на крестьянской дочери Анне Токаревой, которая стала надежной спутницей его жизни, образцовой матерью его 6 дочерей. В октябре 1836 г. ссыльнопоселенец Вильгельм Кюхельбекер пишет прошение, в котором пространно обосновывает свое право на заключение брака (проецируем ниже небольшую его часть). Друг А.С. Пушкина по Царскосельскому лицу и литературной работе, талантливый и оригинальный поэт и переводчик писал генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому: «Намереваясь вступить в законный брак с девицею Дросидою, дочерью баргузинского мещанина Ивана Артенова, всепокорнейшее прошу Вашего ходатайства на то у высшего начальства позволения. Прошение сие сочинял, переписал и к нему руку приложил сам Вильгельм Кюхельбекер»²⁴. В дополнение к этой просьбе была приложена записка родителей невесты». «Мы нижеподписавшиеся, отец и мать девицы Дросиды, дали подписку эту в том, что согласны и не препятствуем дочери нашей Дросиде вступить в законный брак с Вильгельмом Кюхельбекером; а 2-е, девица Дросида также подписуюсь в том, что я согласна на вступление с ним, Кюхельбекером, в законный брак. К сей подписке руку приложил за себя и по незнанию грамоты за жену Александру и дочь Дросиду баргузинский мещанин Иван Петров Артенов. Баргузин. Октября 10 дня 1836 года».

Однако интересно дополнение к этим прошениям, в которых поэт-идеалист выражал надежду на милости со стороны правительства, и которые, конечно, не могли быть выполнены: «Осмелюсь

²³ Беспалова Л.Г. И дум высокое стремленье... Декабристы-литераторы на поселении в Тобольской губернии. Свердловск, 1980. С. 137, 138.

²⁴ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

всепокорнейшее просить Вас, Милостивый Государь, подкрепить Вашим высоким предстательством (так в тексте. – В.Б.) то, о чем к Его Сиятельству графу А.Х. Бенкендорфу известно, а именно, чтоб мне позволено было снискать хлеб насущный литературными трудами... Не откажите, Милостивый Государь, принять участие в моем положении: благоволите мне исходатайствовать средства прокормить ту, которую я люблю, за которую не пожалел бы и жизни, и, – будьте уверены, что мои молитвы за Вас и Ваше почтеннейшее семейство будут угодны Тому, кто не презирает слез и желаний несчастных»²⁵. Ответ на эти пылкие и наивные прошения было один – брак разрешен, а прочие просьбы высокопоставленные лица как бы заметили. Брак В. Кюхельбекера получил несколько ироничную оценку благодаря характеристике в одном из писем И.И. Пущина: «Не могу сказать вам, чтоб его семейный быт убеждал в приятности супружества... Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака, и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучшее. Нрав ее необыкновенно тяжел, и симпатии между ними никакой». Такая оценка была литературно обработана и усилена в талантливой повести Ю. Тынянова «Кюхля». В самом деле, не имея образования и тонких душевных качеств для понимания стремлений поэта, супруга отчасти заслуживала упрек от современников и потомков декабристов.

Тем не менее Дросида Ивановна до последнего вздоха ухаживала за смертельно больным и слепым в конце жизни поэтом, ухитрялась находить средства для жизни всей семьи, в которой было двое детей (Михаил и Юстина, названных в честь брата и сестры В.К. Кюхельбекера). После его похорон в Тобольске в 1846 г. вдова поэта больше трех лет жила у И.И. Пущина, который к тому времени, вероятно, изменил к ней свое отношение и сблизился с ней. В 1849 г. у них родился сын Иван, прозванный Иваном Великим, который остался у отца, а сама она уехала в Баргузин, передав на воспитание двух старших детей сестре Кюхельбекера – Юстине²⁶.

²⁵ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 11. Л. 9–10.

²⁶ Матханова Е., Матханова Н. Указ. соч. С. 360.

Петр Муханов – известный литератор из окружения Пушкина, друг Рылеева, которому тот посвятил поэму «Ермак», – оказавшись в Сибири без достаточных средств, стал заниматься сельским хозяйством, правда, без особого успеха (прежде служил штабс-капитаном в элитном гвардейском Измайловском полку). В Братском остроге Петру Муханову дозволено было построить деревянный дом. В 1833 г. мать и дядя П.А. Муханова безрезультатно хлопотали о его переводе в Западную Сибирь, но в ходатайстве было отказано. Резолюция А.Х. Бенкендорфа гласила: «Отвечать, что ничего сделать нельзя, ибо очень дурно себя ведет и не достоин снисхождения». Много вреда для его положения принесла посылка с потайным ящичком, где под семенами разных культур находились письма. Ничего крамольного в них не нашли, но разбирательство было строгим.

В конце августа 1833 г. П. Муханов обратился с просьбой «об исходатайствовании разрешения на вступления в брак с княжной с Варварой Михайловной Шаховской», но и в этом ему было отказано, хотя согласие невесты и ее родственников было получено. От графа Бенкендорфа генералу А.С. Лавинскому пришла депеша: «Муханов по правилам греко-российской церкви по причине родства его с княжною Шаховскою не может на ней жениться, и я не считаю себя вправе докладывать о сем государю императору. С совершенным почтением и проч. граф Бенкендорф. 6 ноября 1833 года»²⁷. Конечно, после этого у ссыльного начался долгий период депрессии, который закончился тяжелой болезнью и непрерывным лечением на Тункинских минеральных водах и в Иркутске, где он в феврале 1854 г. и умер. Печальна также была судьба невесты, которая долгое время ждала освобождения любимого человека из каторги, чтобы на поселении соединиться, но предлог отказа уже был найден вроде бы убедительный, хотя для других просителей вполне преодолимый. Хлопоты через Сенат и Синод часто заканчивались разрешением на брак двоюродных родственников (кузин и кузенов), не говоря уже о более дальнем родстве, как это было в случае с Мухановым (брат невесты был женат на родной сестре Муханова). Как будто у чиновников, пусть даже и самых высокопоставленных, вызывала зависть любовь жен и подруг к осуж-

²⁷ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

денным государственным преступникам, и они хотели воспрепятствовать их счастью всеми доступными им средствами.

В то же время государственному преступнику Ивашову было разрешено жениться на девице Камилле Петровне Ле-Дантю, которая была раньше гувернанткой его сестер и якобы тайно была в него влюблена. Помогли, вероятно, связи родителей – отца, отставного генерал-майора, и матери, урожденной графиней Толстой, а также крупное их состояние. Злой на язык Д.И. Завалишин писал: «Мать Ивашева купила за 50 тысяч ему невесту в Москве, девицу из иностранок, Ледантю, но чтобы получить разрешение государя уверила его, что будто бы она была еще прежде невестою Ивашева... В результате она, приехавши, бросилась на шею Вольфу, приняв его за своего жениха, не смотря на то, что между ними не было ни малейшего сходства»²⁸. Тем не менее любовь между бывшим ротмистром-кавалергардом и юной француженкой была предметом восхищения сибирской колонии декабристов и близких им по духу людей. Ранняя смерть супруги во время родов привела и к преждевременной смерти В.П. Ивашева от тоски по любимой на следующий год после ее кончины. Он умер в 1840 г. в городке Туринске Тобольской губернии, где провел последние пять лет ссылки, занимаясь не без успеха музыкальным и поэтическим творчеством.

В других случаях браки заключались между ссыльными декабристами и женщинами из низших сословий, сведения о чем также хранятся в фондах Томского архива. Упомянутый Николай Лисовский просил жениться на дочери туруханского протоиерея Петрова, близкий к декабристам Хрисанф Дружинин женился на дочери умершего рядового Соколова Минодоре. В своем прошении Дружинин писал: «Давно желая привязать себя посредством брака к стране своего изгнания, я затруднялся лишь в выборе своей невесты; теперь я нашел девушку, которая считает себя счастливой быть моею; это воспитанница балаганской мещанки Минодора Соколова. Зная, что от Вашего Превосходительства зависит разрешение, покорнейше прошу не умедлить оным: скоро наступит пост, и тогда надолго отложатся браки, что может быть причиною больших издержек». Декабрист Илья Иванов

²⁸ Завалишин Д.И. Указ. соч. С. 303.

просил руки дочери крестьянина Домне Мигалкиной, 23 лет, «поведения честного и добропорядочного»²⁹.

Интересным сюжетом в освещении мировоззрения декабристов может стать тема о переходе некоторых из них в католицизм. В справках о декабристах (см. прил.) довольно часто встречается упоминание, что они получали образование в пансионах, содержавшихся иностранцами, или напрямую говорится об учителях-иезуитах. В начале XIX в. привлечение иезуитов в качестве учителей было вызвано модой, дешевизной и эффективностью обучения, а также сильным влиянием на отечественную аристократию западной культуры, которое проявлялась в обязательном знании языков, следовании западной моде в одежде, образе жизни, архитектуре и т. д. Например, учителя-иезуиты прививали Михаилу Лунину и Никите Муравьеву уважение к католической церкви и убеждали в ее превосходстве над православием. Своими успехами католицизм в России обязан яркому проповеднику и влиятельному иезуиту графу де Местру, который призывал к замене «принципа эгоизма принципом солидарности» и «объединению церквей под эгидой католической как гарантии сохранения мира в Европе»³⁰.

Активность католического духовенства возрастает после изгнания Наполеона и восстановления во Франции династии Бурбонов, когда сила оружия сменяется силой религиозного влияния, русская же православная церковь не могла этому влиянию противостоять в силу своей аполитичности и консерватизма. В это время М.С. Лунин проходил службу в Литовском корпусе на территории Польши, где, по словам А.Е. Розена, и произошло «совращение Лунина в католичество»³¹. В казематах Петропавловской крепости Лунин приходит к окончательному решению утвердиться в католичестве. Причиной тому послужили слабость соратников, предательство знакомых, подлость следователей, мстительность и мелочность императора – все это превратило Лунина, который, как известно, «предлагал свои решительные меры» (Пушкин) в человека религиозного. Деизм вольтерьян-

²⁹ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 11. Д. Л. 5–6.

³⁰ Цит. по: Перцева Т.А. О времени и причинах перехода М.С. Лунина в католичество // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск, 1988. С. 17.

³¹ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 265.

ского направления («гораздо лучше верить в бога, чем не признавать его»), атеизм и свободомыслие были хороши на свободе³². В условиях гонений, в застенках, на каторге и ссылке многие декабристы вернулись в привычные формы православия, хотя некоторые, как М.С. Лунин и П.Н. Свистунов, придерживались католической веры.

Петр Николаевич Свистунов родился в семье, где мать была истовой католичкой (урожденной Ржевской), воспитавшей в этой вере своих детей, двух сыновей и трех дочерей, которые были окрещены по католическому обряду. Старший сын с 8 до 12 лет воспитывался в иезуитском пансионе, а затем в пажемском корпусе. Несмотря на юные годы (1803 г. р.), Н.П. Свистунов был одним из активных деятелей Южного общества, ближайшим помощником и соратником П.И. Пестеля и имел титул «боярина», т. е. принадлежал к высшим кругам революционеров (см. прил.). После отбытия каторги Свистунов был поселен в пос. Каменка, на правом берегу Ангары, где завел небольшое хозяйство: две лошади, несколько коров, свой огород, нанял двух работников. Хлеба он не выращивал, но в огороде у него росли различные овощи и цветы. Затем переехал с семьей в Курган, где уже жил его друг И.А. Анненков, и вместе они перебрались в Тобольск, где и прожили дольше всего – с 1841 по 1856 гг. П.Н. Свистунов был прекрасный музыкант (виолончель и фортепиано), много читал и был блестящим публицистом. Он дожил до 86 лет и считал себя последним декабристом, т. к. Д.И. Завалишина, который был на год младше Свистунова и прожил на три года больше, он декабристом не считал.

Главное в воссоздании социокультурного облика декабристов заключается, на наш взгляд, в том, что глядя на их нравственные и общественные идеалы, мы часто ищем ответы на вопросы сегодняшнего дня. Постоянное присутствие нравственного императива в идеологии и политике декабристов делает их, как уже отмечалось, нравственно цельными личностями. Это явилось, в конечном счете, результатом формирования в рамках дворянской культуры и традиционной словной этики свободной личности, впитавшей в себя лучшие достижения современной декабристам европейской цивилизации.

³² Перцева Т.А. О времени и причинах перехода... С. 27.

Другими словами, два поколения непоротых (Указ о вольностях дворянству 18 февраля 1862 г. запретил телесно наказывать дворян и освободил их от обязательной службы), читавших Вольтера и Дидро в оригинале, породили Пушкина и декабристов.

3.2. Образ жизни декабристов в сибирской ссылке

Большую ценность для воссоздания образа жизни декабристов в сибирской ссылке представляют сведения об их жилищах в местах поселений. Разрешения (дозволения) на покупку и строительство домов в начале 1830-х гг. были даны в Туруханске ссыльным Лисовскому и Аврамову, которые купили себе деревянный дом за 100 руб. Им было дозволено получить 2000 руб. «на первое обзаведение» и 1000 руб. в год мелкими суммами. Вскоре они стали успешно заниматься торговлей с коренным населением, преимущественно с тунгусами. Конкуренция со стороны местных торговцев и вахтеров (мелких чиновников, заведовавших казенными хлебными магазинами на севере Сибири) привела к преждевременной гибели этих замечательных людей, которые были дружны не только между собой, но и с местными жителями, были женаты на местных девушках. Однако честно прожить в тех условиях было трудно. В борьбе за право наживать свои капиталы на обмане и кабале торговцы были готовы на все, в том числе и на убийства³³.

Дозволено было построить небольшой дом Юлиану Люблинскому в Тункинской крепости Иркутской губ., Николаю Заикину и Николаю Загорецкому в Витимском селении, который представлял из себя деревянный дом с амбаром, баней, помещением для скота и место для огорода. Такой же набор построек в городке Киренске Якутского края стоил Степану Веденяпину 265 руб. Андрею Андрееву было позволено построить близ Олекмы «мукомольную мельницу, которая по смерти его поступила бывшему помощнику исправника Федорову за долг, заимствованный у него, по показанию того же Федорова, на выстройку сей мельницы». Все названные здесь декабристы были высланы на по-

³³ Подробнее см.: Трошев Ж.П. Словом и примером. Декабристы в Енисейской губернии. Красноярск, 1975.

селение сразу, без прохождения «каторжных академий», что затрудняло их адаптацию к сибирским условиям. Не имея помощи от родственников, они пытались зарабатывать средства к жизни самостоятельно, но редко у кого это получалось. Молодому и неопытному человеку, совсем недавно служившему подпоручиком в столичном лейб-гвардии Измайловском полку, трудно конечно, было наладить собственное дело. Потерпев неудачу в хлебопашестве и мельничном деле, А. Андреев в 1831 г. обратился с ходатайством о разрешении поступить «в услужение к частным лицам для снискания себе пропитания», в чем ему было отказано. Тогда он просил перевести его в места, где цены на продукты были не так высоки, и его отправили в Верхнеудинск. По дороге туда Андреев остановился для отдыха в с. Верхоленском у поселенного там декабриста Н.П. Репина, с которым вместе сгорел при случившемся в доме пожаре в ночь на 28 сентября 1831 г.³⁴

В с. Тасеевском Енисейской губ. государственному преступнику Игельstromу было дозволено купить себе дом за 75 руб., который вместе с отделкой стоил 150 руб. Его соратник по ссылке Илья Иванов приобрел себе «деревянный дом ценою 204 руб. 5 коп. (так в документе. — В.Б.) со дворами и огородной усадьбой за счет 350 руб., посланных ему через местное начальство от жены государственного преступника Волконского». Петр Фаленберг в Минусинском округе в с. Шушенском просил построить дом и мельницу, которые обошлись ему по 400 руб. По такой же цене строили дом и мельницу в г. Минусинске братья Александр и Петр Беляевы, а в Иркутской губернии в с. Еланском Александру Одоевскому было позволено за те же деньги (400 руб.) купить дом с конюшнею, банею и огородом³⁵.

Надо сказать, что в глазах сибирского населения в Минусинском округе Енисейской губернии декабристы выгодно отличались от местных чиновников и купцов: «Это были люди милые, хорошие, жили как истинные изгнанники, вели замкнутый образ жизни и в народе имели прозвание “несчастных”, Друг с другом очень дружили... От казны получали 120 руб. в год, а некоторым еще высылали шаровары, две рубахи, 2 портянки и чирки — обувь. В получении сего они распи-

³⁴ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–4.

³⁵ Там же. Л. 5–6.

сывались обыкновенно, потом, полюбовавшись царскими подарками, отдавали их какому-нибудь из своих работников»³⁶.

Обратим внимание теперь на сводную ведомость декабристов, размещенных на территории Восточной Сибири в середине 1830-х гг. Она насчитывает 17 имен и учитывает время и место поселения декабристов, их семейное положение, род занятий и поведение, размеры помощи от родных и посторонних лиц, размер пособия от казны и потребность в дополнительной помощи. Как правило, в списке приводятся имена деятелей «второго или даже третьего ряда», по своему социальному положению они были близки к разночинцам, по деяниям получили несколько лет каторги с последующим «водворением» в места весьма удаленные. Первым в списке стоит Николай Загорецкий, который находился в ссылке со 2 мая 1828 г. в селении Витимском Киренского округа, а затем был переведен в с. Буреть Иркутского округа, на момент регистрации был холост и занимался сельским хозяйством и чтением книг. Формулировка «ведет себя хорошо» встречается почти у всех ссыльных, кроме упомянутого П.А. Муханова. До доли копеек учитывалась помощь родных и друзей. У Зарецкого она до 1835 г. составляла 1676 руб. 16 и $\frac{1}{2}$ коп. от родных и 797 руб. 5 коп. от «посторонних лиц». Интересна графа, где указывалась помощь тому или иному ссыльному по стандартному образцу: «Получая небольшую помощь от родных, до сего времени не нуждался в содержании, но к устройству хозяйственного быта недостаточно, коему положенное Высочайшей милостию вспоможение 200 р. весьма необходимо»³⁷.

Юлиан Люблинский с 20 августа 1829 г. находился на поселении в Тункинской крепости, занимался хлебопашеством и домашним хозяйством, получил в сумме помощь в размере около 1400 руб., но «солдатский паек и крестьянскую одежду» получал, и ему они были необходимы, т. к. в Тунке было несколько неурожайных лет. Остается добавить, что женат он был на дочери умершего казачьего урядника Тюменцева – Агафье и детей у них тогда еще не было, но из Сибири он выехал с женой, двумя сыновьями и тремя дочерьми. Последние

³⁶ Ляхович В.А. Указ. соч. С. 198.

³⁷ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.

после смерти Ю. Люблинского вернулись с матерью в Иркутск (выдано на проезд 400 руб.).

Упомянутый в статье владелец скромного деревянного домика Илья Иванов женился в Верхотенской волости на крестьянской дочери Домне Мигалкиной и получил в 1835 г. 610 руб. Солдатский паек и крестьянскую одежду он получал, но остро нуждался в пособии, т. к. «испытывал разные сельские промыслы, но по неопытности были неудачи, также и неурожай делали убытки, посему Высочайше назначенное вспоможение ему необходимо»³⁸. Пособие было необходимо Хрисанфу Дружинину и Василию Колесникову, которые женились на местных крестьянках. Холостякам Михаилу Рукевичу, Ивану Шимкову, Константину Игельstromу и Аполлону Веденяпину тоже нужна была казенная помощь, и Иркутский губернатор И. Цейдлер посылал по этой причине запрос в Петербург.

Основанием для такого запроса стали «всеподданнейшие прошения» государственных преступников, где они, как правило, описывали свое бедственное положение. Например, А.В. Веденяпин в марте 1836 г. писал, что из назначенного ему пособия в 200 руб. он получил половину, но земский исправник уведомил его об отмене выдачи денег. Без пособия жизнь поселенца Веденяпина делалась, по его мнению, невозможною: «Ныне я имею для себя бедный дом и небольшое скотоводство, которых неминуемо должен лишиться, не имея средств для поддержания; мне не на что купить дров и нужного освещения; не смею указать на другие необходимости жизни. При пожертвованиях невозможных, истощая все остающиеся способы, я только уверился, что должен погибнуть, если рука милосердия высшего начальства не окажет мне помощи... Здесь (в Киренске. – В.Б.) не существует хлебопашество; в течение 10 лет постоянно занимаясь им, я ежегодно терпел убытки, отведенный же мне участок земли, при настоящих средствах, не может приносить и малейшей пользы, требуя знатных издержек и времени. И потому я всепокорнейше прошу Ваше Высочайшее превосходительство сделать милостивое распоряжение о выдаче пособия, как следующие мне 100 р. за вторую половину прошлого года, так и на текущий, дабы при наступающем весеннем времени я мог

³⁸ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

приступить к необходимым работам и сделать нужные запасы во время бывающей здесь ярмарки, единственного времени для выгодного приобретения необходимых вещей, которые впоследствии иметь бывает или вовсе невозможно, или разорительно. Будучи одинок, и, по болезненному состоянию, часто не в силах служить самому себе, я в необходимости иметь для хозяйства стороннего человека, по местной дороговизне и недостаткам требующее издержек, для меня невозможных. Несколько раз уже я просил о различных улучшениях моего быта, не выходя из тесного предела ограничений, и не получал удовлетворения. Не могу отказаться от надежды, что милосердие Монаршее когда-либо положит предел моим страданиям, тем более, что имею счастье лично объяснить Вашему Превосходительству обстоятельства моей жизни. Не смею избирать ничего, но с большим уверенным на человеколюбивое сострадание все надежды, всю будущность мою сосредотачиваю в воле Вашего Превосходительства. Поселенец Аполлон Веденяпин. 1836 года марта 7 дня»³⁹.

Таков крик души А.В. Веденяпина, который вместе с братом служил в 9-й артбригаде и являлся короткое время членом Общества соединенных славян. Служба была едва ли не единственным средством существования братьев, т. к. за отцом и его братом числилось всего 20 душ крепостных в Темниковском уезде Тамбовской губернии. Вероятно, обучение в столичных кадетских корпусах, откуда вышло довольно много декабристов, и свободомыслие среди офицеров на юге России приводило в тайные общества людей случайных. Таковы были братья Веденяпины. Младший из них Алексей по приговору был лишен офицерского звания и служил некоторое время рядовым на Урале, а затем на Кавказе, где вскоре получил унтер-офицерское звание и в 1833 г. уволен со службы с чином 14-го класса. Некоторое время управлял имениями гр. Закревского, а затем служил в комиссии народного продовольствия в Тамбове. Старший из братьев Аполлон был отправлен в ссылку в Якутскую область, откуда писал приведенные выше прошения, которые, конечно, имели свой результат. «Не в пример другим» он был определен на службу младшим писарем Иркутского военного госпиталя, потом назначен помощником смотрителя Иркутской граждан-

³⁹ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 19. Л. 26–28.

ской больницы, заседателем Иркутского окружного суда. Уволен по прошению со службы в чине губернского секретаря в феврале 1855 г., а на следующий год по амнистии вернулся в родную Тамбовскую губернию, где был владельцем с. Тройни Краснослободского уезда и отцом четырех дочерей⁴⁰. Такова жизненная линия братьев Веденяпиных, принадлежавших к тому незаметному и бедному дворянству и составлявших то большинство декабристов, которых можно назвать фоном движения, его питательной средой, без которой невозможно было бы и выдвижение выдающихся теоретиков и практиков этого политического и общественного явления.

А вот более известные деятели движения: Александр Одоевский, Михаил Глебов, Иосиф Поджио и Михаил Кюхельбекер и другие поселенцы, которые «получая достаточное содержание от родных, во вспоможении не нуждаются», хотя все они попутно и занимались «домашним обзаведением и хозяйством». Больше всех получил от родных денег Павел Аврамов – 5 тыс. руб. до 1835 г. и 1 тыс. руб. уже в начале этого года, но и он не оставался без дела – занимался хлебопашеством и скотоводством. Кроме этого, как уже отмечалось выше, занятие торговлей с коренными народами севера давало Аврамову и Лисовскому достаточный доход без привычного для местных торговцев обмана.

Баловень судьбы А.И. Одоевский принадлежал к древнему княжескому роду, семья и в Сибири окружала его нежностью и заботой, но на поселении он также стал заниматься хозяйством. Сохранилась опись этого хозяйства: он владел 1,5 дес. пахотной земли и еще 16,5 дес. снимал у крестьян, держал 4 лошади и корову. В письмах к отцу он рассуждает как рачительный помещик и хозяин: «заниматься сельским хозяйством нужно самому, поскольку это единственное средство заставить хорошо работать»⁴¹. Прожив в Елани три года (1833–1836), он благодаря хлопотам отца отправился на Кавказ, где вскоре и погиб. Конечно, занятие хозяйством были для него забавой, т. к. по складу своего

⁴⁰ Декабристы. Биографический справочник... С. 37, 38.

⁴¹ Декабристы на каторге и ссылке. 1825–1925. Сб. новых материалов и статей, составленных комиссией Всесоюзного общества политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. Л., 1925. С. 131.

характера он был поэт, Моцарт, который беззаботно играл своим талантом и иногда подтрунивал в письмах над Сальери – своим кузеном, известным философом и писателем Вл. Одоевским. До восстания был дружен с А.С. Грибоедовым, А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым, на Кавказе служил в драгунском Нижегородском полку и сблизился там с однополчанином М.Ю. Лермонтовым, в 1839 г. в Пятигорске познакомился с Н.П. Огаревым. В том же году заболел малярией и умер в неполных 37 лет (как и Пушкин) во время экспедиции на восточный берег Черного моря.

Во многом порыв и желание немедленно помочь людям двигало не только поэтом Одоевским, но и другими молодыми офицерами. В их числе оказался отставной майор князь Ф.П. Шаховской, энтузиаст, одно время масон, член ложи «Соединенных друзей», «Трех добродетелей» и «Сфинкс». В 1822 г. он отходит от тайных дел и занимается сельским хозяйством в имении своей жены урожденной кн. Щербатовой в Нижегородской губ. Тем не менее был признан виновным и отправлен на поселение в Туруханск, где занимается, по докладу гражданского губернатора, «скотоводством, разведением картофеля и прочих огородных овощей, чего доньше в сем крае не находилось»⁴². Необходимо уточнить, что Туруханск находится в низовьях Енисея в заполярье и условия для огородничества там самые неподходящие. В Енисейске, куда вскоре перевели Шаховского, условия были несравненно лучше, и там князь занимался хлебопашеством, вводил новые орудия труда и приемы землепользования. Он просил выделить ему 50 десятин земли, чтобы завести там хутор со строениями, машинами, орудиями и лучшими семенами. «Небесполезно тоже, – пишет он в прошении, – для распространения в хлебопашестве употреблять на хуторе несколько поселян»⁴³. По сути, это было бы настоящее опытное и одновременно учебное хозяйство, своего рода небольшая академия для местных крестьян, которая бы принесла им много пользы. Суровость Туруханского края, одиночество, тоска по дому и родным, сознание несправедливости своего заключения (4 года прожил в деревне вне политической деятельно-

⁴² Декабристы на каторге и ссылке. 1825–1925... С. 65.

⁴³ Там же. С. 66.

сти и вдруг арестован и осужден) – все это отрицательно повлияло на психику Шаховского. По рапорту от 12 августа 1828 г. он, как и Н. Бобринцев-Пушкин, «впал в сумасшествие» и был помещен в городскую больницу под казацким конвоем, затем с фельдъегерем был отправлен в Суздальский Спасо-Ефимиевский монастырь и там в мае 1829 г. умер.

Печальна была судьба и случайно оказавшегося на Сенатской площади в момент восстания М.Н. Глебова, который к тайным обществам до этого не имел никакого отношения. «Чиновника Глебова посадить под арест, где удобно, он случайно пристал, но содержать строго», – писали в сопроводительной записке в Петропавловскую крепость. Приговор был неожиданно суров: осужден по V разряду в каторжную работу на 10 лет, в августе 1826 г. сокращен до 6 лет. По окончании срока в 1832 г. он был отправлен на поселение в с. Кабанское Верхнеудинского округа Иркутской губ., где пытался заниматься мелочным торгом и мелким предпринимательством, но особых успехов не достиг. Скорее всего, эти занятия должны были отвлечь М.Н. Глебова от болезненных припадков, вызванных его недугом – приобретенным в сибирской глуши и одиночестве алкоголизмом. Вероятно, в этой связи он ходатайствовал о переводе в Братский острог Нижнеудинского округа для совместной жизни с Мухановым, но было отказано по «замеченной закоснелости последнего в своих заблуждениях».

Сын состоятельных родителей (около 700 крепостных в Путивльском уезде Курской губернии), человек мягкого, если не сказать кроткого, характера, имевший какую-то нервную болезнь, но, в отличие от других декабристов, без идейного стержня, он скучал и жаждал освобождения⁴⁴. Но опека над поселенцем была достаточно плотная, что видно из предписания генерал-губернатора Восточной Сибири местным властям при водворении государственного преступника Михаила Глебова в с. Кабанское. Вот эти правила: «1. Иметь за поведением преступника неперменный надзор и мне ежемесячно о поведении его доносить.

⁴⁴ Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени. Пояснительный биографический текст приват-доцента Московского университета П.М. Головачева. М., 1906. С. 87.

2. Объявить ему, чтоб избрал себе занятие и в месячном рапорте доносить обстоятельно, чем занимается. 3. Имение его описать, доставить ко мне и объявить ему, чтоб деньги при себе не скрывал, и что собственность его не отберется, но ежели после откроются деньги или вещи, то подвергнется за скрытие суду. 4. По Высочайшему повелению дозволяется писать к родственникам и получать от них вспоможение деньгами и вещами, но не иначе, как чрез меня. 5. Ежели пожелает купить на собственные деньги дом и завести хозяйство, то предварительно представить ко мне, какой цены заведение и у кого покупается. 6. Внушить ему, чтоб вел себя тихо, скромно и никаких связей ни с кем не заводил, у себя или в другом месте сборищ или собраниев не имел, из мест пребывания не отлучался и непременно каждую ночь ночевал в квартире и вместе с тем не позволять ему иметь огнестрельных орудий; в случае отступления сего подвергнется взысканию даже и суду. 7. Ежели он имеет родственников, которые в состоянии были бы помогать, или не может ожидать помощи от них, то донести мне. 8. На письмах же, посылаемых им к родственникам его, приказать ему делать адреса, кому именно и куда, которые представлять ко мне нераспечатанные для отсылки по принадлежности. 9. Так как земский исправник не всегда будет находиться в Кабанском селении, в таком случае за наблюдением поведения государственного преступника М. Глебова может только поручить надзор и получать от него письма и доносить мне в случае независимо от земского исправника одному из заседателей земского суда, который будет находиться в Ильинской волости или волостному голове, если он знает грамоте»⁴⁵.

В результате выпускник Петербургского университетского пансиона, чиновник министерства юстиции, успешно делавший свою карьеру, умер в Кабанской слободе, по официальным сведениям в возрасте 47 лет, от отравления и побоев. Виновными в таком диком и жестоком преступлении были признаны унтер-офицер Кабанской этапной команды Илья Жуков и крестьянская дочь Наталья Юрьева.

Сходная судьба была у другого представителя декабристских «низов». Павел Фомич Дунцов родился в 1802 г. в Подольской губернии. В семье зажиточного крестьянина Тимофея Дунцова, который

⁴⁵ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 9. Л. 9–10.

имел 5 лошадей, 2 коровы, 16 ульев, 10 овец. Для Сибири такие размеры хозяйства не представляли чего-то необычного, были вполне заурядны по структуре и объемам, но для пограничной зоны между Россией и Польшей, в небогатой Белоруссии, это было вполне крепкое хозяйство. В связи с этим в детстве мальчик не голодал и не нанимался в батраки, а получил вполне приличное образование сначала у местного дьячка, а затем в иезуитском духовном училище. В таком училище давали неплохое гуманитарное образование, которое включало в себя знание латыни, польского и французского языков, схоластику и другие дисциплины. В этой школе мальчик попадает под влияние иезуитов (тринитариев – поклонников троицы) и по выходу из него получает фамилию Выгодовский вместо Дунцова и отчество Фомич вместо Тимофеевича. Не без помощи польских ксендзов выправляются новые документы, и как польский дворянин Выгодовский крестьянский сын Дунцов является в канцелярию волынского губернатора, чтобы получить какую-либо должность⁴⁶. Бюрократический аппарат на окраинах империи всегда испытывал нужду в грамотных людях, которые за весьма «миниатюрное жалованье» были готовы на любую работу. Юный канцелярист Выгодовский выполняет задания по описанию фабрик и заводов губернии, по сбору недоимок и рекрутскому набору. В перспективе было получение первого классного чина и дальнейшее продвижение по служебной лестнице.

Отметим для себя, что из православия Дунцов легко перешел в католичество, из русских крестьян переместился в польские дворяне, удалился от привычных крестьянских занятий и занялся чиновничьей службой. Как это ни странно, следствие на самозванство Дунцова-Выгодовского не обратило особого внимания и не привлекло его к ответственности за присвоение дворянского звания, герба, незаконное устройство на службу и другие преступления против господствовавшей тогда строгой сословности. Главная его вина – принадлежность к обществу Соединенных славян, куда его принял в 1825 г. секретарь общества, мелкий чиновник (комиссионер 10-го класса) Илья Иванов. По его заданию переписал «Правила» или «Катехизис» общества для старшего члена этого общества Борисова.

⁴⁶ Восстание декабристов. Документы. Т. 8. М., 1925. С. 59, 60

В следственном деле Выгодовского хранится небольшая по объему переписка между ним и подпоручиком 8-й артиллерийской бригады П.И. Борисовым 2-м. Письма представляют собой смесь понятий и имен из римской истории (себя, судя по всему, Выгодовский называет Катонем, а Борисов подписывается Сципионом), название месяцев берется из календаря французской революции конца XVIII в. (мессидор, термидор и т. д.), стиль – традиционный для чиновников запутанный канцелярит, который с трудом понимается. Впрочем, разговоры между адресатами шли на высокие темы. Вот образец письма Выгодовского к П.И. Борисову: «В чьем сердце помещается храм Добродетели, тот, верно, будет в нем находить подобную радость. Сего же счастья, сей дружественной любви, восхищающей в благородные и возвышенные чувства, я бы не согласился променять ни на мнимое горнее царство, ни на самый прелестями наполненный рай Магомета». Еще более изощренный образец усложненного мировосприятия, когда язык скорее служит для самовыражения, чем выступает как средство общения, содержится в другом письме Выгодовского: «Я, будучи частью озабочен должностью, а частью чрез ожидание писать к вам вместе с Катонем, не изъявил вам тотчас по получении письма вашего участия моего сердца в том доверии и расположении, каковыми вы без заслуг моих на то вы удостоили меня... Недосуг не позволяет мне дать и моих мнений насчет замечаний Катона о суетности мира, а более, что и не понял, к чему это отнесено, ибо ежели иногда говорит вообще о мире в то время и себя не выключаяешь»⁴⁷.

Витиеватость и запутанность стиля сменяются предельной ясностью при ответах на вопросы Следственного комитета: «Вольнодумческие и либеральные мысли прилипли ко мне в недавнем времени частью от чтения, а частью и при поступлении мною в тайное общество от участников оною, мною объявленных Ильи Иванова, офицеров 8-й артиллерийской бригады Борисова, Бечаснова, Горбачевского, Киреева, Громницкого и Мызгана, Пензенского пехотного полка поручика Алексея Ивановича Тютчева, который якобы враждовал из-за того, что невинно был выслан из гвардии и что покойный государь

⁴⁷ Восстание декабристов. Т.13. М., 1975. С. 392, 393.

император покровительствует одним только иностранцам, кои восходя на высокие степени, притесняют российское дворянство и тому подобное»⁴⁸. Уже при аресте в Житомире Выгодковский проявил раскаяние и назвал всех лиц, причастных к тайному обществу, которых знал и мог подозревать. Некоторые ошибки, сделанные при опросе, были несущественны и требовали последующего уточнения. Например, Тютчев был капитаном, а не поручиком. Такая неточность объясняется естественной растерянностью молодого человека и тем, что все-таки он был гражданским чиновником, а не военным. Из материалов следствия явствует, что канцелярист Выгодковский полностью раскаивался в совершенных им действиях. На первом же допросе он показал, что когда Иванов сообщил ему о том, что в Южное общество он не причислен, а из Славянского вовсе исключен, то весьма тому обрадовался. В дальнейшем Выгодковский заявил, что по национальности является поляком и возлагает надежду на возрождение Польши. Однако связей с польскими революционерами следствие не обнаружило, т. к. поляки сами не доверяли мелкому канцелярскому служителю. Роль Выгодковского в тайных обществах была признана скромной, раскаяние искренним, и он был отнесен к 7 разряду государственных преступников (один год каторги и вечное поселение в Сибири).

П.Ф. Выгодковский был отправлен в Читу в феврале 1827 г., а т. к. своих денег у него не было, то из казны выдали 23 руб. 60 коп. на теплые вещи и 30 руб. на дорожные расходы. 15 апреля того же года он прибыл в Читу, где год пробыл на каторге в окружении своих товарищей из Общества соединенных славян: братьев Борисовых, Горбачевского, Иванова, Тютчева, Бечаснова и др. По мнению известных мемуаристов (братья Бестужевы, И.Д. Якушкин, Н.В. Басаргин), эта группа выделялась демократическими убеждениями, атеизмом, радикальными настроениями, мелкими чинами в прошлом и получила название «Вологда». В отличие от нее другая группа была преимущественно аристократической, в прошлом многие из каторжников имели высокие чины, им щедро помогали родственники, к ним приезжали жены. Многие из членов этой группы были верующими или мистически настроенными, что дало им общее, уже упо-

⁴⁸ Восстание декабристов. Т.13. М., 1975. С. 287.

минавшееся, название «Москва». На каторге декабристам было отчасти легче, т. к. они сумели создать атмосферу взаимопомощи, поддерживали доступными средствами слабых духом, помогали больным, бедным и обездоленным, создали свою систему взаимного образования и обмена мнениями.

В июле 1828 г. П.Ф. Выгодский прибыл в город Нарым, где проживало тогда около 500 жителей. В нем ему пришлось провести долгих 26 лет. Сначала его товарищем по ссылке был соратник по Обществу соединенных славян Н.О. Мозгалеvский, молодой подпоручик Саратовского пехотного полка, который был причислен к 8 разряду государственных преступников, лишен чинов и дворянства и выслан на 20 лет на поселение. В Нарыме он быстро освоился: сошелся с местными жителями и благодаря содействию своего нового приятеля, лекаря Виноградова, нашел себе невесту – казачку Евдокию Ларионовну Агееву. В семье у них было 8 детей, небольшое хозяйство, но, как написано в официальном документе, «претерпевал тяжелую нужду». В связи с этим Мозгалеvский стал просить перевести его в Енисейскую губернию и в 1836 г. переселился в с. Курагинское, потом в с. Теснинское и, наконец, с 1839 г. жил в Минусинске, где в 1844 г. и умер. Понятно, что обремененному семьей и хозяйственными заботами, ведшего, по докладам администрации, «жизнь совершенно крестьянскую», Н.О. Мозгалеvскому было не всегда возможно общаться с Выгодским. На короткое время тот мог скрасить свою потребность в общении со ссыльными поляками, но их вскоре перевели в другое место. Поэтому в Нарыме П.Ф. Выгодский был предоставлен большей частью самому себе и нашел занятие в чтении, немного портняжничал, по просьбе местных жителей составлял жалобы и прошения, хлопотал об улучшении собственного положения. По его словам, он постоянно нуждался в средствах к существованию, хотя ему, как и всем ссыльным, предоставлялась определенная сумма денег взамен солдатского пайка (4 руб. 35 $\frac{3}{4}$ коп. сер. в месяц) и крестьянская одежда. Но, получая эту одежду, Выгодский, по сведениям администрации, носил «соответствующую прежнему его званию одежде – сюртук, фуражку или картуз, т. к. крестьянская одежда ему не совсем удобна». С 1835 г. он стал получать пособие в 200 руб. асс. ежегодно и право на 15 десятин пахотной земли, но по докладу Выго-

довского ему заменили эту землю сенокосом⁴⁹. В Нарыме им был куплен небольшой деревянный домик, где в продолжение всей ссылки бобылем (старым холостяком) и проживал этот один из самых скромных и незаметных декабристов.

Тем не менее в нарымской ссылке произошли события, которые сделали Выгодовского известным за пределами округа. На протяжении всей жизни на поселении он вел оживленную переписку со многими адресатами и, судя по содержанию этих писем, был не в ладах с местной элитой. По его словам выходило, что богатые местные «живодеры» разоряют беззащитных баб и бессловесных мужиков. В Тогурском округе «существуют четыре главные язвы: заседатели, купцы, вахтеры (приказчики хлебных магазинов. – *В.Б.*) и кабаки. Выгодовский сравнивает местных кулаков со «слепнями и паутами, сосущими кровь у бедняков», главными из которых является династия Родюковых. Особенно он ополчился против заседателя Борейши, называя его «грабителем и насильвателем», который и канцелярию свою составил «по своему образу и подобию из двух ошельмованных воришек».

В губернском городе Томске, по мнению Выгодовского, действовали также «чины-хапуги чернильные гнусы, воры и бездельники». Чиновники там «на такой поднялись промысел и спекуляцию, на какой варнаки (разбойники. – *В.Б.*) не решаются. Эти воруют и разбойничают открыто, тогда как чиновники прячутся за буквы закона». Выгодовский отправил в родную Подольскую губернию некоему Петру Пахутину письмо с 4 рисунками атеистического содержания – «три лика святых и одно грешника», подразумевая под последним себя. Это были своеобразные карикатуры на православие, сопровождавшиеся соответствующим текстом. Автор пытался с материалистических позиций пояснить природные явления и делал это наивно, неграмотно и грубо. Социальные явления он объяснял таким же образом: «Нищие без богатых могут существовать, а богатые без нищих все бы передохли». Такая позиция вызвала в 1848 г. интерес у жандармов и томский губернатор сообщает 3-му отделению Императорской канцелярии, что Выгодовскому указано, чтобы он не «осмеливался входить ни в какие рассуждения о пред-

⁴⁹ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири: исторический очерк по официальным документам. СПб., 1905. С. 111, 113.

метах, до него не относящихся». В том же году он высылал из Нарыма родным 60 руб. сер., образ и письмо, в котором высказывал сыновнее уважение матери, благословение младшему брату Пантелеймону в виде иконы и советы по устройству их жизни⁵⁰.

Итак, в Сибири произошло окончательное формирование личности декабриста Выгодовского. После своего раскаяния на следствии, когда он был рад отказаться от своих убеждений, чистосердечно признаться в противозаконных умыслах и огласить весь список причастных к тайному обществу людей, был период, когда он надеялся улучшить свое положение в ссылке через прошение императору. Сохранилось подлинное письмо Выгодовского царю на французском языке, где он просит избавить его от голодной смерти на поселении. В дальнейшем, как мы уже убедились, голос Выгодовского-публициста крепнет и он уже разговаривает с властями на языке А.Н. Радищева, его рукописи пестрят антицаристскими, антидворянскими и атеистическими высказываниями. Врагом самодержавия и засилья бюрократии он становится под влиянием прежних убеждений, деспотизма местных сибирских чиновников, под воздействием нарымских крестьян и ссыльнопоселенцев, обращавшимся к нему за юридической помощью.

Тем не менее эпистолярное наследие Выгодовского в своем разоблачительном пафосе наивно и даже примитивно по содержанию и слишком экспрессивно (ругательно) по форме. В юности он был дезориентирован в вере, утерял свои социальные крестьянские корни и не упрочился в новом качестве чиновника-интеллигента. Суд, каторга и ссылка добавили сумятицы в его внутренний мир, сильно повлияли на состояние его психики. Нужно откровенно признать, что некоторые письма и обращения Выгодовского к властям прямо говорят о его умопомешательстве. Слабое и фрагментарное образование, его явное стремление избегать женского пола, невыразительная внешность, болезненность и физическая слабость – все это, по мнению специалистов, свидетельствует о предрасположенности к психическим заболеваниям. В этой связи часто трудно отделить его размышления от бреда душевнобольного. Однако главной характеристикой этого революционного

⁵⁰ Богданова М.М. Декабрист-крестьянин П.Ф. Дунцов-Выгодовский. Иркутск, 1959. С. 54.

деятеля является бескомпромиссность, неразборчивость в средствах достижения своих целей, тесная смычка с простым народом, определение своей принадлежности к вере в зависимости от обстоятельств, т. е. те качества, которые воплотятся в следующем поколении революционеров-разночинцев, образно названному Ф.М. Достоевским «бесами». От испепеляющей ненависти к режиму до террористических актов против царя и его сановников было не так и далеко. Недаром П.Ф. Дунцова-Выгодского удалили из Вилуйска Якутской губернии, освобождая место для ссылки туда Н.Г. Чернышевского. Состоялась своеобразная передача революционной эстафеты от одного поколения к другому.

3.3. Благотворительная и врачебная деятельность декабристов в Сибири

Внимание исследователей отечественной истории уже долгое время приковано к истории декабризма. Современное российское общество активно ищет национальную идею, которая бы сплотила народ и двинула его по пути прогресса и модернизации. В то же время обществу не хватает в политике и обыденной жизни гуманизма и доброты. Необходимо, на наш взгляд, вступить в «мысленный диалог» с другими эпохами, искать там примеры и образцы нравственного поведения. Высокий морально-нравственный уровень жизненных ориентиров декабристов, проверка их в суровых сибирских условиях, помощь ближнему, которую они постоянно оказывали, – вот те главные черты характера, побудившие обратиться к данной теме. Одним из таких идеалов становится все более распространенная в теории и на практике благотворительность. Появилось достаточно большое число исследований по этой теме, хотя число жертвователей на благие цели могло быть и существенно больше, а их вклады во много раз значительнее.

Ряд дореволюционных и современных исследователей выделяют несколько этапов благотворительности в России⁵¹. С учетом этого

⁵¹ См., напр.: Максимов Е.Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894; Якоби И. Благотворительность. СПб., 1894; Андреева И.Н. Очерки истории социальной помощи в России (X – начало

мы выделили в истории социальной помощи в России три этапа. Первый этап связан с возникновением у восточных славян государственности и принятием Русью христианства. Он ограничивается рамками X–XVII вв. и его можно назвать княжески-церковным. Тогда пожертвования на различные цели шли от носителей светской и духовной власти, во многом зависели от воли и морального облика князя или церковного иерарха. Второй этап охватывает период с начала XVIII – до середины XIX в., когда дома призрения, богадельни, больницы и иные расходы на благотворительность исходили от государства и специально созданных органов. Приказы общественного призрения могли стать достаточно эффективными органами помощи нуждающимся, т. к. кроме государственных средств могли заниматься приумножением своего капитала самостоятельно, например, давать кредиты под надежное обеспечение за определенные законом проценты. Однако существовавший в России произвол и коррупция бюрократии нейтрализовывали благие намерения властей в социальной политике. В XIX в. (третий этап) зарождается и начинает укрепляться общественная и частная благотворительность. Создается достаточно большое число благотворительных организаций, причем, надо отдать должное, инициаторами в этом деле были члены императорской семьи. Появляются первые благотворители и жертвователи на народные нужды (церковное строительство, медицина, образование, раздача средств бедным и т. д.) преимущественно из купеческой среды. С развитием в России предпринимательства расширяются объемы и сферы приложения благотворительных средств, появляется меценатство – поощрение капиталами различных искусств и ремесел, увеличивается число жертвователей не только из купеческого, но и из других сословий.

Одной из особенностей становления частной благотворительности в Сибири было участие в ней ссыльных декабристов. Часто не имея достаточных средств для обеспечения необходимым себя,

XX в.). М., 1966; Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов. Вторая половина XIX – начало XX вв. Красноярск, 1997; Бойко В.П. Томское купечество – родному городу // Благотворительность в Сибири. № 1. С. 3–11. Прохоров В.Л. Этапы развития благотворительности в России // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 158–164.

они, тем не менее, оказывали помощь местному населению. Наиболее зримо такая помощь проявлялась в области медицины. Самоотверженная и бескорыстная деятельность декабристов имела, на наш взгляд, следующие основные причины.

Во-первых, работа декабристов в Сибири по просвещению, оказанию медицинской и юридической помощи и развитию экономики края вполне соответствовала программным положениям их тайной организации – Союза благоденствия и их внутренним побуждениям.

Во-вторых, острая нехватка в Сибири врачебной помощи. По сведениям барона А.Е. Розена, один врач здесь должен был приходиться на 40 тыс. чел. населения, что зачастую не исполнялось, а качество оказания медицинской помощи было низким, к тому же платить за нее местные жители считали своим долгом.

В-третьих, среди декабристов был только один квалифицированный врач – Ф.Б. Вольф – сын московского аптекаря, учился в Петербургской Медико-хирургической академии. После этого он имел богатый опыт работы в военных госпиталях и частной практики. Оказавшись на каторге, он широко оказывал медицинскую помощь декабристам, членам их семей, чиновникам и всем в ней нуждающимся. Кроме этого, Вольф в «каторжной академии» читал курс естественных наук – анатомию, физику, химию, а также давал слушателям сведения по медицине. Все это помогло некоторым из ссыльных декабристов самим попытаться лечить некоторые болезни и недомогания.

В-четвертых, особое доверие и почтительность, которое питали к ссыльным сибирские крестьяне, купцы и мещане. В каждом городе, в каждом населенном пункте они оставили о себе добрую славу, расставание с ними было трогательным и печальным для обеих сторон, что говорит о высоком авторитете декабристов у местного населения.

В литературе найдется немного статей, где рассматривалась бы тема медицинской помощи декабристов населению, и совсем нет специальных работ, где характеризовалась бы их благотворительность. В статье А.Г. Лушникова освещается врачебная деятельность в Сибири Ф.Б. Вольфа⁵². Работа основана на достаточно большом

⁵² Лушников А.Г. Декабрист врач Ф.Б. Вольф // Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952. С. 165–180.

количестве архивных и опубликованных материалов, которые помогли автору создать портрет декабристов и доктора Вольфа как людей высоко моральных и интеллигентных. В с. Урик близ Иркутска Вольф жил до перевода в Тобольск в 1845 г. Кроме лечения, он читал курс гигиены в местной духовной семинарии. Автор приходит к выводу, что доктор Вольф отличался исключительным бескорыстием, добротой, настойчивостью в проведении того лечения, которое он назначал и которое чаще всего оказывалось успешным, большим он нравился своим внимательным подходом к ним и их проблемам⁵³. Статья была опубликована в 1952 г., когда изучение декабризма только возрождалось после долгого перерыва. Необходимо было отдавать дань идеологии, цитировать классиков марксизма, не ссылаться на многие работы предшествующего периода за их либерализм и буржуазность, критиковать декабристов за недостаточную революционность, а царизм за жестокую над ними расправу. В то же время это была одна из первых попыток говорить на тему декабризма свободно и аргументированно. Немалую роль в этом сыграла уже упоминавшаяся нами Л. Чуковская, дочь знаменитого литератора и детского писателя К. Чуковского, одна из первых диссиденток страны, которая в этом сборнике поместила большую и содержательную статью о декабристах – исследователях Сибири⁵⁴.

Специально освещению врачебной деятельности декабристов в Сибири посвящена небольшая статья В.Ф. Ретунского. Она отражает в основном историю врачевания Ф.Б. Вольфа, лечебную практику других декабристов в Западной Сибири. Выявлен основной круг лиц, которые вели прием больных: П.С. Бобрищев-Пушкин, А.В. Ентальцев, Н.В. Басаргин, И.С. Повало-Швейковский, И.Ф. Фохт, а также оказывавших медицинскую помощь во время стихийных бедствий: А.М. Муравьев, П.Н. Свистунов и М.А. Фонвизин. Статья написана на основе эпистолярного наследия декабристов, часть которого не была опубликована, на основе материалов местных архивов и воспоминаний современников. На наш взгляд, круг лиц из числа

⁵³ Лушников Указ. соч. С. 173.

⁵⁴ Чуковская Л. Декабристы – исследователи Сибири // Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952. С. 3–82.

ссылных декабристов, занимавшихся лечением, можно расширить, а выводы автора уточнить. Можно согласиться с мнением Ретунского о том, что при отсутствии и остром недостатке врачей та медицинская помощь, которую оказывали декабристы, имела практическое и социальное значение, но отдавая дань времени, он ошибается, когда говорит, что через эту деятельность декабристы становились ближе к народу, чтобы звать его на революционные свершения⁵⁵. В одном из писем Н.В. Басаргин, рассказывая о том, как И.С. Швейковский поставил на ноги семью смотрителя Ялуторовского училища, называет главную причину врачебной помощи людям: «Он не жалел ни трудов ни денег, чтобы их спасти. Полтора месяца он не имел ни минуты покоя, целые дни и ночи проводил у них, сам составлял лекарства, сажал в ванну, одним словом ухаживал за ними как за ближайшими родными, и все это из одного желания помочь ближнему»⁵⁶.

Декабристы в Сибири выступали как инициаторы и организаторы благотворительных пожертвований. Например, таким образом была основана первая в Западной Сибири школа для девочек. Ее основателем, как, впрочем, и школы для мальчиков в Ялуторовске, был декабрист И.Д. Якушкин. Сначала она помещалась в наемных квартирах, но число учениц росло и в них стало тесно. В 1850 г. вдова известного урало-сибирского миллионера пообещала продать свой дом в Ялуторовске, чтобы вырученные средства пустить на строительство здания женской школы. Несмотря на то, что она долго не присылала доверенности на продажу дома, в июне 1850 г. возведение здания началось и с помощью местного купца Н.Я. Балакшина в короткий срок было завершено. Балакшин оказывал помощь деньгами и материалами и другим декабристским начинаниям. Его дочь Анисья работала в рукодельном классе школы, а другая дочь, Александра, была там классной наставницей⁵⁷.

⁵⁵ Ретунский В.Ф. Врачебная деятельность декабристов в Западной Сибири // Сибири и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 103–109.

⁵⁶ Житомирская С.В. Указ. соч. С. 209.

⁵⁷ Цит. по: Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске. Мировоззрение и деятельность Новосибирск, 1989. С. 52.

Кроме этих, может быть самых известных школ в Ялуторовске, декабристы основали школы: в Минусинске – братья Беляевы, в Вилюйске – М.И. Муравьев-Апостол, в Петровском заводе – И.И. Горбачевский, в с. Олонках около Иркутска – В.Ф. Раевский. Некоторое время содержал небольшую школу с пансионом А.П. Юшневский, многие декабристы давали частные уроки и учили грамоте без взимания платы. Педагогическое влияние декабристов на окрестное население трудно переоценить – они везде учили детей, пытались открыть школы, не жалея на это своего времени, сил и средств.

В связи с этим отметим еще одну благотворную для Сибири страсть декабристов – любовь к книгам. Она была гораздо больше, чем увлечение, собирательство или библиофильство. Во-первых, для многих из них книги и чтение являлись преклонением перед духовной культурой человечества; во-вторых, новые книги, журналы и газеты, пусть и немного устаревшие, позволяли людям сохранять связь с цивилизацией, с внешним миром и его проблемами; в-третьих, пересылка в Сибирь книг была необходима для удовлетворения потребности декабристов в чтении, в интеллектуальной пище, которая для людей просвещенных зачастую не менее важна, чем материальная. Многие библиотеки декабристов остались в Сибири, хотя читать их книги могли единицы, т. к. большинство из них были написаны на иностранных языках и слишком сложны для неподготовленного читателя по содержанию.

Еще одной причиной благотворительной и врачебной деятельности декабристов в Сибири были их религиозные убеждения. В суровом краю они в подавляющем большинстве пересмотрели свои юношеские взгляды и перешли на вполне традиционные житейские позиции. Посетивший в середине XIX в. ссыльных декабристов Е.И. Якушкин, сын декабриста И.Д. Якушкина, отмечал, что они, «прожившие в ссылке 30 лет, должны были ставить на пьедестал то дело, за которое они страдают, – ничуть не бывало. Большая часть из них смотрят на это дело совсем не так и ставят его даже ниже, чем оно должно стоять – правда, что большая часть из них ударились в мистицизм и поэтому прежние понятия не совсем сходятся у них с новыми. Но даже те, которые проповедуют теперь самодержавие и православие, не могут совершенно отделаться от прежних убеждений, и они

иногда невольно высказываются у них»⁵⁸. К числу таких декабристов относились, прежде всего, П.С. Бобрищев-Пушкин, П.Н. Свистунов, Е.П. Оболенский и некоторые другие. Религиозное чувство, подкрепленное внутренним осознанием долга перед окружающими их людьми, заставляло идти на риск самопожертвования. Это мог быть как частный случай, так и общественно-значимое явление (организация школ, ликвидация последствий стихийных бедствий, борьба с эпидемиями, врачебная практика, материальная помощь населению, помощь в юридической сфере).

Князь Е.П. Оболенский, по происхождению и древности рода принадлежавший к высшей аристократии, в Сибири вел довольно демократический образ жизни, женился на простой женщине, заботясь только о том, чтобы к ней относились с особым почтением. В октябре 1839 г., еще до своей женитьбы, в письме к И.И. Пущину он описывал, что теперь ухаживает «за больным чахоточным мальчиком 17 лет, моим соседом. Это сын нашего пономаря. Я его застал еще на ногах, но с чахоточным кашлем. С начала сентября он уже не мог выходить, и был при смерти; т. к. я не лечу и не даю лекарств, которых у меня нет, то мое дело состояло только в том, что я отвратил родителей от тех средств, к которым они прибегали, чтобы его лечить: его поили дегтем, всякими травами, всякой дрянью». Уход князя заключался в том, что он больного «лелеял, кормил хорошей пищей, давал ему вовремя лекарство, которое ему дал приезжий лекарь, сажал в ванны, и этим хождением успокаиваю его, теперь ему, слава богу, лучше прежнего»⁵⁹. Известны и другие благородные с точки зрения христианской морали поступки Е.П. Оболенского, которые вызывали к нему всеобщую любовь и уважение.

В сибирской ссылке у некоторых декабристов шла напряженная борьба между научным материализмом и христианским идеализмом. К ним принадлежал П.С. Бобрищев-Пушкин, который вышел из этой борьбы убежденным христианином и старался претворять идеи христи-

⁵⁸ Письма Е.И. Якушкина к жене из Сибири. 1855 год. Записи прошлого. Воспоминания и письма // Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Под ред. С. Бахрушина и М.; Л., 1926. С. 30.

⁵⁹ Записи прошлого. Воспоминания и письма // Указ. соч. С. 91, 92.

анства в жизнь. Главное его преступление состояло не только в принадлежности к тайному обществу, но и в том, что он хранил бумаги Пестеля после его ареста. Брат его Николай на поселении в Туруханске сошел с ума, и Павлу Сергеевичу пришлось за ним ухаживать в Красноярске, а затем в Тобольске. Везде он занимался лечением больных. Особый героизм он проявил в 1848 г., когда в Тобольске свирепствовала холера. Самоотверженно и непрерывно он ухаживал за больными, некоторым помогал деньгами на пищу и лекарства, входил в те дома, которые все остальные уже обходили стороной⁶⁰. Изучив гомеопатию, Бобрищев-Пушкин лечил бедное население Тобольска и окрестных деревень, чем снискал огромную популярность. По словам священника М.С. Знаменского, квартира Пушкина характеризовала хозяина как механика, столяра, слесаря, портного, маляра, доктора... Между тем, Бобрищеву-Пушкину был присущ и литературный талант. Сначала в Сибири он писал басни сатирического и народного направления, а затем стал перелагать на стихи Библию, в которых отразились раздумья о духовной ценности человека и воспевание христианской любви⁶¹.

Помогал ему бороться с холерой и бывший дипломированный штаб-лекарь, декабрист Ф.Б. Вольф, один из немногих близких к П.И. Пестелю людей, участвовавший в разработке некоторых положений «Русской правды». Он всегда был готов прийти на помощь больным и ездил по краю сначала в Иркутской губернии, а потом и в Тобольской «далеко от места своего водворения», что могло вызвать неудовольствие властей. Вольф получал средства как личный врач семьи Муравьевых, у которых проживал в доме в с. Урик Иркутской губернии, и в Тобольске от частной практики у состоятельных пациентов. Большую часть полученных средств он тратил на приобретение новых научных медицинских пособий, новых руководств и медикаментов, на оказание медицинской помощи бедному населению⁶². Дочь декабриста И.А. Анненкова, О.И. Иванова, пишет в своих вос-

⁶⁰ Декабристы. 86 портретов. Пояснительный биографический текст П.М. Головачева. М., 1906. С. 46.

⁶¹ Беспалова Л.Г. И дум высокое стремленье... Декабристы-литераторы на поселении в Тобольской губернии. Свердловск, 1980. С. 105.

⁶² Дмитриев-Мамонов А.И. Указ. соч. С. 229.

поминаниях: «Когда Вольф был поселен в деревне Урике, близ Иркутска, положительно весь Иркутск обращался к нему, и за ним беспрестанно присылали из города. Может быть тому способствовало его бескорыстие, которое доходило до того, что он ничего не брал за свои визиты. Я помню один случай, произведший на всех большое впечатление. Однажды, когда он вылечил жену одного из самых крупных иркутских золотопромышленников, ему вынесли два цыбика (тщательно упакованных свертка. – *В.Б.*), фунтов на пять каждый (немного больше 2 кг. – *В.Б.*); один был наполнен чаем, а другой с золотом, и Вольф взял цыбик с чаем, оттолкнув тот, который был с золотом. Я была тогда ребенком, но у меня замечательно ясно врезалось в памяти, как все были поражены этим поступком и как долго о нем говорили. Тем более поражало всех такое бескорыстие, что Вольф не имел никакого состояния и жил только тем, что получал от Е.Ф. Муравьевой, матери двух сосланных Муравьевых, желание которой было, чтобы он никогда не расставался с ее сыновьями»⁶³. Вероятно, поведение Вольфа и других близких ему по духу людей следовало из неписаного кодекса чести декабристов, который так обстоятельно разбирал в своих замечательных работах Ю.М. Лотман.

Достаточно глубоко были проникнуты человеколюбивыми христианскими чувствами жены сосланных в Сибирь декабристов, и это также проявлялось в их посильной врачебной помощи населению. Например, ее оказывали Е.И. Трубецкая, М.К. Юшневская, А.В. Розен и некоторые другие. Барон А.Е. Розен писал в своих воспоминаниях: «Моя домашняя аптека всегда имела запас ромашки, бузины, камфары, уксуса, горчицы и часто доставляла пользу. Жена моя лечила весьма удачно: ее лекарства, предписания пищи и питья излечивали горячки и труднейшие болезни»⁶⁴. Тем не менее, когда сам Розен в конце 1836 г. повредил себе ногу, то никто в Кургане не смог ему оказать помощь. Только следовавший через город в свите наследника престола лейб-медик А.Е. Анохин после обследования заключил, что у него сложный вывих и его нужно было вправлять сразу же после получения травмы. Предстояло долгое лечение, сильная хромота и костыли, однако это

⁶³ Иванова О.И. Воспоминания. М., 1929. С. 192.

⁶⁴ Розен А. В ссылку (записки декабриста). М., 1900. С. 161.

не помешало властям отправить Розена солдатом на Кавказ. В его воспоминаниях описывается ряд трагикомических ситуаций, когда пожилого солдата в коляске принимали за генерала, как офицеры разных уровней почтительно к нему относились. После амнистии он проживал в имении Каменка Изюмского уезда Харьковской губернии, не раз избирался мировым посредником, пользовался высоким авторитетом у населения, не потеряв до конца дней чувства юмора. Однажды Розен пережил попытку ограбления, когда злодеи стали душить 80-летнего старца, а он, по его словам, не мог ни одного из них даже укусить, ибо его зубы лежали в чашке с водой на ночном столике. Впрочем, все окончилось благополучно, и он счастливо прожил долгую жизнь с супругой Анной Васильевной, кстати, дочерью директора Царскосельского лицея В.Ф. Малиновского, и умер в 85-летнем возрасте.

Почти все названные выше декабристы принадлежали к видным деятелям движения, были осуждены по первому разряду к пожизненной или 15-летней каторге. Но существовало немало офицеров, которые были косвенно причастны к подготовке переворота и попали в низшие разряды осужденных. Их приговаривали к вечной или долгосрочной ссылке в отдаленных населенных пунктах империи, а это в условиях изоляции от внешнего мира и без материальной и моральной поддержки грозило большей опасностью, чем совместное пребывание на каторге. Тем не менее и там они находили возможность заниматься благотворительностью и врачебной деятельностью. Например, капитан Азовского полка И.Ф. Фохт был осужден на вечную ссылку в г. Березов. Там он стал получать солдатский паек в виде определенного количества муки, крупы и соли. Фохт сделал заявление, что ему не в чем ходить, и ему была выдана одежда летняя (зипун, шапка, рукавицы, бродни и рубашка с портами крестьянские на 21 руб. 95 коп. асс.) и одежда зимняя (то же, только тулуп и шапка зимние на 33 руб. 20 коп.). Срок носки такой одежды был годовой, и таким образом осуществлялось обеспечение одеждой нуждающихся декабристов до 1835 г., когда изданы были указы о денежных пособиях государственным преступникам. По донесениям местных властей, в Березове Фохт, не получая ничего от родственников, жил токарной работой и помогал врачу. После перевода в Курган приобрел небольшую аптеку и занимался лечением других,

хотя сам на севере заболел «грудной водяной болезнью». С 1835 г. стал получать от казны пособие в 200 руб. асс. в год (как и другие декабристы) и по 300 руб. асс. помощи от М.Н. Волконской. Получив 15 десятин земли «ввиду болезненного состояния и выбранной уже медицинской профессии» участок свой отдал товарищам по ссылке. Умер И.Ф. Фохт в Кургане в 1842 г., как написано в официальных документах, «оставив по себе добрую память у населения, которому он неоднократно помогал безвозмездным лечением»⁶⁵. Подтверждение этому находим в воспоминаниях. Например, А.Е. Розен отмечал, что «всех прилежнее по этой части занимался И.Ф. Фохт: он исключительно читал только медицинские книги, имел лекарства сложные, сильные, лечил горожан и поселян».

По примеру своего товарища и соседа по ссылке И.Ф. Фохта, А.В. Ентальцев тоже обнаружил влечение к медицине. Он обзавелся всевозможными лечебниками, постоянно рылся в медицинских книгах и лечил простыми безвредными средствами. Как отмечает одна из воспитанниц декабристов А.П. Сазонович, «многие из их товарищей тоже лечили бедных в крайних случаях, когда не оказывалось под рукой доктора»⁶⁶.

Такое отношение к делу прослеживается и у представителя фамилии Муравьевых, которых «вешали», а именно у старшего сына русского посланника в Гамбурге и Мадриде И.М. Муравьева-Апостола – Матвея. Младший его брат, Ипполит, участник восстания Черниговского полка, был ранен на поле боя в левую руку и, не желая сдаваться в плен, застрелился. Другой брат, Сергей, был казнен в числе руководителей восстания на кронверке Петропавловской крепости 13 июля 1826 г. Сам же М.И. Муравьев-Апостол был осужден по 1 разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет. Срок ему вскоре сократили. На каторге и на поселении занимался лечением больных. Особенно удавалось ему лечение травм. Например, в Бухтарме он вылечил от

⁶⁵ Дмитриев-Мамонов А.И. Указ. соч. С. 52; Декабристы. Биографический справочник. Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 187.

⁶⁶ Сазонович А.П. Заметки по поводу статьи К.М. Голодниковой «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 409.

«ушиба лошадью» крепостного человека чиновника Гаевского. По просьбе сестры Матвея Ивановича, которая была замужем за влиятельным генералом Бибиковым, его перевели в Ялутровск, где он купил дом, занимался хозяйством на отведенных ему 15 десятинах земли, оказывал медицинскую помощь местному населению. Не имея детей, супруги Муравьевы-Апостолы воспитывали двух девочек-сирот, что также было довольно широко распространено среди декабристов. Во многих делах им помогал друг и однополчанин по гвардейскому Семеновскому полку, известный в Сибири просветитель И.Д. Якушкин⁶⁷.

Занимался медициной и А.З. Муравьев, бывший командир Ахтырского гусарского полка, но эта деятельность протекала большей частью в условиях каторги, т. к. на поселении он находился недолго. Особенно удачно у него выходило лечение и удаление зубов. В своих письмах И.И. Пущин описывал случаи, когда помощь больным самыми простыми средствами вызывала излечение, и тогда со всей округи привозили к нему тяжелобольных и увечных, требовавших серьезной медицинской помощи и сильных лекарств. Благотворительностью и врачебной деятельностью занимался на поселении в забайкальском Баргузине и М.К. Кюхельбекер, который помогал не только местным крестьянам, но и больным бурятам и тунгусам.

Особо следует выделить благотворительность состоятельных людей, оказавшихся в тайных обществах, а затем в Сибири. Одними из них являлись супруги Нарышкины. М.М. Нарышкин был полковником Тарутинского пехотного полка, прежде получил прекрасное домашнее образование, учился в школе колонновожатых, затем слушал в Петербурге частные лекции профессоров Куницына, Германа и Соловьева. Оказавшись в 1832 г. в Кургане, супруги Нарышкины, по словам декабриста Лорера, «стали истинными благодетелями целого края. Оба они, и муж, и жена, помогали бедным, лечили и давали больным лекарства на свои деньги и зачастую, не смотря ни на какую погоду, Нарышкин брал с собой священника и ездил подавать последнее христианское утешение умирающим. Двор их по воскресеньям был обыкновенно полон народа, которому раздавали пищу, одежду, деньги... Часто благодетельствованные Нарышкиными говорили: «За

⁶⁷ Дмитриев-Мамонов А.И. Указ. соч. С. 118, 119.

что такие славные люди сосланы в Сибирь? Ведь они святые и таких мы не видели»⁶⁸.

Отчасти такие слова можно принять за лесть, но в них все-таки есть доля правды. Другую точку зрения на благотворительность очень богатых ссыльных декабристов высказывает язвительный Ф.Ф. Вадковский в письме к И.И. Пущину в 1842 г. Речь идет о характере деятельности несостоявшегося диктатора С.П. Трубецкого, который был на поселении в с. Оёк близ Иркутска: «Во-первых, в доме и во дворе у него толкается несметное число баб, девок, мужиков и мальчиков, которые только и делают, что объедают и опиивают хозяев. Во-вторых, Сергей Петрович посвящает хлебопашеству то время, которое оставляет ему воспитание его детей, т. е. сеет деньги, жнет долги, молотит время и мелет пустяки, когда уверяет, что это занятие выгодно. Их дела, кажется, принимают лучший оборот, но трудно поверить, чтобы они когда-нибудь могли совершенно очиститься от долгов»⁶⁹. Впрочем, и у самого Вадковского в предпринимательстве дела шли не слишком удачно, за 1842 г. он нажил только «тысячу рублей убытку».

Список добрых дел декабристов в Сибири можно продолжить. Тем не менее приведенные в настоящем разделе сведения дают возможность сделать вывод, что благотворительная и врачебная деятельность декабристов была естественным продолжением их борьбы за улучшение народного быта, практическим воплощением их принципов неписаного кодекса чести и норм поведения. Декабристы в Сибири находились на позициях мирного просветительства и улучшения условий народной жизни, которые на первый план выдвигают моральное усовершенствование человека. Религиозный настрой большинства благотворителей и врачей из декабристов показывает, что в их сознании произошел переход от революционной теории до восстания к реализации добрых и посильных дел помощи ближнему и нуждающемуся.

Таким образом, несмотря на то, что жесткий контроль за поселенцами в Сибири не только ограничивал юридические права декаб-

⁶⁸ Лорер Н.И. Из записок декабриста // Русское богатство. 1904. № 7. С. 49.

⁶⁹ Письма Е.И. Якушкина к жене из Сибири... С. 85, 86.

ристов, но и сильно препятствовал их общественной и предпринимательской деятельности, они смогли реализовать часть своих возможностей. Надо сказать, что революционеры конца XIX – начала XX в. обычно жили в ссылке за счет казны и помощи состоятельных товарищей или на партийные средства, в то время как декабристы, им в противоположность, занимались сельским хозяйством и промыслами, покупали дома и мельницы, входили в тесные и непосредственные контакты с местным населением. Это во многом подвергает сомнению известный тезис Ленина о том, что декабристы «были страшно далеки от народа». По крайней мере, у эсеров и эсдеков не возникало желания заняться сельским хозяйством, какое было у декабристов, продолжить свой род через законные браки с сибирскими женщинами, лечить и просвещать народ, а не агитировать его на слом существовавшего тогда режима. В этом была сила и слабость декабристов в Сибири, деятельность которых, конечно, столь многогранна, что ее необходимо изучать и далее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С декабристами тесно связан процесс появления человека новой формации, т. е. свободно мыслящей личности, видевшей достижение собственного идеала не только в получении чинов, богатства и высокого положения, но и в общественном признании своей деятельности, в служении народному благу. В России во времена Александра I возникло поколение европейски образованных и трезво мыслящих людей, которые сначала в теории, а затем и на практике, правда поневоле в Сибирской ссылке, попытались реализовать буржуазные принципы общественно-экономической и частной жизни. В том, что они могли быть вполне реализованы, и страна сдвинулась бы в сторону капиталистической модернизации, а не консервации, уже отжившей свой век крепостнической модели, говорят построения известных исследователей этой проблемы – Н.Я. Эйдельмана, С.А. Экштута и Я. Гордина, считавших, что в случае даже временно-го захвата столицы 14 декабря 1825 г. были бы изданы важнейшие декреты, такие как Конституция и документ об отмене крепостного права, что имело бы огромное влияние на всю последующую историю страны. Социально-экономическая история России также имела бы совсем иное наполнение, о чем свидетельствуют программные документы и источники личного происхождения декабристов. На наш взгляд, с этим движением связан не только радикализм в достижении декабристами своих целей, но и формирование оппозиции в политическом и общественном плане.

По мере развития движения декабристов контакты с буржуазными кругами, представленными прежде всего купечеством, усиливались. В Сибири они вылились в форму прямого сотрудничества. Вместе с тем декабристы не видели в буржуазии новой силы общественного развития, не видели объективной буржуазной направленности в своем движении. Передовая, наиболее просвещенная часть отечественной буржуазии должна была стать союзником в борьбе против самодержавия и крепостничества. Декабристы чутко улавливали недовольство формирующейся буржуазии своим положением, отмечали скованность деятельности купечества российским законодательством.

Заключение

Многие из ссыльных декабристов в силу различных причин стали заниматься в Сибири предпринимательством. Им не всегда в этом деле сопутствовал успех. На наш взгляд, кроме отсутствия опыта, знаний местных традиций и недостатка стартового капитала для открытия своего дела, предпринимательский успех во многом затрудняли высокие моральные принципы декабристов, правовые ограничения их социального статуса поселенцев и государственных преступников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Басаргин, Н.В.* Записки / Н.В. Басаргин. – Красноярск, 1985.
2. *Батеньков, Г.С.* Записки / Г.С. Батеньков // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1–2. – М., 1933.
3. *Батеньков, Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1–2 / Г.С. Батеньков. – Иркутск, 1989.
4. *Белоголовый, Н.А.* Воспоминания и другие статьи / Н.А. Белоголовый. – Изд. 3-е. – М., 1898.
5. *Беляев, А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850 / А.П. Беляев. – СПб., 1882.
6. *Беспалова, Л.Г.* И дум высокое стремление... Декабристы-литераторы на поселении в Тобольской губернии / Л.Г. Беспалова. – Свердловск, 1980.
7. *Богданова, М.М.* Декабрист-крестьянин П.Ф. Выгодский / М.М. Богданова. – Иркутск, 1959.
8. *Бойко, В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории / В.П. Бойко. – Томск : Изд-во ТГАСУ, 2009.
9. *Бойко, В.П.* Г.С. Батеньков и П.Ф. Дунцов-Выгодский – два типа поведения декабристов в повседневности (по эпистолярным источникам) / В.П. Бойко // Человек – текст – эпоха. Вып. 2. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006.
10. *Болоцких, В.Н.* Декабристы в Ялуторовске: мировоззрение и деятельность / В.Н. Болоцких. – Новосибирск, 1989.
11. *Бородавкин, А.П.* Декабрист Г.П. Батеньков в Томске / А.П. Бородавкин, Г.П. Шатрова. – Томск, 1960.
12. *Бочанова, Т.А.* Декабристы в Западной Сибири: научно-краеведческая и административно-хозяйственная деятельность / Т.А. Бочанова. – Новосибирск : ИД «Сова», 2007.
13. *Брюханов, В.* Мифы и правда о восстании декабристов / В. Брюханов. – М. : Яуза, Эксмо, 2005.
14. *Ватин-Быстрянский, В.А.* Политическая ссылка в Минусинске / В.А. Ватин-Быстрянский // В сердцах Отечества сынов...: сб. статей и материалов. – Иркутск, 1975.

Список литературы и источников

15. *Волконский, С.* Воспоминания: О декабристах. Разговоры / С. Волконский. – М. : Искусство, 1994.
16. *Восстание декабристов.* Материалы / под ред. М.В. Нечкиной. Т. 2. – М.; Л., 1926; Т. 3. М.; Л., 1926; Т. 4. М.; Л., 1927; Т. 5. М.; Л., 1926; Т. 6. М.; Л., 1929; Т. 7. М.; Л., 1925; Т. 8. М., 1958; Т. 9. М., 1950; Т. 10. М., 1953; Т. 11. М., 1954; Т. 12. М., 1969; Т. 13. М., 1975; Т. 14. М., 1976; Т. 15. М., 1979; Т. 16. М., 1986; Т. 17. М., 1980; Т. 18. М., 1984; Т. 20. М. : РОССПЭН, 2001.
17. *Герасимов, В.* Декабрист П.А. Муханов в Братском остроге / В. Герасимов // Сибирь. – 1975. – № 6.
18. *Гершензон, М.* Декабрист Кривцов и его братья / М. Гершензон. – М., 1914.
19. *Горбачевский, И.И.* Записки и письма декабриста И.И. Горбачевского / И.И. Горбачевский. – М., 1925.
20. *Гордин, Я.А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года / Я.А. Гордин. – Л. : Лениздат, 1989.
21. *Декабристы.* Биографический справочник. Изд. подгот. С.В. Мироненко / под ред. М.В. Нечкиной. – М. : Наука, 1988.
22. *Декабристы.* 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени. Пояснительный биографический текст приват-доцента Московского ун-та П.М. Головачева. – М. : Изд-во М.М. Зензинова, 1906.
23. *Декабристы на каторге и ссылке. 1825–1925.* Сб. новых материалов и статей, составленных комиссией Всесоюзного общества политкаторжан по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов. – Л., 1925.
24. *Дмитриев-Мамонов, А.И.* Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам / А.И. Дмитриев-Мамонов. – СПб., 1905.
25. *Дружинин, Н.М.* Декабрист Никита Муравьев / Н.М. Дружинин // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. – М., 1985.
26. *Житомирская, С.В.* Из архива И.И. Пущина / С.В. Житомирская, С.В. Мироненко // Сибирь и декабристы. Вып. 3. – Иркутск, 1983.
27. *Завалишин, Д.И.* Записки декабриста / Д.И. Завалишин. – СПб., 1906.

28. *Зильберштейн, И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев / И.С. Зильберштейн. – Изд. третье, доп. – М. : Изобразит. ис-во, 1988.
29. *Знаменский, М.С.* Тобольск в 40-х годах / М.С. Знаменский // Наш край. – 1925. – № 2–9.
30. *Иванова, О.И.* Воспоминания / О.И. Иванова. – М., 1929.
31. *Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова.* Незданные письма. С коммент. Н.К. Пиксанова // Историк-марксист. – 1926. – Т. 1. – М., 1926.
32. *История предпринимательства в России.* Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. – М. : РОССПЭН, 2000.
33. *История Сибири* с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л. : Наука, 1968.
34. *Йосифова, Б.* Декабристы : [пер. с болг.] / Б. Йосифова. – М., 1989.
35. *Каррер д'Аскосс, Э.* Незавершенная России : [пер. с франц.] / Э. Каррер д'Аскосс. – М. : РОССПЭН, 2005.
36. *Карцов, В.Г.* Декабрист Г.С. Батеньков / В.Г. Карцов ; отв. ред. М.В. Нечкина. – Новосибирск : Наука, 1965.
37. *Киянская, О.И.* Декабрист Сергей Волконский / О.И. Киянская // Отечественная история. – 2004. – № 6.
38. *Киянская, О.* Откуда деньги, Пестель? / О. Киянская // Аргументы и факты. – 2005. – № 50.
39. *Киянская, О.И.* Южное общество декабристов. Люди и события. Очерки истории тайных обществ 1820-х годов / О.И. Киянская. – М. : Изд-во РГГУ, 2005.
40. *Ключевский, В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 5 / В.О. Ключевский. – М. : Наука, 1989.
41. *Коваль, С.Ф.* Об эволюции взглядов декабристов в Сибири (к постановке проблемы) / С.Ф. Коваль // Сибирь и декабристы. Вып. 2. – Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1981.
42. *Косов, Г.В.* Декабризм в социальной истории России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1999.
43. *Кубалов, Б.* Декабристы в Восточной Сибири. Очерки / Б. Кубалов. – Иркутск, 1925.
44. *Кудрявцев, Ф.* Первый декабрист В.Ф. Раевский в Олонках / Ф. Кудрявцев // Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. – Иркутск, 1925.

Список литературы и источников

45. *Ламин, В.А.* Золотой след Сибири / В.А. Ламин. – Екатеринбург, 1997.
46. *Ленин, В.И.* Памяти Герцена / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 21. – М., 1961.
47. *Лотман, Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) / Ю.М. Лотман // Литературное наследие декабристов. – Л. : Наука, 1975.
48. *Лорер, Н.И.* Из записок декабриста / Н.И. Лорер // Русское богатство. – 1904. – № 7.
49. *Лушников, А.Г.* Декабрист врач Ф.Б. Вольф / А.Г. Лушников // Декабристы в Сибири. – Новосибирск, 1952.
50. *Ляхович, В.А.* О чем рассказала бабушка-сибирячка (Из воспоминаний П.М. Сойлотовой) / В.А. Ляхович // Сибирь и декабристы. Вып. 5. – Иркутск, 1988.
51. *Максимов, С.В.* Сибирь и ссылка. Ч. III / С.В. Максимов. – СПб., 1871.
52. *Мамсик, Т.С.* Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров / Т.С. Мамсик // Ссыльные декабристы в Сибири. – Новосибирск, 1985.
53. *Мамсик, Т.С.* Поэмы «Гаврилиада» и «Граф Нулин» А.С. Пушкина: Тексты-ключи к «происшествию» 1825 г. / Т.С. Мамсик // Человек – текст – эпоха: сб. науч. ст. и материалов. Вып. 2. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006.
54. *Мамсик, Т.С.* Новое прочтение известных текстов: декабрист И.И. Пущин и другие / Т.С. Мамсик // Человек – текст – эпоха: сб. науч. ст. и материалов. Вып. 4. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011.
55. *Матханова, Е.* «Здешнего моего семейства не брошу»: неравные браки и внебрачные дети декабристов / Е. Матханова, Н. Матханова // Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. – М. : Наука, 2004.
56. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миронов. – СПб., 1999.
57. *Муравьев, А.Н.* Сочинения и письма / А.Н. Муравьев. – Иркутск, 1986.
58. *Невелев, Г.А.* «Истина сильнее царя...». (А.С. Пушкин в работе над историей декабристов) / Г.А. Невелев. – М. : Мысль, 1985.

59. *Нечкина, М.В.* Общество соединенных славян (Предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов) / М.В. Нечкина // Историк-марксист. Т. 1. – М., 1926.

60. *Нечкина, М.В.* Движение декабристов. Т. 1–2 / М.В. Нечкина. – М., 1955.

61. *Оболенский, Е.П.* Воспоминания о 1826 и 1827 годах князя Евгения Петровича Оболенского / Е.П. Оболенский // Мемуары декабристов. Северное общество. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981.

62. *Павлов-Сильванский, Н.* Декабрист Пестель перед Верховным судом / Н. Павлов-Сильванский. – Ростов-н/Д., 1906.

63. *Павлюченко, Э.А.* В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов / Э.А. Павлюченко. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Наука, 1986.

64. *Пажитнов, К.А.* Экономические воззрения декабристов / К.А. Пажитнов. – М., 1945.

65. *Перцева, Т.* В.Н. Баснин и декабристы / Т. Перцева // Связь времен: Баснины в истории Иркутска. – Иркутск, 2008.

66. *Перцева, Т.А.* Декабристы и сибирское сельское духовенство / Т.А. Перцева // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие: материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.) / Т.А. Перцева. – Иркутск, 2005.

67. *Перцева, Т.А.* О времени и причинах перехода М.С. Лунина в католичество / Т.А. Перцева // Сибирь и декабристы. Вып. 5. – Иркутск, 1988.

68. *Пестель, П.И.* Русская Правда, или Заповедная государственная грамота Великого народа российского, служащая заветом для совершенствования государственного устройства России и содержащая верный Наказ как для народа, так и для Временного верховного правления / П.И. Пестель // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. – М. : Правда, 1987.

69. *Петрова, Г.И.* Красота как способ жизни (эстетический анализ жизнедеятельности декабристов) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск, 1991.

70. *Письма Е.И. Якушкина* к жене из Сибири. 1855 г. // Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Записи прошлого. Воспоминания и письма / под ред. С.В. Бахрушина, М. Цявловского. – Л., 1926.

Список литературы и источников

71. *Поджио, А.В.* Записки. Письма. подг. Н.П. Матхановой / А.В. Поджио ; под ред. С.В. Житомирской. – Иркутск, 1989.
72. *Подосенов, О.П.* Правовой статус ссыльных декабристов / О.П. Подосенов // Вопросы истории, государства и права. Межвуз. науч. сб. Вып.1. – Саратов, 1977.
73. *Покровский, М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке (От древнейших времен до конца XIX столетия) / М.Н. Покровский. – М. ; Пг., 1923.
74. *Покровский, М.Н.* Из истории общественного движения в начале XIX в. / М.Н. Покровский // Декабристы. Сборник статей. – М.; Л., 1927.
75. *Покровский, М.Н.* Декабристы (Легенды и действительность) / М.Н. Покровский // Декабристы: сб. статей. – М.–Л., 1927.
76. *Проект Конституции Н. Муравьева* // Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. – М. : Правда, 1987.
77. *Пуцин, И.И.* Записки о Пушкине / И.И. Пуцин // Декабристы. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. – М. : Правда, 1987.
78. *Ретунский, В.Ф.* Тайные курьеры декабристов / В.Ф. Ретунский // Сибирь и декабристы. Вып. 3. – Иркутск, 1983.
79. *Розен, А.* В ссылку (записки декабриста) / А. Розен. – М., 1900.
80. *Розен, А.Е.* Записки декабриста / А.Е. Розен. – СПб., 1907.
81. *Рощевский, П.И.* Декабристы в Тобольском изгнании / П.И. Рощевский. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1975.
82. *Сазонович, А.П.* Заметки по поводу статьи К.М. Голодникова «Государственные и политические преступники в Ялutorовске и Кургане / А.П. Сазонович // Декабристы в воспоминаниях современников. – М., 1988.
83. *Сборник памяти А.П. Философовой.* Т. 1. – СПб., 1906.
84. *Семевский, В.И.* Политические и общественные идеи декабристов / В.И. Семевский. – СПб., 1909.
85. *Соколов, В.Н.* Партбилет № 0046340. Записки старого большевика. Ч. 3. Сибирь – демократическая страна / В.Н. Соколов. – М. : Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935.
86. *Соколов, В.Н.* Декабристы в Сибири / В.Н. Соколов. – Новосибирск, 1946.

87. *Стариков, Н.* Восстанием декабристов руководила заграница? / Н. Стариков // Комсомольская правда. – 2010. – 16–23 декабря.
88. *Старк, В.П.* В.В. Набоков – родословные отражения / В.П. Старк // Набоковский вестник. Вып. 2. Набоков в родственном окружении. – СПб. : Дорн, 1998.
89. *Трошев, Ж.П.* Словом и примером. Декабристы в Енисейской губернии / Ж.П. Трошев. – Красноярск, 1975.
90. *Тынянов, Ю.* Кюхля / Ю. Тынянов. – М. : Терра, 1994.
91. *Федоров, В.А.* Декабрист П.Н. Свистунов и его сибирские письма / В.А. Федоров // Сибирь и декабристы. Вып. 5. – Иркутск, 1988.
92. *Хоскинг, Дж.* Россия и русские: в 2 кн. Кн. 1 : [пер. с англ.] / Дж. Хоскинг. – М. : Изд-во АСТ, 2003.
93. *Чернышова, Н.К.* Общественно-политические взгляды А.П. Степанова / Н.К. Чернышова // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1978.
94. *Чуковская, Л.* Декабристы-исследователи Сибири / Л. Чуковская // Декабристы и Сибирь. – Новосибирск, 1952.
95. *Чулков, Г.* Из жизни декабристов в Сибири / Г. Чулков // Наша жизнь. – 1906. – № 1–4.
96. *Чулков, Г.* Братья Борисовы / Г. Чулков. – М. : Огонек, 1929.
97. *Чулков, Г.И.* Жизнь Пушкина / Г. Чулков. – М. : Республика, 1999.
98. *Шатрова, Г.П.* Декабристы в Сибири / Г.П. Шатрова. – Томск, 1962.
99. *Шатрова, Г.П.* Эволюция декабризма / Г.П. Шатрова // Декабристы и Сибирь. – Новосибирск, 1977.
100. *Шатрова, Г.П.* К вопросу о позднейшей эволюции декабризма / Г.П. Шатрова // Сибирь и декабристы. Вып. 3. – Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1983.
101. *Шатрова, Г.П.* Декабрист И.И. Горбачевский / Г.П. Шатрова. – Красноярск, 1972.
102. *Шатрова, Г.П.* Декабрист Д.И. Завалишин / Г.П. Шатрова. – Красноярск, 1984.

Список литературы и источников

103. *Шешин, А.Б.* Д.И. Завалишин и Николай I / А.Б. Шешин // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. – СПб., 2005.
104. *Штейнгель, В.И.* Сибирские сатрапы (Письмо барона В.И. Штейнгеля к А.П. Ермолову) / В.И. Штейнгель // Исторический вестник. – 1884. – № 8.
105. *Штрайх, С.Я.* Первый друг Пушкина. С приложением записок Пущина о Пушкине / С.Я. Штрайх. – М., 1930.
106. *Штрайх, С.Я.* Провокация среди декабристов / С.Я. Штрайх. – М., 1925.
107. *Штрайх, С.Я.* Провокатор И.И. Завалишин / С.Я. Штрайх. – М., 1925.
108. *Щеголев, П.Е.* Декабристы / П.Е. Щеголев. – М. ; Л., 1926.
109. *Щербаков, А.* Декабристы. Заговор против России / А. Щербаков. – СПб. Ф: Издат. дом «Нева», 2005.
110. *Эйдельман, Н.Я.* Большой Жанно: повесть об Иване Пущине / Н.Я. Эйдельман. – М. : Политиздат, 1982.
111. *Эйдельман, Н.Я.* Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений / Н.Я. Эйдельман. – М., 1979.
112. *Эйдельман, Н.Я.* Первый декабрист. Повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе Владимира Раевского / Н.Я. Эйдельман. – М., 1990.
113. *Экштут, С.А.* В поисках исторической альтернативы / С.А. Экштут. – М. : Россия молодая, 1994.
114. *Экштут, С.А.* На службе российскому Левиафану. Исторические опыты / С.А. Экштут. – М. : Прогресс-Традиция, 1998.
115. *Юшковский, В.Д.* Г.С. Батеньков и его «Кодекс чести»: факторы, формирующие нравственные императивы / В.Д. Юшковский // Первые исторические чтения ТГПУ. – Томск, 2005.
116. *Юшковский, В.Д.* Батеньков в Томске / В.Д. Юшковский. – Томск, 2007.

**СПИСОК ДЕКАБРИСТОВ,
ОКАЗАВШИХСЯ В СИБИРИ В ССЫЛКЕ И НА ПОСЕЛЕНИИ,
С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ИХ ОБРАЗА ЖИЗНИ, ЗАНЯТИЙ
И ОТНОШЕНИЙ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ**

Аврамов Иван Борисович (1802–17.09.1840), поручик Генерального штаба по квартирмейстерской части. Из дворян Тульской губернии, получил хорошее домашнее воспитание, где у него было несколько иностранных преподавателей, затем в пансионе при Тульском Александровском дворянском училище и в Московском учебном заведении для колонновожатых, где училось немало будущих декабристов. Член Южного общества, осужден по VII разряду на 4 года каторги с последующим вечным поселением.

При отправлении по этапу в Сибирь была составлена характеристика внешнего облика будущего каторжанина: «рост 2 аршина 7 вершков (173 см. – В.Б.), лицо белое продолговатое, глаза голубые, нос широковат, волосы на голове и бровях светлорусые, на груди выше правой титки небольшая бородавка».

Срок каторжных работ сократили до 2-х лет, и в 1828 г. И.Б. Аврамов был отправлен в Туруханск, где ему разрешили заниматься торговлей в качестве приказчика у одного из местных купцов. По ходатайству, поданному вместе с Н.Ф. Лисовским 24 октября 1831 г., им было разрешено самостоятельно торговать с местным населением в Туруханском крае и ездить для покупки хлеба и других припасов в Енисейск. Умер в д. Осиново Анциферовой волости, следуя из Туруханска в Енисейск на судне с рыбой и разными товарами. Существует версия о насильственной смерти Аврамова (зарезан с целью ограбления), но материалами следствия она не подтверждена.

Аврамов Павел Васильевич

(1790–05.11.1836), полковник, командир Казанского пехотного полка, из дворян Санкт-Петербургской губернии, воспитывался в 1-м кадетском корпусе, затем проходил службу в войсках, был воспитателем в родном учебном заведении, служил старшим адъютантом в Главном штабе 2-й армии (начальник штаба П.Д. Киселев), с декабря 1822 г. – командир Казанского полка. Член Союза благоденствия (1819) и Южного общества, осужден по 4 разряду в каторжные работы на

8 лет с последующей вечной ссылкой. При высылке в Сибирь был составлен словесный портрет П.В. Аврамова: «Рост 2 аршина $5\frac{4}{8}$ вершка (166,4 см. – В.Б.), лицо белое, немного рябоватое, глаза голубые, нос большой, широкий, волосы на голове и бровях русые, на правой стороне возле уха природная небольшая бородавка». После отбывания каторги был направлен на поселение в Читинский острог, куда прибыл из Петровского завода в феврале 1833 г., а затем проживал в Акшинской крепости Иркутской губ., где через год умер. Отличался простотой в общении, добротой и душевностью в обращении с людьми, что выразилось, например, в его завещании, в котором все свое имущество он завещал разным лицам на память, а хозяйство с домом – своему товарищу по ссылке К.П. Торсону. Могила П.В. Аврамова была затеряна, но потом обнаружена читинскими археологами, и в 1983 г. было проведено перезахоронение на территорию музея в Акше.

Андреев Андрей Николаевич (1803–28.09.1831), подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, из дворян Санкт-Петербургской губернии, воспитывался в Петербургской губернской гимназии. В службу вступил в 1820 г. подпрапорщиком и за 5 лет дослужился до подпоручика – приказ о присвоении этого звания датируется 12 декабря 1824 г., т. е. за год до выступления 14 декабря следующего года. Участие в Северном обществе А.Н. Андреева 2-го было чисто фиктивным, а расплата слишком суровой. Он был приговорен по VIII разряду

к ссылке на поселение вечно, затем срок сократили до 20 лет, но место для наказания выбрали сначала Жиганск в Якутии, затем в Олекминск, где Андреев попытался заниматься земледелием, но успеха не имел.

Декабристы, приговоренные по более серьезным статьям, имели больше возможностей выжить в создавшихся условиях на каторге, т. к. оказывали друг другу моральную и материальную поддержку, создали артель для совместного ведения хозяйства и «каторжную академию» для самообразования. Впоследствии высылали их в места уже обжитые сибиряками и пригодные для хозяйственной деятельности, в то время как первых поселенцев отправляли в места глухие и суровые, про которые даже в Сибири говорили «у черта на куличках» или «куда Макар телят не гонял». При отправлении на поселение был составлен словесный портрет ссыльного: «Рост 2 аршина 6 ½ вершка (170,8 см. – В.Б.), волосы на голове темнорусые, бороду и усы бреет, глаза большие, черные, лицо продолговатое, смуглое, брови черные, нос прямой средней величины».

Неудачи в хозяйственной деятельности и отсутствие помощи от родных вынудили его в 1831 г. обратиться к властям с просьбой пойти «в услужение к частным лицам для снискания себе пропитания», в чем ему было отказано. В том же году А.Н. Андрееву позволено было переселиться в места с более умеренным климатом и низкими ценами на продукты – в Верхнеудинск. По пути туда он остановился для отдыха в с. Верхоленском Иркутского округа у поселенного там декабриста Н.П. Репина. Они вместе сгорели при случившемся там пожаре в ночь на 28 сентября 1831 г. Причиной пожара признали неосторожное обращение с огнем. Могилы молодых людей, к великому сожалению, не сохранились.

Анненков Иван Александрович (05.03.1802–27.01.1878), поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, воспитывался дома: преподаватели – швейцарец Дюбуа и француз Берже, в 1817–1819 гг., слушал лекции в Московском университете, хотя полного курса не кончил и диплома об его окончании, как и некоторые другие декабристы, не получил. Член Северного общества, осужден по 2 разряду на 20 лет каторги, но затем срок был сокращен до 15 лет с последующим вечным поселением. И.А. Анненков был отправлен в Сибирь закованным в кандалы 10 декабря 1826 г. с сопроводительными документами, где были

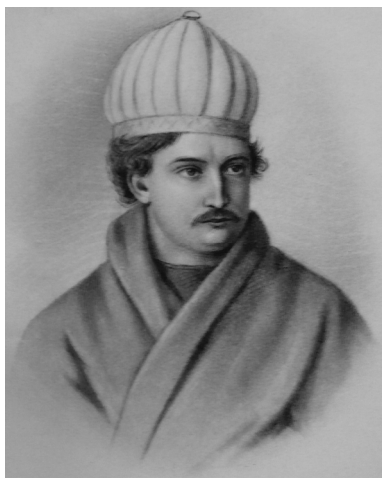
отмечены следующие приметы: рост 2 аршина 7 $\frac{7}{8}$ вершка (176,5 см. – В.Б.), «лицо белое, продолговатое, глаза голубые, близорук, нос длинный, широк, волосы на голове и бровях темнорусые».

Освобожден был Анненков от каторжных работ указом от 14 декабря 1835 г. и определен на поселение в с. Бельское Иркутской губ. В 1839 г. ему с семьей разрешили переехать в Западную Сибирь, где после долгих хлопот начал служить – был опреде-

лен копиистом в Туринском земском суде. Жена – француженка Полина Гебль, при крещении по православному обряду получившая имя Прасковья Егоровна. Анненков обручился с ней уже в Сибири, она оставила интересные воспоминания об их совместном там проживании. В средствах они не нуждались, с 1841 по 1856 гг. жили в Тобольске. И.А. Анненков в 1848 г. стал коллежским регистратором (первый классный чин в табели о рангах) и исполнял по иронии судьбы должность заседателя Тобольского приказа о ссыльных, а с 1851 г. был заседателем Тобольского приказа общественного призрения. В Тобольске дом Анненковых стал одним из центров, где постоянно собирались ссыльные декабристы и люди им сочувствующие, местная интеллигенция, включая священнослужителей, оказывалась помощь сосланным в Сибирь политическим преступникам, в том числе Ф.М. Достоевскому. Был отличным семьянином, много занимался воспитанием своих детей. Активно общался с друзьями-декабристами, сосланными в другие места Сибири через переписку, помогал нуждающимся. Обладал недюжинной физической силой, несколько раз поднимал 3 пуда (почти 50 кг) одной рукой, был отличным фехтовальщиком и, как бы мы сегодня сказали, хорошим спортсменом.

Барятинский Александр Петрович (07.01.1799–19.08.1844), князь, штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, адъютант главнокомандующего 2-й армии. Воспитывался в иезуитском пансионе в Петербурге, затем, сдав предварительный экзамен в Главном Пе-

дагогическом институте (стал с 1818 г. Петербургским университетом), поступил на службу в Коллегию иностранных дел переводчиком. В январе 1817 г. поступил на военную службу юнкером в гусарский полк, за два года прошел путь до поручика, и назначен на должность адъютанта главнокомандующего 2-й армии Витгенштейна. Член Союза благоденствия и один из активных участников Южного общества, председатель Тульчинской управы, сменивший на этом посту П.И. Пестеля за несколько недель до смерти Александра I.

Осужден по 1 разряду и приговорен на каторжные работы вечно, но в 1827 г. перед отправкой в Сибирь срок каторги определили в 20 лет. Вот словесный портрет князя в это время: «рост 2 аршина $7 \frac{6}{8}$ вершка (176 см. – В.Б.), лицом бел, круглолиц, нос посредственный, глаза голубые, с левой стороны под горлом шрам, говорит заиковато, волосы светлорусые». После каторги водворен в Западной Сибири, куда прибыл в начале 1840 г. Вел скромный образ жизни, получая от сестры по 500 руб. в год. Однако вскоре эти поступления прекратились и средств не хватало не только на лечение, но и на проживание в Тобольске, куда князь по ходатайству родственников был определен на поселение. По его словам, которые можно понимать по-разному, «здоровье подорвано вследствие особенностей личного поведения еще в России». Вероятно, реализовывалась традиция русских гусар, когда складывалось мнение, что они долго не живут, погибая если не на войне, то на дуэли или от слишком беспорядочного образа жизни. По мироощущению это был поэт, по мировоззрению – атеист и материалист, который вечно спорил с глубоко верующими православными людьми: Бобрищевым-Пушкиным, бароном Розеном и другими декабристами, составлявшими в сибирской ссылке подавляющее большинство.

После смерти князя осталось нищенское имущество на 11 руб. 3 коп. сер., значительную часть которого составляли книги. Наследников не явилось, и имущество признали «выморочным», средства от продажи вещей ушли в казну. В жизни он был атеистом, но эпитафию на его могиле составили друзья – истинно верующие люди: «Во имя Отца и Сына и Святаго духа – аминь. Сын князя П.А. Барятинского скончался 46 лет 1844 года, августа 19. Друзья и товарищи изгнания проводили его тело до дверей вечности и поручили его душу вечной благодати Искупителя». Ближайший его друг и соратник, полковник, командир Вятского полка П.И. Пестель уже давно покоился в безымянной братской могиле на острове Голодае около Петропавловской крепости, а прах князя Барятинского лежит на Завальном кладбище Тобольска под именной чугунной плитой рядом с могилами других декабристов, безвременно ушедших и не реализовавших свой огромный потенциал.

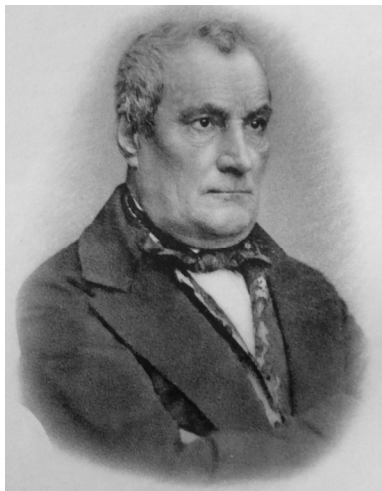
Басаргин Николай Васильевич (1800–03.02.1861) поручик, старший адъютант Главного штаба 2-й армии, из дворян Владимирской губ. Образование получил сначала дома, а затем в Московском учебном заведении для колонновожатых, откуда выпущен был прапорщиком по квартирмейстерской части и оставлен на год при школе для преподавания математики. С 1822 г. занимал важный пост старшего адъютанта Главного штаба 2-й армии, начальником которого был известный военный и политический деятель П.Д. Киселев, благоволивший юному поручику – был крестником его первой дочери Софьи.

Член Союза благоденствия и Южного общества, осужден по II разряду на 15 лет каторги и в январе 1827 г. отправлен в Сибирь с описанием у сопровождавших его жандармов: «рост 2 аршина 8 вершков (177,5 см. – В.Б.), лицо белое, рябоватое, глаза карие, нос небольшой, продолговат, волосы на голове и бровях темнорусые».

После 1836 г. был на поселении в Западной Сибири, сначала в Тюкалинске, а затем в Кургане и Омске. Купил в Кургане дом за 3 тыс. руб., и в 1839 г. женился на Марье Елисеевне Мавриной, дочери подпоручика, которая вскоре, как и первая жена, умерла. Был материально обеспечен, вступил на государственную службу, но когда пособия от родственников не получал – брал денежное содержание в 57 руб. 14 ²/₇ коп. сер. в год (1841–1843 гг.) Занимался своим хозяйством и пытался реализовать себя вместе с другими декабристами в предпринимательстве, но видимого успеха в этом деле не имел.

В Ялуторовске, куда Басаргин перевелся для службы в местном суде, он женился в третий раз на вдове купца Ольге Ивановне Медведевой, урожденной Менделеевой, родной сестре великого русского химика Д.И. Менделеева. В приданое за ней Басаргин получил небольшой стеклоделательный завод для выделки белой посуды. На досуге он любил поиграть с друзьями по ссылке в карты, был великолепным шахматистом, неплохим математиком, оставил после себя замечательные воспоминания с глубокой и объективной оценкой своих действий до восстания, во время его и, особенно ценные для нашего исследования, во время каторги и ссылки декабристов в Сибири. Умер в Москве, похоронен на Пятницком кладбище.

Батеньков Гавриил Степанович (25.03.1793–29.10.1863), подполковник Корпуса инженеров путей сообщения. Из дворян Тобольской губернии, воспитывался в Тобольском военно-сиротском отделении, а также в народном училище и гимназии. В 1810–1812 гг. обучался в Дворянском полку при 2-м кадетском корпусе в Петербурге, откуда был выпущен прапорщиком в 13-ю артиллерийскую бригаду. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Награжден орденом Владимира 4 ст. с бантом, в битве при Монмирале в январе 1814 г. получил 10 штыковых

ран и после лечения и сдачи экзаменов в Институте корпуса инженеров путей сообщения перешел на службу в это ведомство.

Масон, член ложи «Избранного Михаила» в Петербурге (1816) и «Восточного светила» в Томске (1818). Член Северного общества (1825), осужден по 3 разряду и приговорен на 20 лет каторжных работ. В июле 1826 г. срок был сокращен до 15 лет, но по Высочайшему повелению содержался сначала в Сваркгольмской крепости, а затем в Петропавловской более 20 лет. По одной из версий, столь суровое наказание было за то, что Батеньков отказался от сотрудничества со следствием из опасения, что его сочтут предателем. По нашему мнению, главной причиной столь жестокого наказания была близость декабриста с некоторыми влиятельными лицами, прежде всего, со Сперанским, высокой должностью, которую ему готовили заговорщики в случае своей победы, несомненными талантами в области законодательства и администрирования на самых разных уровнях.

Приметы Батенькова: «Рост 2 аршина 8 вершков (177,5 см. – В.Б.), лицом смугл, с рябиною и долголиц, волосы на голове и бровях темнорусые, глаза черные, близорук, нос посредственный, острый». В заключении Батеньков пытался морить себя голодом, подавал признаки сумасшествия, но достойно перенес все испытания и 31.01.1846 г. по высочайшему указу был отправлен в ссылку в Томск, где, как следует по документам, ему было выдано 500 руб. сер. на первоначальное обзаведение, а потом получал пособие в 114 руб. 28 ⁴/₇ коп. сер. ежегодно. Нашел поддержку в Томске у старинных знакомых по прежней службе Батенькова в Сибири – золотопромышленников И.Д. Асташева и Ф.А. Горохова, чиновника Лучшева, в семье которого он долгое время и проживал. В Томске Батеньков вел деятельную жизнь, продолжил благоустройство города, начатое им почти 30 лет тому назад, составил проекты зданий и загородных построек. Его отличал аскетизм в быту – он оставался строгим вегетарианцем, никогда не пил водки, приобрел страсть к ежедневным купаниям до заморозков. Батеньков был чрезвычайно набожен, посещал все церковные службы, почти наизусть знал Библию. Губернатор, архиерей и вся местная знать радушно принимала его и посещала запросто. По свидетельствам современников, декаб-

рист до старости был хорошо сложен, хотя и немного сутуловат, прямой нос и подбородок придавали ему сходство с Наполеоном.

Имея склонность к «строительному искусству», Батеньков занимался проектированием домов и дач, других архитектурных сооружений, занимался хозяйством и чтением книг, воспитанием детей горожан. После 10-летнего пребывания в Томске оставил о себе самые лучшие воспоминания. После амнистии 1856 г. Г.С. Батенькову были возвращены права потомственного дворянства, и он вернулся в Европейскую Россию. Поселился он у Евдокии Петровны Елагиной, вдове его преданного друга еще военных лет в с. Петрищево Белецкого уезда Тульской губернии, а затем переселился в Калугу, где вскоре и умер.

Башмаков Флегонт Миронович (1774–21.09.1859) – из дворян Симбирской губернии, крестьян не имел, образование получил домашнее. Находился на военной службе с 1794 г., участник Итальянского похода А.В. Суворова, многие звания и награды получил за отличие в сражениях. Долгое время находился во Франции, т. к. состоял в оккупационном корпусе Воронцова и вернулся в Россию только в 1818 г. Затем служил на Кавказе и из полковников артиллерии был разжалован в рядовые (за растрату казенных сумм

и клевету) без лишения дворянства. Служил в этом звании в Черниговском полку. «За знание о существовании в России тайного общества и за принадлежность к этому обществу» был лишен дворянского достоинства и сослан в 1828 г. в Западную Сибирь в ссылку навечно, где по распоряжению генерал-губернатора И.А. Вельяминова был назначен на поселение в Рыбинской волости Тарского округа Тобольской губернии.

Будучи на поселении в преклонных годах (около 60 лет), Ф.М. Башмаков «весьма нуждался в материальных средствах для поддержания своего существования на месте поселения», т. к. не имел своего состояния, не получал помощи от родных и не способен был уже ни к какому труду. Жил он преимущественно на денежные посо-

бия, которые получал от разных лиц, сосланных в Сибирь по приговору Верховного уголовного суда и находившихся в лучших материальных условиях. Полученная им от М.Н. Волконской сумма в 200 руб. была самой значительной из них. С 1835 г. стал от казны получать по 200 руб. ежегодно.

Постоянно писал в разные инстанции о своей невинности, причем очень цветисто и эмоционально, но поддержать его в хлопотах было некому, и послаблений он не добился. Писал Ф.М. Башмаков и известным ему лицам о материальной помощи себе, причем жаловался даже генерал-губернатору Сулиме, что ему они помогают недостаточно. Похоронен в Тобольске на городском Завальном кладбище, и на могиле лежит плита со следующей надписью: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Флегонт Миронович Башмаков. Последний из ссыльных за 14 декабря 1825 г., скончался в Тобольске 21 сентября 1859 г.». Надо сказать, что дожил он до 85 лет, по официальным сведениям ничем не занимался, хотя в последние годы появилась запись о чтении им духовных книг.

Беляев 1-й Александр Петрович (1803–1887), мичман Гвардейского экипажа и **Беляев Петр Петрович** (1805–1864), мичман Гвардейского экипажа. Отец, Петр Гаврилович (умер до начала следствия в 1826 г.), служил в Рязанском пехотном полку, был Георгиевским кавалером, состоял в масонских ложах вместе со знаменитыми масонами Лабзиным и Поздеевым. После выхода в отставку управлял огромными имениями графа А.К. Разумовского в Пензенской и Рязанской губернии; мать Шарлотта Ивановна Верениус,

шведка по происхождению, владела несколькими крепостными крестьянами в Пензенской губ. Оба брата Беляевы воспитывались в Морском кадетском корпусе, после окончания которого получили первые офицерские чины. Совершали учебные плавания по Балтийскому морю, а затем старший из них, Александр Петрович, в 1823 г. сходил на фре-

гате «Проворный» в Исландию и Англию, а в 1824 г. — во Францию и Гибралтар. Он был один из основателей тайного «Общества гвардейского экипажа», активно участвовал в восстании на Сенатской площади.

В дальнейшем судьбы братьев схожи: оба были осуждены по IV разряду и приговорены к каторжным работам сначала на 12, а потом срок был сокращен до 8 лет. После выхода из каторги поселились в Минусинске, где построили просторный дом в 6 комнат с террасой, во дворе была изба для работников, скотный двор и конюшня.

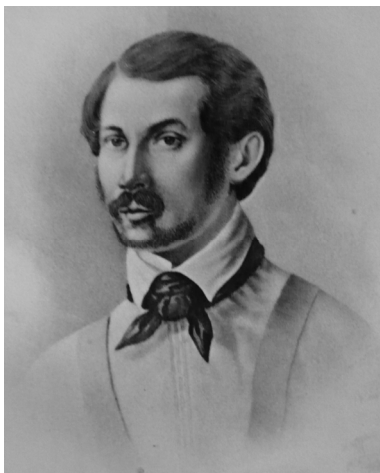
Когда в Минусинском округе стала развиваться золотопромышленность, братья начали поставлять на прииски муку, крупы, мясо и другие товары. Крупнейший золотопромышленник Кузнецов предлагал братьям на выбор место управляющего своих приисков с огромным окладом в 4 тыс. руб. в год, но правительство не дало разрешения. Пришлось ограничиться сельским хозяйством и братья арендовали несколько сот плодородной минусинской земли по 5 коп. за десятину, развели здесь до 200 голов крупного рогатого скота, занимались выработкой масла. По просьбе крестьян открыли в Минусинске школу, где сами обучали местных детей грамоте.

По ходатайству обер-шталмейстера князя В.В. Долгорукова им было разрешено поступить рядовыми на Кавказ и они служили сначала в Кабардинском егерском полку, а затем в Навагинском пехотном полку, где за доблестную службу стали офицерами. После увольнения в отставку пути братьев Беляевых разошлись. Александр Петрович заведовал делами тайного советника А.Е. Жадовского, а затем, как когда-то и его отец, управлял имениями декабриста Кривцова и Э.Д. Нарышкина. Известен как автор интересных мемуаров. Последние годы А.П. Беляев провел в Москве (потерял зрение), похоронен на Ваганьковском кладбище.

Его младший брат Петр Петрович после увольнения со службы в чине подпоручика в 1849 г. построил и принял в свое управление частный буксирный пароход «Самара», совершал рейсы от Рыбинска до Астрахани, по зимам проживал в Саратове. Впоследствии был управляющим конторою пароходного общества «Кавказ и Меркурий» в Саратове, где и умер.

Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (23.10.1797–

07.06.1837), штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка. Происходил из просвещенной дворянской семьи, где получил с братьями хорошее и разностороннее образование. Они в разной степени стали причастны к движению декабристов. Во многом на них подействовал пример отца, Александра Федосеевича, человека образованного и гордого, который вышел в отставку при Павле I, не вынеся притеснений. С 1800 г. он был правителем канцелярии Академии художеств, стал автором интересных и новаторских книг: «Опыт военного воспитания» (1803) и «Правила военного воспитания» (1804).

А.А. Бестужев воспитывался сначала в Горном корпусе, но не закончил его и поступил юнкером в лейб-гвардии Драгунский полк. Эскадрон, в котором служил юный Бестужев, стоял под Петергофом, летней резиденцией императорской семьи, в местечке Марли, что послужило поводом для избрания литературного псевдонима будущего писателя. После получения звания поручика в 1820 г. состоял адъютантом при главноуправляющем путями сообщений А.Ф. Бетанкуре, а затем при принце Александре Вюртембергском.

С января 1825 г. – штабс-капитан, и к этому времени он стал уже маститым литератором, критиком, поэтом и даже издателем, совместно с К. Рылеевым, альманаха «Полярная звезда». Этот альманах, кроме публикации ведущих литераторов эпохи, в числе которых выделялся, конечно, А.С. Пушкин, стал успешным коммерческим проектом. Изда-

тели не жалели средств на гонорары авторам, рекламу и качество внешнего вида издания и другие способы продвижения книжной продукции прежде всего в Петербурге. Член Северного общества и один из самых активных участников восстания на Сенатской площади, т. к. с братом Михаилом привел туда самый многочисленный Московский полк. Осужден по I разряду как один из главных заговорщиков на 20 лет каторги, но по не выясненным пока обстоятельствам каторга была заменена поселением в Якутске, где Бестужев пробыл недолго. При отправлении его в Сибирь был составлен словесный портрет: «Рост 2 аршина 7 и $\frac{2}{8}$ вершка (174 см. – В.Б.), лицо белое, чистое, круглое, глаза карие, нос большой, широкий, волосы на голове и бровях темнорусые».

В 1829 г. А.А. Бестужев был отправлен рядовым в действующие полки Кавказской армии. В Якутске и на службе на Кавказе он материально не нуждался, т. к. издатели платили ему щедрые гонорары, поэтому попыток заняться предпринимательством в Якутске у Бестужева не было. Оставил восторженное описание суровой сибирской природы, заслуживают внимания лирические стихотворения, обращенные к сибирячкам. В 1832 г. вышло его первое собрание сочинений, и Марлинский вошел в число наиболее популярных писателей. Этому способствовало, кроме биографии и таланта писателя, то обстоятельство, что он стоял на перекрестке двух основных литературных направлений – старого, сентиментального, и нового, реалистического. Действовал на читателей и скрытый гуманизм писателя, что отчасти являлось отражением идеалов его юности, остроумие и мастерское описание исторических ситуаций, романтизм главных героев.

Все это дало основание А.С. Пушкину приветствовать выход новых повестей Бестужева и до декабря 1825 г., когда это еще было возможно, находиться с ним в дружеской и профессиональной переписке. Затем талант писателя-романтика у Марлинского раскрылся на месте его службы в Дербенте, где были написаны основные произведения. После производства Бестужева в мае 1836 г. в прапорщики, первый офицерский чин, дающий право на выход в отставку, он отправился в один из Черноморских линейных батальонов, где его служба была сопряжена со сражениями, стычками и походами, с постоянной опасностью. Погиб А.А. Бестужев-Марлинский 7 июня 1837 г. в стычке с горцами на мысе Адлер.

Бестужев Михаил Александрович (22.09.1800–22.06.1871), штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка (брат Александра Александровича). Воспитывался в Морском кадетском корпусе, после окончания которого служил гардемарином, мичманом и лейтенантом, в 1817 г. ходил на линейном корабле «Не тронь меня» в Кале для возвращения из Франции в Россию корпуса М.С. Воронцова, служил в Кронштадте и Архангельске. В марте 1825 г. был переведен в Московский полк, получив звание поручика, а через два месяца – штабс-капитана, командовал 3 фузилерною ротой (фузилер – солдат, вооруженный фузеей, старинным кремневым ружьем).

Член Северного общества (1824), активный участник восстания на Сенатской площади. Приговорен по II разряду к пожизненной каторге, а затем срок сокращен до 20 лет, а уже в Сибири его сократили до 13 лет. При отправке на каторгу был составлен словесный портрет Бестужева: «Рост 2 аршина 5 $\frac{1}{2}$ вершка (166,4 см. – В.Б.), волосы на голове и бровях черные, лицом чист, смугловат, глаза темнокарие, нос посредственный, острый, под шеей на левой стороне маленькие два пятнышка, на правой щеке родимое пятнышко, а на левом боку бородавка».

После отбытия срока каторги по указу от 10 июля 1839 г. М.А. Бестужев был отправлен на поселение в г. Селенгинск Иркутской губернии, куда после нескольких проволочек прибыл 1 сентября того же года. В Сибири он получил хорошее дополнительное образование от товарищей по несчастью, прежде всего от К.П. Торсона, Михаил Александрович оказался способным учеником в изучении иностранных языков, естественных и точных наук, в постижении различных ремесел. Как и старший брат Николай (см. ниже), он был мастером на все руки, имел успехи в золотом и часовом деле, знал картонажное, переплетное, токарное и шапочное ремесло. Особым спросом пользовались его щегольские фуражки, дававшие на первое время средства к существованию.

В Селенгинске М.А. Бестужев женился на дочери казачьего есаула Селиванова, и у них родилось два сына и две дочери. Как отмечали современники, девушка обладала природным умом и практической сметкой, легко обучалась грамоте и французскому языку и стала супругу верной помощницей. В Сибири он построил прекрасный дом, занимался сельским хозяйством, пытался разводить породистых тонкорунных овец, но неудачно, зато вместе со старшим братом сконструировали и распространили легкие повозки, названные в их честь «бестужевками». Надо сказать, что правила проживания на поселении и занятия промыслами во многом ограничивали предпринимательские порывы декабристов и не позволяли развернуться в полную силу в этом перспективном направлении.

После амнистии декабристам в августе 1856 г. Михаил Бестужев остался в Сибири, хотя по особому повелению с апреля 1862 г. ему было разрешено постоянно проживать в Москве. Только после смерти своей жены в 1867 г. он в июне того же года переехал в Москву, где и умер. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Бестужев Николай Александрович (13.04.1791–15.05.1855), капитан-лейтенант флотского экипажа. Старший брат декабристов Александра и Михаила Александровичей, оказывавший на них большое интеллектуальное и моральное влияние. В большей степени Н.А. Бестужев сформировал себя сам, занимаясь самообразованием в широком спектре наук, искусств и ремесел. Воспитывался он в Морском кадетском корпусе, куда поступил в 1802 г. По выходу из этого учебного

заведения получил звание гардемарина (1807), а через два года стал мичманом. С этого времени Бестужев совершал плавания по Балтийскому морю, в 1814 г. ходил в Голландию, в 1824 – во Францию и на Гибралтар на фрегате «Проворный» уже в качестве историографа Российского флота. Параллельно с этим он занимал должности помощника смотрителя Балтийских маяков в Кронштадте, в 1821–1822 гг. организовывал лито-

графию при Адмиралтействе, за что был награжден орденом Владимира 4 степени. В это же время он стал официально историографом русского флота с формулировкой «без выключки из флота», а с 12 декабря 1824 г. был назначен директором Адмиралтейского музея.

Кроме занятий по службе Н.А. Бестужев был известным прозаиком и литературным критиком, членом Вольного общества любителей российской словесности (1821–1824), членом Вольного общества учреждения училищ по методике взаимного обучения (1818), член Вольного экономического общества (1825), член Общества поощрения художников (1825). С 1818 г. Бестужев сотрудничал в журналах «Сын отечества», «Полярная звезда», «Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения» и других. Отчасти такая активность была сопряжена с его масонскими убеждениями, он был еще и членом ложи «Избранного Михаила» (1818).

Член Северного общества декабристов (1824), написал «Манифест к русскому народу», активный участник восстания на Сенатской площади. Арестован 16 декабря 1825 г. в 8 верстах от Кронштадта в с. Косном, и в тот же день доставлен в 10 часов вечера в Петропавловскую крепость. На следствии ничего не говорил о своих единомышленниках, и вел себя довольно дерзко, чем увеличил срок своего наказания. Например, когда стали его упрекать, в том, что он якобы замыслил цареубийство, это самое страшное преступление в империи, то он дал понять некоторым членам Следственного комитета, что они такое преступление в свое время уже совершили, предав смерти законного императора Павла I.

Осужден был Бестужев-старший по II разряду и приговорен к смертной казни, а по конфирмации (утверждение высшей властью приговора) приговорен к вечной каторге. Дальнейшая судьба во многом совпадает с судьбой его брата Михаила. Приметы Н.А. Бестужева: рост 2 аршина 6 $\frac{1}{2}$ вершка (170,8 см. – В.Б.) «лицом чист, смугловат, волосы на голове и бровях темнорусые, глаза серые, нос посредственный острый, на бороде и бакенбардах волосы рыжеватые, на шее на левой стороне ниже уха был ранен, бородавки природные на лбу и на левой стороне на шее».

В Сибири проявились многие таланты Н.А. Бестужева: он довел до совершенства ружейный замок, и итог, по словам специалистов

того времени и современных, поразил их простотой и надежностью. К сожалению, посланный в Петербург чертеж и пояснения затерялись там безвозвратно. Николай Александрович, как и его брат Михаил, прекрасно шил одежду и обувь, мог хорошо выполнять работу ювелира и часовщика, освоил литейное и слесарное ремесло, делал подзорные трубы и многое другое. Однако главный его талант – художественный: рисовал портреты декабристов и их жен, виды Петровского завода и Читы, портреты сибиряков разного звания. Когда средства для жизни у братьев стали истощаться, они занялись в достаточно широких масштабах изготовлением придуманных ими легких двухколесных экипажей (сидеек или бестужевок). Кроме этого, Николай Бестужев поехал в Кяхту, пограничный торговый центр, где проживало много богатых купцов и представителей крупных российских чаоторговых фирм, рисовать там портреты местных жителей. Был чрезвычайно радушно ими принят, получил много заказов, за выполнение которых кяхтинцы щедро заплатили.

Женился Н.А. Бестужев на бурятке Сабилаевой, и у них было двое детей: Алексей (1838–1900), впоследствии крупный сибирский купец и промышленник, выполнявший даже в Китае дипломатические поручения российского правительства, и Екатерина, в замужестве Гамбоева, умерла в Харбине в 1930 г. в возрасте около 90 лет. Жили и воспитывались дети Бестужева в семье селенгинского купца Д.Д. Старцева и носили его фамилию, т. к. декабристам было запрещено передавать свою родовую фамилию детям.

Умер Н.А. Бестужев в Селенгинске, простудившись в дороге на байкальском ветру, уступив свое место в экипаже больному попутчику. Похоронен в Селенгинске.

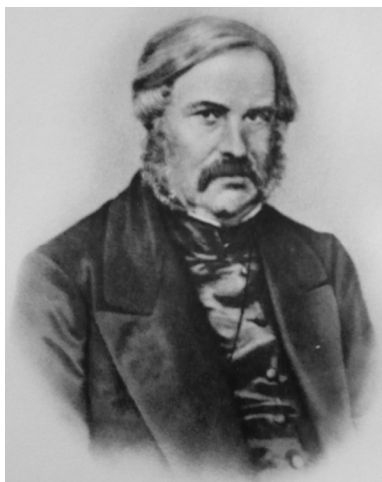
Бечаснов (Бечасный) Владимир Александрович (1802–11.10.1859). Прапорщик 8 артиллерийской бригады. Происходил из дворян Рязанской губернии, отец, Александр Николаевич, дослужился до майорского звания, а потом служил чиновником 8 класса – никакого имения у них не было. В.А. Бечаснов воспитывался сначала в Рязанском уездном училище и губернской гимназии, но курса там не окончил. В сентябре 1814 г. был зачислен во 2 кадетский корпус в Петербурге и в 1821 г. был выпущен прапорщиком и определен во 2 легкую роту 8 артиллерийской бригады.

Член Общества соединенных славян (1823). После приказа об аресте был доставлен из Житомира в Петербург и в начале февраля 1826 г. посажен в камеру № 29 Невской куртины Петропавловской крепости. Осужден по I разряду и по конфирмации 10.07.1826 г. приговорен в каторжную работу вечно, но вскоре срок был сокращен до 20 лет. После годичного заключения в Свартгольмской крепости Бечаснов был отправлен летом 1827 г. в Сибирь. Перед отправкой был составлен его словесный портрет: рост 2 аршина 3 $\frac{1}{2}$ вершка (157,6 см. – В.Б.) «лицо смуглое и продолговатое, волосы темнорусые, глаза голубые, брови темнорусые, на середине левой брови небольшой шрам, нос средний, прямой». По окончании срока каторги он был указом от 10.07.1839 г. «обращен на поселение» в с. Смоленщина Жилкинской волости Иркутской губернии. По словам историка декабристов П.М. Головачева, «не имея ни обширного ума, ни широкого образования, Бечаснов, как и почти все без исключения декабристы, обладал очень мягким характером, добрым сердцем и был в высокой степени честен. Устроенная им при помощи иркутского купца Белоголового маслобойка поглощала всю его неистощимую энергию, и была в то же время едва ли не единственным источником существования его многочисленного семейства». После амнистии 1856 г. В.А. Бечаснов остался в Сибири, жил и умер в Иркутске, похоронен в Знаменском монастыре.

Жена (с 1846 г.) – сибирская крестьянка Анна Пахомовна Кичигина (умерла в 1900 г.); дети: Анна, Ольга, Надежда, Зинаида, Вадим, Вячеслав, Михаил.

Бобрищевы-Пушкины, Николай (21.08.1800–13.05.1871), осужден по 8 разряду, и **Павел** (15.07.1802–13.02.1865), осужден по 4 разряду, **Сергеевичи**. Были поручиками по квартирмейстерской части и членами Южного общества. Николай Сергеевич воспитывался дома под руководством эльзасца Облингера, затем в Московском уни-

верситетском пансионе и в Московском учебном заведении для колонновожатых. Командирован был для топографических съемок в Подольскую губернию, за эти труды награжден орденом Анны 4 степени и за отличие по службе произведен в поручики. Писал стихи и печатался в сборнике «Каллиопа» (1816, 1817).

Отправлен на поселение в Среднеколымск, откуда совершил попытку побега, переведен в Туруханск Енисейской губернии, где, по словам генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского, «находился в помеща-

тельстве ума». Вот его словесный портрет: «рост 2 аршина 7 $\frac{3}{4}$ вершка (176 см. – В.Б.), лицо смугловатое, круглое, глаза карие, нос прямой, волосы, брови, бакенбарды и борода черные, говорит картаво». Главными причинами нервного расстройства Н.С. Бобрищева-Пушкина следует считать нервное напряжение во время ареста, следствия и заключения, постоянную материальную нужду и изоляцию от товарищей,

которые оказывали друг другу моральную поддержку и в более тяжелых условиях каторги, суровый климат и примитивные условия жизни. Переведен сначала в Енисейский Спасский монастырь, а затем в Красноярск, где содержался в больнице приказа общественного призрения и имел там буйные припадки. Младший брат Павел после своего выхода на поселение добился для обоих перевода в Тобольск (1840) и там оба брата получали пособия от государства.

Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин, как и брат, происходил из

мелкопоместных помещиков Тульской губернии, получил сходное домашнее и специальное образование, за тоposesьмки Подольской губернии получил такой же орден и чин поручика, а до этого в 17 лет читал курс лекций по полевой фортификации в школе колонновожатых. Думается, что это было вызвано не только дефицитом преподавательских кадров, но и талантами будущего декабриста. Как и брат, писал стихи, опубликованные в сборнике «Каллиопа». Осужден был на 8 лет каторги и перед отправкой в Сибирь был составлен словесный портрет П.С. Бобрищева-Пушкина: «рост 2 аршина 7 и $\frac{1}{8}$ вершка (173,5 см. – В.Б.), лицо чистое, смугловатое, круглое, глаза темнокарие, нос продолговатый, волосы на голове и бровях темнорусые». В 1832 г. освобожден от каторги и отправлен на поселение в Верхотурск, а затем – в Красноярск. Указом от 06.12.1839 г. было разрешено переехать в Тобольск для надзора за братом, помещенным там в доме для умалишенных. Здесь ссыльный декабрист занимался чтением книг духовного содержания и гомеопатией. Ухаживал за больными и занимался их лечением, особенно в 1848 г. во время страшной эпидемии холеры. Часто болел сам, стал постепенно терять зрение. В 1856 г. П.С. Бобрищев-Пушкин был выслан на родину в имение сестры и умер в Москве в доме Н.Д. Фонвизиной-Пушиной.

Борисов 1-й Андрей Иванович (1798–30.09.1854). Отставной подпоручик.

Борисов 2-й Петр Иванович (1800–30.09.1854). Происходили из

дворян Слободско-Украинской губернии, отец отставной майор (в 1826 г. ему было 68 лет), мать с двумя дочерьми жили при нем и находились «в самом бедном положении». Воспитывались дома под руководством своего отца, а математике и артиллерийскому делу обучались у будущего декабриста А.К. Берстеля, подполковника, командира роты в 9-й артиллерийской бригаде. В 1819 г. А.И. Борисов был произведен в прапорщики по экзамену и вскоре был уволен от службы по домашним об-

стоятельствам подпоручиком. Петр Иванович продолжал служить в 8-й артиллерийской бригаде.

Основатель (вместе с Ю.К. Люблинским) Общества соединенных славян. Это было общество декабристского направления, некоторые «славяне», как их называли, входили в Южное общество, но не спешили с ним объединяться. Особенности Общества соединенных славян заключались в том, что оно в своих замыслах выходило за рамки России, предполагало объеди-

нить восточных, западных и южных славян в единое государство. Они были настроены более радикально, чем члены других декабристских организаций. Некоторые из них продолжили революционную борьбу и на каторге. Например, поручик И.И. Сухинов подготовил вооруженное восстание в Зерентуйском руднике. Были привлечены солдаты, разночинцы, уголовные каторжники, но заговор был раскрыт и участники жестоко наказаны: 6 приговорены к расстрелу, 6 к наказанию кнутом, 6 наказаны плетью. Сам И. Сухинов удавился на ремне от кандалов накануне казни. По своему составу они также отличались от основной массы декабристов – были мелкими военными и гражданскими чиновниками, жили преимущественно на одно жалкое жалованье, были интеллигентами по своим занятиям, причем не в первом поколении. Осуждено было «из славян» 23 человека, но на самом деле 51 человек принадлежал к обществу.

Осуждены были братья по I разряду к смертной казни, но по конфирмации были отправлены на каторжные работы вечно. В 1839 г. они вышли из каторги и поселились в д. Малая Разводная. Перебивались мелкими заработками: обучали детей грамоте, П.И. Борисов был талантливым художник-аквалерист, составил коллекцию рисунков сибирских трав и насекомых, что также давало какой-то заработок. Кроме этого, он был хорошим столяром, токарем и переплетчиком.

По отзывам современников, братья по убеждениям были атеистами («христианство – рабская религия»), но по своим поступкам, до

сумасшествия Андрея, они были проникнуты духом христианства. Умерли они в один день и были похоронены в д. Большая Разводная, но могилы не сохранились.

Бриген Александр Федорович (15.08.1786–27.06.1859), отставной полковник, воспитывался в Петербурге в немецком училище св. Петра и в пансионе Мейера, слушал лекции проф. Раупаха и Германа по политической экономии. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, награжден многими орденами, а за Бородинское сражение – золотой шпагой за храбрость. Масон, член ложи «Петра к Истине», член Союза благоденствия и Северного общества, в 1825 г. выполнял поручения К.Ф. Рылеева по связям Северного и Южного обществ.

Осужден по 7 разряду и, отбыв на каторге один год вместо назначенных четырех, был сослан на поселение в Пелым. Приметы Бригена: «Рост 2 аршина 7 $\frac{4}{8}$ вершков (175 см. – В.Б.), лицо белое, чистое, румянец на всю щеку, глаза светлокارية, нос остр, волосы на голове и бровях светлорусые, на левой стороне головы небольшой шрам от полученной в сражении при Кульме контузии». На поселении Бриген получал от родных тысячу рублей ежегодно и особые денежные суммы на первоначальное обзаведение. На эти средства он построил в Пелыме дом из трех комнат и хозяйственные постройки. Прожил там 6 лет, хотя не раз просил разрешения переселиться на юг Западной Сибири. Наконец определили его в Курган, где Бриген стал служить в окружном суде канцеляристом. Для этого он вновь принес присягу, и для производства в первый обер-офицерский чин по статской службе ему нужно было прослужить канцеляристом 12 лет.

В 1848 г. Бриген был произведен в коллежские регистраторы, но вскоре был перемещен по службе из Кургана в захолустный Туринск с формулировкой «за неуместные его звания суждения и заносчивое поведение». Честные судьи в России всегда были в дефи-

ците, т. к. это было невыгодно ни им самим, ни местным и центральным властям, которые требовали выносить угодные им приговоры. В Кургане Бриген профессионально занимался переводами, в частности переводил с латыни Юлия Цезаря, а сделанный перевод посвятил В.А. Жуковскому, который согласился его напечатать. Третье отделение Канцелярии Его Императорского величества разрешило напечатать перевод без указания имени переводчика с предварительной цензурой. Ничего предосудительного в переводе найдено не было, и труд напечатали. Бриген получил от Жуковского довольно значительный гонорар – 714 руб. 26 коп.

В свое время законная жена Бригена, дочь Екатеринославского губернатора Миклашевского и сестра декабриста, обремененная большой семьей (сын и три дочери), не последовала за ним в Сибирь. Там у Бригена появилась вторая семья – он женился гражданским браком на крестьянской дочери Александре Тихоновне Томниковой, и у них тоже были дети. Младшего из своих сибирских сыновей Николая Бриген увез с собой из Сибири, и весьма вероятно, что после его смерти Николая взял на воспитание Н.И. Тургенев.

В 1856 г. А.Ф. Бригену были возвращены утерянные им 30 годами ранее гражданские права, и в возрасте 62 лет он возвратился в Россию. Получаемое им в Сибири жалованье (285 руб.) было обращено в получаемое им ежегодно пожизненное пособие, ему было разрешено жить под надзором где угодно, кроме столиц. Жил сначала у младшей дочери в Петергофе, с июля 1858 г. – получил разрешение жить в Петербурге и носить памятную медаль Отечественной войны 1812 г. и Кульмский крест. Умер в Петербурге и похоронен на Волковом православном кладбище.

Вадковский 1-й Федор Федорович (1800–08.01.1844). Прапорщик Нежинского конно-егерского полка. Родился, как и младший брат Александр, в Елецком имении родителей в с. Пятницком. Отец – крупный вельможа, сенатор и камергер, действительный тайный советник Ф.Ф. Вадковский (1764–1806), товарищ детских игр Павла I; мать – графиня Екатерина Ивановна Чернышева: за ней в 1826 г. числилось 827 душ, из которых 194 – в залоге. Вместе с братом воспитывался в Московском университетском пансионе (1810–1812), потом у аббата Лемри в Петербурге и в пансионах Гинрихса и Годениуса. В службу

вступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк (25.01.1818), переведен в Кавалергардский полк юнкером и 1 января 1822 г. стал наконец корнетом – это первый офицерский чин в кавалерии. Однако служба и здесь у повесы Вадковского не задалась и «по высочайшему приказу за неприличное поведение» (шутки по поводу императора и сочиненная им сатирическая песня) был переведен в Нежинский конно-егерский полк с переименованием в прапорщики.

Член Южного общества (1823), активный участник декабристской ячейки в Кавалергардском полку, куда принял 10 человек, в том числе и будущего доносчика Шервуда-Верного. Арестован по приказу начальника Главного штаба И.И. Дибича 11 декабря 1825 г. в Курске и 21 декабря доставлен в Петропавловскую крепость. Осужден по I разряду и по конфирмации отправлен в каторжную работу вечно. Младший брат Ф.Ф. Вадковского, Александр, отделался только 4-месячным заключением в крепости и без лишения чина был отправлен в войска на Кавказ, где активно участвовал в боевых действиях. Затем по болезни в 1830 г. был уволен со службы и проживал в своем имении Гавриловка Кирсановского уезда Тамбовской губ.

После двухгодичного заключения в Петропавловской, Кексгольмской и Шлиссельбургской крепостях Ф.Ф. Вадковский был отправлен в ноябре 1827 г. в Сибирь со следующими приметами: рост 2 аршина 10 вершков (186 см. – *В.Б.*), «лицом бел, чист, волосом светлорус, глаза карие, нос продолговат». Как и всем декабристам, срок каторги Вадковскому был сокращен до 13 лет. На каторге он был одним из организаторов артели декабристов, когда сложенные средства давали возможность всем, в том числе и неимущим членам артели, довольно сносно питаться и одеваться. Кроме того, отправляющимся на поселение декабристам выдавалось пособие по 600–800 руб., т. е. на поселении некоторым из них было тяжелее, чем в заключении, где существовала взаимопомощь и поддержка своих товарищей по несча-

стью. Вдобавок ко всему, многие декабристы были одарены прекрасными способностями к художественным занятиям. Например, Вадковский был прекрасный музыкант и часто играл на присланной ему из России очень дорогой скрипке. Были и другие замечательные певцы, художники и музыканты.

В июле 1839 г. Вадковскому было назначено поселение в с. Манзурка Иркутской губ., но он туда не поехал, а был отпущен на Туркинские минеральные воды для лечения, а затем почти год проживал в Иркутске. По ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта ему было разрешено поселиться в с. Оёк Иркутского округа, где он и проживал до самой своей смерти от чахотки 2 января 1844 г., занимаясь торговлей хлебом и другими товарами. Могила Ф.Ф. Вадковского, видного декабриста, талантливого музыканта, поэта и мемуариста, к сожалению, не сохранилась.

Волконский Сергей Григорьевич, князь (08.12.1788–28.11.1865), генерал-майор, бригадный командир 19 пехотной дивизии. Происходил из семьи, принадлежавшей к высшей российской аристократии. Воспитывался до 14 лет дома, а затем в частных учебных заведениях (пансионах) преподавателя 1 кадетского корпуса Жакино, а затем в пансионе аббата Николя, эмигранта из Франции, пользовавшегося огромной популярностью в аристократических кругах Петербурга. Состоял в действительной службе с де-

кабря 1805 г. в звании поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка. Участник военной компании 1806–1807 гг., где заслужил орден Владимира 4 ст. и золотую шпагу за храбрость. Затем служил под командованием Кутузова в Турции, активный участник Отечественной войны и заграничных походов 1813–1815 гг., участвовал почти во всех крупных сражениях, за отличия произведен в сентябре 1812 г. в полковники, а ровно через год – в генерал-майоры.

Масон, член ложи «Соединенных славян» (1812), ложи «Сфинкса» (1814), основатель ложи «Трех добродетелей» (1815) и почетный член Киевской ложи «Соединенных славян» (1820). За ним числилось 1046 душ в Нижегородской губернии и 545 душ в Ярославской, но на них в 1826 г. было 280 тыс. руб. долга, т. е. размер этого долга намного превышал примерную стоимость крепостной рабочей силы того времени.

Член Союза благоденствия (1819) и Южного общества, с 1823 г. возглавлял вместе с В.Л. Давыдовым Каменскую управу этого общества и осуществлял связь между Северным и Южным обществами. Приказ об аресте вышел 30 декабря 1825 г., а 14 января 1826 г. Волконский был доставлен в Петербург и помещен в камеру № 4 Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Осужден по I разряду к смертной казни, но после утверждения приговора высшей властью (конфирмации) приговорен в каторжные работы на 20 лет. Отправлен закованным в Сибирь в июле 1826 г., следом за ним поехала его жена Мария Николаевна Раевская, дочь героя Отечественной войны и крупного военачальника генерала Н.Н. Раевского.

Приметы, составленные С.Г. Волконскому при отправлении на каторгу: «рост 2 аршина 8 $\frac{1}{4}$ вершков (178,5 см. – В.Б.), лицом чист, глаза серые, лицо и нос продолговатые, волосы на голове и бровях темнорусые, на бороде светлые, имеет усы, на правой ноге в берце имеет рану от пули, зубы носит накладные при одном натуральном переднем верхнем зубе». Сначала по ходатайству матери С.Г. Волконский был освобожден от каторжных работ и обращен на поселение в Петровском заводе, а через год, в 1836 г., ему было разрешено переселиться в с. Урик около Иркутска. Здесь он построил поместительный теплый дом и зажил спокойно, в постоянном общении с другими декабристами. Князь Волконский с любовью занялся сельским хозяйством и вскоре сблизился с местными крестьянами: входил в подробности их занятий, хозяйства и даже семейной жизни. Они обращались к нему за советами, медицинскими пособиями, за содействием в конфликтах с местной администрацией и всегда получали от него помощь.

По амнистии 26.08.1856 г. ему и его детям было возвращено дворянство и дано разрешение возвратиться в Европейскую Россию, вскоре детям был дарован княжеский титул. Местом пребывания князя Волконского определено с. Зыково Московской губернии, но он

постоянно жил в Москве, в 1861, 1862 и в 1864 гг. выезжал для лечения за границу, а с весны 1865 г. жил в с. Воронки Козелецкого уезда Черниговской губернии, где умер и похоронен вместе с женой.

Вольф Фердинанд Богданович (1796 или 1797–24.12.1854), коллежский ассessor, штаб-лекарь, член Южного общества, входил в круг друзей П.И. Пестеля, поэтому осужден по 2 разряду. Родился в Москве в семье аптекаря, воспитывался там в частном пансионе при новой лютеранской церкви. Учился в Медико-хирургической академии, во время Отечественной войны 1812 г. «добровольно находился для помощи раненым в касимовском военно-временном госпитале», выпущен кандидатом по медицинской части с награждением серебряной медалью.

При отправлении из Петропавловской крепости в Сибирь был составлен словесный портрет Вольфа: «рост 2 аршина 8 вершков (177 см. – В.Б.), лицо чистое, смугловатое, продолговатое, глаза темнокarie, нос средний, остр, волосы на голове и бровях темнорусые, на левой щеке подле носу родимое небольшое пятнышко». По императорскому указу 14 декабря 1835 г. вместе с другими декабристами, осужденными по высшим разрядам, был освобожден от каторжных работ и поселен в селе Урик Иркутской губернии, куда были переселены братья Муравьевы. По свидетельствам современников, Вольф всегда был готов прийти на помощь ближнему, ездил по краю, по далеко расположенным от его водворения местам, рискуя ужесточить свое наказание за нарушение предписаний. Мог составить на врачебной деятельности целое состояние, но к удивлению иркутян, брал за свои визиты чисто символическую плату или отказывался от нее вообще.

Переехал вслед за Муравьевыми в Тобольск, жил с ними в одном доме. Широко оказывал местным жителям медицинскую помощь, особенно отличился в борьбе с холерой в 1848 г. Средства получал от частной медицинской практики, причем большую часть тратил на приобретение лекарств, инструментов, научных пособий и новых руководств, за выходом которых всегда следил, а также на оказание медицинской помощи бедному тобольскому населению. В Тобольске исполнял должность врача при больнице Тобольского тюремного замка. Умер в Тобольске, похоронен на Завальном кладбище рядом с А.М. Муравьевым, душеприказчиком был И.А. Анненков. С скромная

эпитафия на его могиле гласит: «Фердинанд Богданович Вольф. Скончался 24 декабря 1854 г. на 60-м году жизни».

Враницкий Василий Иванович (1785 или 1786–02.12.1832), полковник по квартирмейстерской части, принадлежал к Южному обществу. Родом чех, отец был небогатым пражским пивоваром, мать была русской, урожденной Чайковой. Воспитывался в пражской гимназии у монахов пиаристов, затем в артиллерийской офицерской школе в Праге и служил в австрийской армии. Вскоре перешел на службу в русскую армию и участвовал во всех кампаниях начала XIX в.: русско-французской и русско-шведской войнах, Отечественной войне и заграничных походах, награжден многими русскими и иностранными орденами и золотой шпагой за храбрость. Осужден по 8 разряду к вечной ссылке на поселение и оказался в Пелыме. Часто болел, получал сначала солдатский паек, потом стал получать небольшие денежные суммы, и отпуск довольствия из казенных магазинов прекратили. Вскоре был переведен в Ялуторовск, т. к. постоянно писал покалывающие письма. В 1830 и 1831 гг. получал по 1 тыс. руб. асс. в год из «имений сосланного в Тобольск виленского губернского маршала Мошинского». По другим сведениям, от этой стипендии он отказался, но документального свидетельства этому нами не обнаружено. Потом пособия выплачивать не стали, и Враницкий вновь был переведен на солдатский паек. Умер он 2 декабря 1832 г. в Ялуторовске. Часы по завещанию были переданы его отцу в Богемию, а имущество распродано на 246 руб., но наследников за этими деньгами не явилось, и они были переданы в казну.

Глебов Михаил Николаевич (1804–19.10.1851), коллежский секретарь, помощник письмоводителя при управляющем Государственной комиссией погашения долгов. Происхождение Глебова было дворянское, отец к 1826 г. умер, а мать жила в Путивльском уезде Курской губернии, где у нее было поместье в 700 душ, из них 300 заложено, и на имении были большие частные долги. Воспитывался он в Петербургском университетском пансионе, куда поступил в 1818 г.; по окончании курса и сдачи экзамена получил права на чин 12 класса (июль 1821 г.). Следствием установлено, что членом тайного общества Глебов не был, но в восстании на Сенатской площади участвовал.

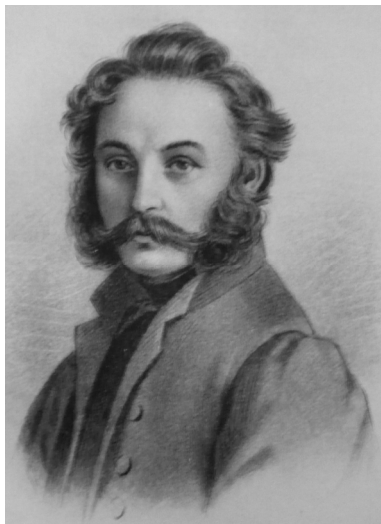
Осужден был по V разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 10 лет, затем срок был сокращен до 6 лет. Отправлен в Сибирь М.Н. Глебов в феврале 1827 г. со следующими приметам: рост 2 аршина $6\frac{3}{8}$ вершков (171 см. – В.Б.), «лицо белое, чистое, круглое, глаза серые, нос большой, широкий, волосы на голове и бровях темнорусые». По окончании срока в августе 1832 г. был отправлен в с. Кабанское Нижнеудинского округа Иркутской губ., где прожил 19 лет до смерти в 1851 г. По сло-

вам современников, он имел очень мягкий, кроткий, но слабый характер, под влиянием окружения пристрастился к водке. Завел сначала мелочную лавочку, но потом бросил, скучал и жаждал освобождения. Ходатайствовал перед местным начальством о переводе его из-за болезненных припадков в Братский острог Нижнеудинского округа для совместной жизни с Мухановым, но было отказано по «замеченной закоснелости последнего в своих заблуждениях». Умер в Кабанской слободе, по официальным сведениям, от побоев и отравления, виновными в чем оказались унтер-офицер Кабанской этапной команды Илья Жуков и крестьянская дочь Наталья Юрьева. Могила М.Н. Глебова не сохранилась.

Горбачевский Иван Иванович (22.09.1800–09.01.1869). Подпоручик 8-й артиллерийской бригады. Дед у него был священником, а отец – казначеем сначала при штабе Баркляя-де-Толли, затем при Витебской казенной палате. Сам И.И. Горбачевский воспитывался в Витебской гимназии (1813–1817), затем поступил в Дворянский полк и в 1820 г. получил первый офицерский чин прапорщика, а через пять лет второй по значимости чин – подпоручика. Член Общества соединенных славян (1823).

И.И. Горбачевский был осужден по I разряду и приговорен по конфирмации в каторжные работы вечно, затем приговор постепенно смягчали: 20 лет каторги, 15 лет и, наконец, 13 лет, которые закончи-

лись летом 1839 г. Поселился Горбачевский при Петровском заводе, где отбывали каторгу декабристы, и оставался там до самой смерти, не воспользовавшись амнистией 1856 г. В округе прослыл добряком и филантропом, т. е. помогал всем нуждающимся в деньгах, особенно преступникам, освобождавшимся из Петровского завода (их было не менее 10). Будучи небогатым человеком, постоянно давал займы, помогал выстроить для бездомных жилье и завести хозяйство. Здесь были проведены первые опыты по введению кооперативного потребительского хозяйства, сведения о котором друзья Горбачевского вычитали из иностранных журналов. Его попытки заняться предпринимательством (мыловаренный завод) не увенчались успехом, т. к. не нашлось специалистов в этой области и не хватило настойчивости самого Горбачевского.

Скудные средства он добывал себе некрупными подрядами и исполнением некоторых комиссий (поручений), которые ему предлагали знакомые золотопромышленники. Главные его черты – горячность и неумение довести дело до конца. В последние годы жизни Горбачевский выполнял обязанности мирового посредника в Петровском горном округе. Написал замечательные мемуары о своей жизни и друзьях-декабристах, которых безмерно любил. Умер в Петровском заводе, где и похоронен.

Давыдов Василий Львович (28.03.1893–25.10.1855). Отставной полковник. Из дворян Киевской губернии Отец – генерал-майор Лев Денисович Давыдов (1743–1801), мать – Екатерина Николаевна Самойлова, состоявшая в первом браке с Николаем Семеновичем Раевским, который умер в 1771 г. Он был отцом героя Отечественной войны Н.Н. Раевского, которому, соответственно, В.Л. Давыдов приходился единоутробным братом, а также был двоюродным братом других известных генералов Отечественной войны – А.П. Ермолова и Д.В. Давыдова.

Воспитывался В.Л. Давыдов с 10 до 12 лет в пансионе у аббата Николы, а затем дома под руководством аббата Фромана. В службу вступил юнкером в лейб-гвардии Гусарский полк в 1807 г., участник Отечественной войны и заграничных походов. Неоднократно за отличия был награжден многими орденами. В битве под Лейпцигом был взят французами в плен, из которого освобожден прусскими войсками. С 1819 г. постоянно жил в своем имении Каменка Чигиринского уезда Киевской губ. Владел 2926 душами,

«обремененными долгами». Масон, член ложи «Александра тройственного спасения». Поэт.

Член Союза благоденствия (1820) и Южного общества с момента его основания. Вместе с С.Г. Волконским возглавлял Каменскую управу Южного общества, осуществлял связь Южного общества с Северным. В.Л. Давыдов был осужден по I разряду и по конфирмации был приговорен к вечной каторге, но приговор последовательно смягчался и был доведен до 13 лет. Отправлен закованным в Сибирь со следующими приметам: рост 2 аршина 5 $\frac{3}{4}$ вершков (168 см. – В.Б.), «лицом чист, глаза светлорусые, нос большой, волосы на голове черные, на бороде темнорусые, имеет усы, на обеих ногах раны от штыков, повыше левой груди имеет рану от пики, позади левого плеча имеет рану от пики же, на правой руке на большом и указательном пальце имеет два шрама от сабли, собою плотен». По окончании срока каторги был отправлен на поселение в Красноярск, где выстроил дом и проживал в нем со всем семейством. Жена долгое время состояла с В.Л. Давыдовым в гражданском браке (1819–1825), т. к. была из семьи мелкого чиновника (губернского секретаря) А.И. Потапова, родила Давыдову 6 детей в России (Мария, Михаил, Екатерина, Елизавета, Петр и Николай). Она последовала за ним в Сибирь и здесь у них еще родились: Василий, Александра, Иван, Лев (с 1860 г. муж сестры П.И. Чайковского), Софья, Вера, Алексей.

Дунцов-Выгодский Павел Фомич (1802–12.12.1881), канцелярист

в канцелярии волынского гражданского губернатора. Происходил из крестьянского рода Дунцовых, воспитывался сначала церковным дьячком, затем учился в духовном православном училище, а после побега из дома – в католическом училище, основанном монахами-тринитариями, где именовался уже польским дворянином Выгодским. Член Общества соединенных славян, осужден по VII разряду, пробыв на каторге 1 год, был выслан на поселение в Нарым. Его словесный портрет: «Рост 2 аршина 5 $\frac{6}{8}$ вершка (166 см. – В.Б.), лицо белое, мало рябоватое, глаза серые, нос прямой, туповат, волосы на голове и бровях темнорусые».

Средств к существованию у него не было, поэтому он получал 4 руб. 35 $\frac{3}{4}$ коп. сер. в месяц взамен солдатского пайка и крестьянскую одежду, но получая ее, Выгодский носил, по сведениям администрации, «соответствующий его прежнему званию одежду – сюртук, фуражку или картуз, т. к. крестьянская одежда ему не совсем удобна». С 1835 г. он получал 200 руб. асс. ежегодно и имел право на 15 десятин пахотной земли, но по просьбе Выгодского ему заменили пахотную землю сенокосными угодьями. Приобрел в Нарыме небольшой домик, где в течение 26 лет и проживал. П.Ф. Выгодский был предоставлен в Нарыме большей частью самому себе и нашел себе занятие в чтении, немного портняжничал, по просьбе местных жителей составлял жалобы и прошения, хлопотал об улучшении собственного положения.

Ентальцев Андрей Васильевич (1788–27.01.1845), подполковник, командир конно-артиллерийской роты, принадлежал к Южному обществу. Происходил из дворян, но его отец был купеческого звания и выслужился в коллежские асессоры, что давало право на потомственное дворянство. Крестьян не имел, образование получил в Петербурге в пансионе Мейера.

В службу вступил юнкером в 1801 г., участник войн 1806–1807 гг., участник Отечественной войны 1812 г., где стал штабс-капитаном и кавалером высокого ордена Владимира 4 ст. Массон, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по VII разряду на 4 года каторги и вечной ссылки на поселение. Пробыл в Нерчинске год, а потом сослан в Березов, где был вместе с Черкасовым и Бригеном. Не нуждался материально, т. к. получал помощь от родственников, и рядом была

верная жена Александра Васильевна. В Березове супруги Ентальцевы купили дом из трех комнат, в слугах у них числились трое дворовых крепостных людей, привезенных А.В. Ентальцевой из Европейской России. В 1830 г. А.В. Ентальцев был переведен в Ялуторовск, где супруги купили достаточно просторный дом у коллежского советника Шеншина за 1300 руб. асс., но покоя и возможного счастья не было, т. к. Ентальцева постоянно преследовали доносы, которые, в конечном счете, по мнению современников, «довели до совершенного расстройства умственных способностей». Сначала доносы были анонимные, но потом сосланный в Березов князь Друцкой-Горский, который на самом деле не был князем и декабристом в истинном понимании этого слова, обвинил Ентальцева, Черкасова и Фохта в составлении антиправительственного заговора и других страшных грехах. Одним из обвинений стал рассказ о том, как Ентальцев вошел в тесные связи с березовским протопопом Вергуновым и совместно с ним вел торговлю с самоедами и остяками, о тайном провозе в их стойбища запрещенного законом вина, об употреблении в разговоре неприличных выражений и др. Посланный в Березов генерал-губернатором Вельяминовым для проверки чиновник Корнилов доносил, что все березовские жители любили Ентальцева и его жену, и никто торговых связей с ними не имел, что находившегося в Березове государственного преступника Черкасова они по доброму его поведению и теперь любят, а статского советника Друцко-го-Горского избегают по его строптивости. Доносы были оставлены без

последствий как неподтвердившиеся, как и якобы недозволенная связь Ентальцева с крепостной девкой, принадлежавшей его жене.

**Завалишин Дмитрий Ири-
нархович** (13.06.1804–05.02.1892).

Лейтенант 8-го флотского экипажа.

Родился в Астрахани в семье генерал-майора, шефа Астраханского гарнизонного полка, впоследствии генерал-инспектор путей сообщения. Воспитывался Д.И. Завалишин в Морском кадетском корпусе в 1816–1819 гг., был некоторое время там преподавателем, а затем отправился в длительное кругосветное плавание на фрегате «Крейсер» (1822–1824) под командованием адмирала П.М. Лазарева. Пы-

тался создать организацию под названием «Орден восстановления», написал его устав и принял в него несколько членов (русских и иностранцев). Осенью 1822 г. написал из Лондона письмо Александру I с просьбой призвать его к себе, вследствие чего по возвращению в Россию был доставлен в ноябре 1824 г. в Петербург. Здесь идеи Завалишина о переустройстве России были признаны «неудобоисполнимыми», и он продолжил службу в должности начальника модельной мастерской при музее Адмиралтейского департамента. 14 декабря 1825 г. находился в Симбирске в отпуске, но вскоре был востребован в столицу и помещен в Петропавловскую крепость. Пытался пробиться на прием к царю для объяснения своей невиновности, но допущен к нему не был и был осужден по I разряду как наиболее опасный государственный преступник. Между тем вопрос о членстве Завалишина в Северном обществе оспаривается рядом исследователей и до сих пор окончательно не решен.

В январе 1827 г. Д.И. Завалишин был отправлен в Сибирь с описанием его примет: рост 2 аршина 4 $\frac{1}{8}$ вершка (около 160 см), «лицо смугловатое, глаза серые, нос посредственный, туповат, волосы на голове и бровях темнорусые». После отбытия срока на каторжных работах в 1839 г. он был обращен на поселение в Читу, где занимался

своим большим хозяйством, чтением книг, писал статьи и корреспонденции в центральные и местные газеты с разоблачением деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. По его представлению печатание статей Завалишина было запрещено, а сам он был выслан «под бдительный полицейский надзор» в Казань. Вскоре в 1863 г. был разрешен переезд Завалишина с семьей в Москву, где он долгое время жил, второй раз женился, обзавелся многими детьми и в 88 лет умер. Похоронен в Даниловом монастыре. Известен как плодовитый мемуарист, публицист и этнограф. В оставленных «Записках» Завалишин постоянно оправдывался перед властями, считал себя жертвой «злодея Рылеева», неодобрительно отзывался о многих декабристах, а с московскими декабристами не поддерживал отношений, ни с кем не общался и даже не бывал на их похоронах. Завалишин осознавал, что не вполне принадлежит к их семье, и отсюда его горечь и желчь в их адрес. Отличался он и сложным характером, был слишком самолюбив, самонадеян, не имел той мягкости и душевной деликатности, которые украшали почти всех прочих декабристов.

Ивашев Василий Петрович (13.10.1797–28.12.1840), ротмистр Кавалергардского полка, адъютант командующего 2-й армии. Отец – генерал-майор Петр Никифорович (1767–1838), мать – Вера Александровна Толстая, жили в Симбирске, имели три тысячи душ крепостных, кроме этого, дом в Москве стоимостью 100 тыс. руб. До 14 лет В.П. Ивашев воспитывался дома под надзором француза Динокура, потом в Пажеском корпусе, из камерпажей выпущен корнетом в Кавалергардский полк в феврале 1815 г. Сделал быструю блестящую карьеру, став в 1821 г. ротмистром и адъютантом

главнокомандующего 2-й армией П.Х. Витгенштейна.

Член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по I разряду и до 1836 г. находился на каторге, а потом на поселении в небольшом городке Туринске, который считался глухим даже для сибирских уездных городов. Прибыл с женой, Камиллой Петровной, урожденной Ле-Дантю, с малолетней дочерью и дворовыми людьми в качестве прислуги (1 мужчина и 3 женщины). В Туринске Ивашевы построили просторный деревянный дом на каменном фундаменте на сумму более 8 тыс. руб. В документах отражен курьезный, не свойственный для Сибири факт воровства из их дома огромных по тем временам денег — 10 500 руб., из них 5900 принадлежали Ивашеву, 2700 — Басаргину, 1200 руб. — вдове поручика Мавриной, 770 руб. принадлежали дворовым людям Ивашевых. Сведения о возвращении ворованных денег в архивах не обнаружено, следовательно, можно сделать предположение, что воры так и не были найдены. В декабре 1839 г. во время родов умерла Камилла Петровна, а через год ровно в тот же день скончался Василий Петрович, погруженный в глубокую депрессию и, скорее всего, принявший вследствие этого яд. Разговоров на эту тему было много, но судебно-медицинскую экспертизу не сделали, да она и не была никому нужна. Ивашев, как и его жена, были натурами поэтическими, писали стихи, музицировали. Похоронены в Туринске.

Игельстром Константин Густавович (Евстафьевич) (08.05.1799–13.11.1851). Капитан, командир 1-й роты Литовского пионерного батальона. Отец — генерал-майор, командир 2-й бригады Литовской уланской дивизии. Воспитывался К.Г. Игельстром в 1-м кадетском корпусе, откуда был выпущен в декабре 1816 г. прапорщиком и через каждые два года последовательно получал чины подпоручика, поручика, штабс-капитана и капитана. Крестьян не имел. Возможно, одной из причин успешной карьеры были его незаурядные способности, хорошее и разностороннее образование. В ди-

плоте об окончании среднего учебного военного заведения было записано: «российский, французский, немецкий, английский и польский языки знает, закону Божию, истории, географии, арифметике, геометрии и тригонометрии и другим наукам обучался».

Член тайного Общества военных друзей, организатор выступления Литовского пионерного батальона 14 декабря 1825 г. Военным судом приговорен к смертной казни, но по высочайшей конфирмации 15.04.1827 после лишения чинов и дворянства подлежал ссылке в каторжные работы на 10 лет с последующим поселением в Сибири. До Тобольска ехал в сопровождении жандармов, из Тобольска отправлен по этапу с партией ссыльных. Вдова К.Г. Игельстрома вспоминала, что при следовании по этапу на одной из станций сибирский купец Поморов угостил Игельстрома с товарищем обедом и на прощание подарил каждому из них по пачке табака, в которой потом оказалось по 25-рублевой ассигнации. В январе 1833 г. Игельстром покинул Петровский завод и поселился в назначенном для поселения с. Тасеевском Каннского уезда Енисейской губ., а через два года ему было разрешено переехать в слободу сретенскую для совместного проживания с двоюродным братом А.И. Вегелиным.

На каторге и ссылке Игельстром заинтересовался практической медициной, был одним из усердных помощников доктора Вольфа и отлично изучил портняжное мастерство. В середине 30-х гг. Игельстром, переведенный на поселение, приобрел себе деревянный домик и некоторое время занимался мелочной торговлей вразнос. В январе 1836 г. он получил разрешение поступить на службу в Отдельный кавказский корпус, в сопровождении урядника отправился из Иркутска и вскоре был зачислен пионером 2-го класса в Кавказский саперный батальон. Через год он стал унтер-офицером, а еще через год за отличие был произведен в первый офицерский чин прапорщика. Ему пригодились знания и опыт при строительстве укреплений и дорог. В его честь «мышьяная тропа» после переустройства стала называться Игельстромовой дорогой. Уволен в отставку в чине поручика в 1843 г., жил в станице Каменской и был управляющим Донецкими питейными сборами. Затем служил чиновником особых поручений по береговому надзору Таганрогского таможенного округа в чине гу-

бернского секретаря. Умер К.Г. Игельстром в военном поселении Кременском в доме у своей сестры Лаптевой.

Киреев Иван Васильевич

(31.01.1803–20.06.1866). Прапорщик 8-й артиллерийской бригады. Происходил из дворян Тульской губернии, у его отца в с. Харино было 57 душ крепостных, а мать получила в приданое 91 душу крестьян в Тверской и Вологодской губернии. Воспитывался И.В. Киреев сначала дома учителем иностранных языков Облингером, а затем с братом во 2-м кадетском корпусе. После его окончания был отправлен на службу на юг России, где сначала служил простым прапорщиком, а потом стал учителем в дивизионной артиллерийской школе в г. Житомире. Там он в 1825 г. вступил в Об-

щество соединенных славян, которое непосредственно в восстании не участвовало, но разговоры велись смелые, за что они все получили огромные сроки заключения в крепостях и каторжных работ.

Осужден был Киреев по II разряду и по конфирмации был приговорен к каторжным работам на 20 лет. Только в апреле 1828 г. Киреев был отправлен в Сибирь со следующими приметами: рост 2 аршина 7 $\frac{4}{8}$ вершка (175,5 см. – В.Б.), «лицо белое, немного рябоват, глаза карие, нос средний, широкий, волосы на голове и бровях темно-русые». Срок пребывания на каторжных работах был сокращен до 10 лет, и по его отбытию Киреев был обращен на поселение в г. Минусинске. Жил там у братьев Беляевых, развернувших там большое хозяйство. По отзывам современников, Киреев был добрым и кротким человеком. В Читинской тюрьме под влиянием братьев Борисовых, крайних представителей материализма и атеизма в декабристской среде, Киреев обнаруживал отрицательное отношение к христианству, но вскоре взгляды его изменились.

17 сентября 1852 года И.В. Киреев в Минусинске женился. В жены он взял 19-летнюю крестьянскую дочь Феклу Ивановну Со-

ловьеву, у них были дети: Алексей (1855 г. р.), Таисия (1857 г. р.), Екатерина (1862 г. р.).

В Минусинске Киреев оказывал населению услуги в написании прошений и жалоб, обучал крестьянских детей грамоте, а также, будучи неплохим рисовальщиком, учил желающих, взрослых и детей, рисованию. После амнистии 26.08.1856 г. И.В. Киреев остался в Минусинске и служил там писцом в окружном управлении. Летом 1857 г. Киреев с семьей выехал из Минусинска и жил сначала в Калуге у Г.С. Батенькова, а затем переехал на постоянное место жительства в родную Тулу, где на средства, собранные по подписке среди тульского дворянства, купил себе небольшой домик. По Высочайшему повелению Кирееву было сохранено пособие (114 руб. 28 коп. в год), которое он получал в Сибири. Умер в Туле, похоронен в д. Дементеево.

Жена И.В. Киреева после его смерти ежегодно, по ходатайству III отделения, получала пособие, полагавшееся мужу, а также деньги из «малой артели декабристов». Мать Киреева также неоднократно пользовалась единовременными пособиями из III отделения ввиду бедственного материального положения.

Краснокутский Семен Григорьевич (1787 или 1788–03.02.1840), действительный статский советник, обер-прокурор в I отделении 5 департамента Сената. Происходил из дворян Киевской губернии, воспитывался в 1-м кадетском корпусе, выпущен прапорщиком в Семеновский полк в 1805 г. и был участником кампании 1807 г., когда за участие в битве при Фридланде награжден золотой шпагой за храбрость. Один из героев Отечественной войны (Бородино, Тарутино, Малоярославец) и заграничных походов (Люцен, бауцен, Кульм, Лейпциг, Париж), кавалер нескольких орденов, командир Олонецкого пехотного полка, уволен от службы в звании генерал-майора.

Масон, член ложи «Елизаветы к добродетели» в Петербурге (1819), член Союза благоденствия (1817) и Южного общества, участник подготовки восстания на Сенатской площади. Осужден по 8 разряду к ссылке на поселение на 20 лет и отправлен с фельдгегерем в Верхоянск Якутской обл. При отправлении Краснокутского в Сибирь был составлен его словесный портрет: рост 2 аршина 6 ¹/₂ вершков (171 см. – В.Б.), «лицо продолговатое, несколько черноватое, чистое, нос большой, несколько загнувшийся книзу, глаза серые, брови

темнорусые, на голове волосы черные, бакенбарды темнорусые». В пути место ссылки Краснокутскому изменили сначала на Якутск, куда он прибыл в 1827 г., потом был переведен в Витим и оттуда уже разрешено переселиться в Минусинск. Ссылный болел сильным расстройством опорно-двигательного аппарата и для лечения ревматизма ему было разрешено отправиться на Туркинские минеральные воды, но по дороге туда, прибыв в Красноярск, вынужден был остаться из-за паралича обеих ног. В 1838 г. он был переведен в Тобольск, где «будучи совершенно расслабленным, он, не покидая постели и умер». Похоронен в Тобольске на Завальном кладбище, но эпитафии не сохранилось.

Крюков 1-й Александр Александрович (14.01.1793–03.08.1866).

Поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, адъютант командующего 2-й армией П.Х. Витгенштейна. Из дворян Тульской губ. Отец – нижегородский губернатор Александр Семенович Крюков, мать – англичанка Елизавета Ивановна Манжен. За отцом в Крапивенском уезде Тульской губернии числилась 371 душа крепостных крестьян (мужского пола, только они учитывались при переписи (ревизиях) населения). Там же в Тульской губернии в с. Умчине у Крюковых был конный завод. Воспитывался А.А. Крюков

в Петербурге сначала в пансионе Криля (1803) и Мейера (1806). Начал службу в конном полку нижегородского ополчения, где стал корнетом, а затем участвовал в заграничных походах русских войск. С 30 января 1819 г. занимал должность адъютанта графа Витгенштейна, что давало ему возможность быть в курсе всех дел на юге России.

Член Союза благоденствия (1820) и Южного общества. Осужден, как и брат Н.А. Крюков, по II разряду и по конфирмации приговорен к 20 годам каторги, которая затем была сокращена до 10 лет. При отправлении в Сибирь был составлен словесный портрет

А.А. Крюкова: рост 2 аршина 7 $\frac{5}{8}$ вершка (175 см. – В.Б.), «лицо смугловатое, продолговатое, чистое, глаза карие, нос длинный, остр, волосы на голове и бровях темнорусые».

После отбытия заключения в Чите и на Петровском заводе А.А. Крюков с братом поселился в Минусинске Енисейской губернии, где они выстроили себе обширный дом и активно занимались земледелием и скотоводством. Ходатайства о переводе на Кавказ рядовыми, подававшиеся ими, отцом и сестрой, были отклонены, только по ходатайству матери им было разрешено вступить в гражданскую службу в Сибири канцелярскими служителями 4-го разряда в 1852 г. Через 6 лет А.А. Крюков стал коллежским регистратором, а после смерти матери унаследовал 65 тыс. руб. и дом в Нижнем Новгороде. После амнистии 1856 г. Крюков приезжал в Нижний, но вскоре вернулся обратно в Минусинск к своей семье. Жена у него в Сибири была Анна Николаевна Якубова (1817 г. р.), крестьянка Лифляндской губернии, сосланная в Сибирь на поселение за умерщвление своего незаконного ребенка (гражданский брак с 1841 г., обвенчаны 02.02.1853 г.). Тем не менее в 1859 г. Крюковы всей большой семьей (9 детей) переехали в Европейскую Россию и поселились в Киеве. После того как им разрешили выезд за границу, они переехали в Брюссель, где Крюков, согласно архивным данным, умер в 1866 г. от холеры.

Крюков 2-й Николай Александрович (1800–30.05.1854). Поручик квартирмейстерской части (брат предыдущего). Из дворян Тульской губернии, воспитывался в Московском университетском пансионе до 1813 г., затем в Нижнем Новгороде в пансионе Стадлера, потом находился в доме родителей, где его учил гувернер, французский эмигрант Морино, учителя местной гимназии Алферьев и Протопопов и англичанин Вольгемут. Поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых, которое благополучно закончил и был выпу-

щен прапорщиком в 1819 г. С апреля 1820 г. находился на съемках местности в Подольской губернии, где быстро получил очередные звания подпоручика и поручика и даже орден св. Анны 4-й степени. В 1825 г. командирован для съёмки Киевской губернии.

Член Союза благоденствия (1820) и Южного общества. Арестован почти сразу же после ареста П.И. Пестеля, с которым у Крюковых были дружеские отношения, подкрепленные совместной службой в штабе 2-й армии и принадлежностью к тайному обществу. Дальнейшая судьба полностью совпадает с судьбой брата, т. к. они были отправлены в Сибирь по одинаковой статье, вместе прошли каторгу и оба были посланы в Минусинск. Приметы Н.А. Крюкова: рост 2 аршина 6 $\frac{7}{8}$ вершков (172 см. – В.Б.), «лицо белое, круглое, глаза голубые, нос прямой, продолговат, волосы на голове и бровях светлорусые». Жена (гражданская с 1842 г., обвенчаны 09.11.1853 г.) – Марфа Дмитриевна Сайлотова, урожденная Чотушкина, дочь хакаса и русской крестьянки, до этого была кухаркой у декабристов братьев Беляевых. Сыновья этой семьи носили фамилию Сайлотовых, и один из них, Иван, был студентом Московского университета, а другой, Тимофей (1845–1918), всю жизнь проработал учителем, стал почетным гражданином Минусинска, в конце XIX в. безуспешно ходатайствовал о восстановлении за собой отцовской фамилии. На воспитании у Н.А. Крюкова находились два сына Марфы Сайлотовой от первого брака, Михаил и Василий Сайлотовы. Умер Н.А. Крюков гораздо раньше своего старшего брата в Минусинске, могила не сохранилась.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (10.06.1797–11.08.1846), отставной коллежский ассессор, литератор. Родился в Петербурге. Отец – статский советник, саксонский дворянин, агроном, первый директор Павловска, был близок к императору Павлу в последние годы его жизни. До 1808 г. В.К. Кюхельбекер жил в пожалованном отцу Павлом I имении Авином, а затем, по рекомендации дальнего родственника М.Б. Баркляя-де-Толли, был определен в частный пансион Бринкмана при уездном училище в г. Верро в Лифляндии (совр. Финляндия), а в 1811 г. в Царскосельский лицей. В июне 1817 г. Кюхельбекер окончил его с чином IX класса и вместе с А.С. Пушкиным, своим товарищем по первому выпуску лицея, был зачислен в Коллегию иностранных дел. Одновременно Кюхельбекер преподавал русский и латинский язы-

ки в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте (впоследствии 1-я гимназия и Петербургский университет). В 1820 г. он вышел в отставку и выехал из Петербурга за границу при обер-камергере А.Л. Нарышкине (рекомендован А.А. Дельвигом, своим лицейским товарищем и известным литератором).

После пребывания в Германии и южной Франции в марте 1821 г. приехал в Париж, где в антимонархическом обществе «Атеней» читал публичные лекции о славянском языке и русской литературе. Их содержание стало известно правительству и вызвало неудовольствие, и Кюхельбекеру было предложено немедленно вернуться

в Россию. В конце 1821 г. он был назначен чиновником особых поручений при наместнике на Кавказе А.П. Ермолове с чином коллежского асессора, но оставался в этой должности недолго, до мая 1822 г., когда после дуэли с Похвисневым вынужден был выйти в отставку и покинуть Тифлис. Год жил после этого в имении своей сестры Ю.К. Глинки в Смоленской губ., а с 30 июля 1823 г. поселился в Москве, где преподавал в Университетском пансионе и давал уроки в частных домах, занимаясь одновременно литературной деятельностью. В 1824–1825 гг. издавал с князем В.Ф. Одоевским сборник «Мнемозина», а в апреле 1825 г. переселился в Петербург и жил сначала у своего брата М.К. Кюхельбекера, а с октября – с декабристом князем А.И. Одоевским. Крестьян В.К. Кюхельбекер не имел.

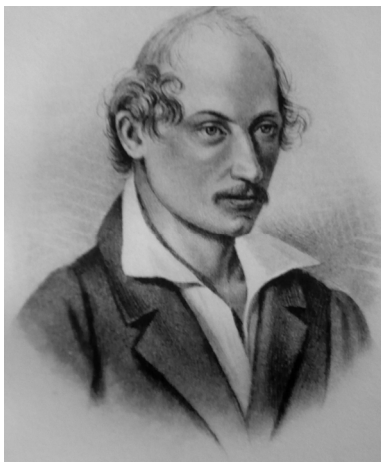
Член преддекабристской организации «Священная артель» и Северного общества. Активный участник восстания на Сенатской площади, во время восстания стрелял в генерала Воинова. После разгрома восстания Кюхельбекер бежал из Петербурга, и арестован при въезде в предместье Варшавы унтер-офицером Григорьевым по следующим приметам: рост 2 аршина $9\frac{4}{8}$ вершка (184 см – по тем вре-

менам очень высокий. – В.Б.), «лицом бел, чист, волосом черн, глаза карие, нос продолговат с горбиною».

Осужден по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 20 лет, но до 1835 г. находился в различных крепостях северо-запада России. Только по высочайшему указу от 14.12.1835 г. Кюхельбекер был освобожден из крепости, и отправлен на поселение в г. Баргузин Иркутской губ. По собственному ходатайству в 1839 г. был переведен в Акшинскую крепость, где давал уроки дочерям майора Разгильдеева.

В 1844 г. переселен из Иркутской губернии в Смоленскую слободу в трех верстах от Кургана, где имел небольшой деревянный дом, занимался в меру своих слабых сил хозяйством для обеспечения существования своей семьи, но особых успехов в этом не достиг. Во время ссылки Кюхельбекер продолжал заниматься поэзией, и оставил потомкам достаточно обширное творческое наследие, которое, однако, при жизни поэта востребовано не было. Вскоре обострились болезни ссыльного, Кюхельбекер начал слепнуть, и было получено разрешение переехать для лечения в Тобольск, где он вскоре и умер. Эпитафия на его могиле: «Здесь покоится прах Вильгельма Карловича Кюхельбекера, родился 10 июня 1797 г., скончался 11 августа 1846 г. «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас». Матвей, гл. 11, ст. 28». Жена Кюхельбекера Дросида Ивановна вскоре передала их детей (сын Михаил и дочь Устинья, названных в честь брата и сестры) на воспитание сестре Вильгельма Карловича Юстине Глинке под фамилией Васильевых. По Манифесту об амнистии 26.08.1856 детям была дарована фамилия отца. Вдова Кюхельбекера жила в Иркутске, хотя некоторое время находилась на иждивении И.И. Пущина и жила в его доме в Ялуторовске, получая от казны пособие в 114 руб. 28 коп. в год. По ходатайствам генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова и чиновника особых поручений при нем А. Макарова ей с 1863 г. выдавалось еще пособие от Литературного фонда по 180 руб. в год.

Кюхельбекер Михаил Карлович (1798–1859), лейтенант Гвардейского экипажа (брат Вильгельма Карловича). Воспитывался в морском кадетском корпусе, куда поступил в 1811 г. После его окончания ходил по Балтийскому морю, в 1819 г. в на бриге «Новая

земля» ушел в плавание по Северному Ледовитому океану к берегам Новой Земли, получив после этого звание лейтенанта, а затем ушел в большое плавание к Камчатке на шлюпе «Аполлон», за что был награжден высоким орденом Владимира 4-й степени. Крестьян не имел.

Членом Северного общества не был, но принимал активное участие в восстании на Сенатской площади. После расстрела восставших он сам явился к великому князю Михаилу Павловичу, младшему брату императо-

ров Александра I и Николая I, и был отведен сначала в канцелярию Семеновского полка, а затем в Петропавловскую крепость. Осужден был по V разряду в каторжные работы на 8 лет, потом срок был сокращен до 5 лет. При отправлении в Сибирь был составлен словесный портрет М.К. Кюхельбекера: рост 2 аршина 7 ⁷/₈ вершков (177 см. – В.Б.), «лицо белое, продолговатое, глаза карие, нос большой, остр, широковатый, на левую сторону кривоват, волосы на голове и бровях темнорусые». По окончании срока указом 10.07.1831 г. обращен на поселение в заштатный г. Баргузин Иркутской губ. Здесь он женился на мещанке Анне Степановне Токаревой, но после доноса в Синод брак этот был расторгнут по случаю того, что ранее до брака он крестил ее незаконнорожденного ребенка. Ситуацию образно и красиво обрисовал его брат Вильгельм, известный литератор, друг А.С. Пушкина: «По прибытию в Баргузин брат мой помещен был на жительство в дом теперешней его тещи; она, которая впоследствии сделалась его женою, была в отсуствии, – она находилась в услужении в пятидесяти верстах отсюда. По возвращении ее домой оказалось, что она беременна. Когда она разрешилась от бремени, мать хотела прогнать ее от себя. В столь горестном положении она обратилась к брату моему с просьбой взять на себя попечение об ее ребенке. Он изъявил на то свою готовность, тем более, что был в то время совершенно одинок и надеялся в мальчике воспитать себе сына. Велев окрестить ребенка, он примирил с матерью не-

счастную дочь. С одной стороны благодарность, с другой – потребность иметь существо, которое бы принимало в нем искренне участие, сближало их; произошла связь, последствием которой была вторичная беременность молодой девушки. Хотя истинный христианин не позволит того, но и не бросит первого камня в молодых людей, тем более, что брат мой тотчас изъявил готовность не одними словами, а на самом деле доказать свое раскаяние. Он испрашивал у высшего начальства позволение жениться на матери своего ребенка, получил его и обвенчан с нею без малейшего препятствия со стороны духовенства, с одним только условием: воспитывать детей в греко-русской вере. Теперь оказывается, что священник, венчавший их, будучи начальником одного из своих товарищей, преданного пьянству, часто бывал принужден удерживать его от этого порока. Последний из мщения донес на него, будто он многих сочетал браком, в том числе брата моего, в противность существующих постановлений. Иркутское епархиальное начальство разлучило брата моего с его женою впредь до окончательного решения дела этого в синоде. Священник, венчавший их, равно как и оба ребенка, между тем скончались (последний вскоре после крещения и не будучи внесен в метрические книги)». Брак был расторгнут и супруги подлежали разлучению, тем не менее они продолжали жить вместе и прижили шестерых детей.

По амнистии 26.08.1856 г. М.К. Кюхельбекер был восстановлен в правах потомственного дворянства, по высочайшему повелению освобожден от надзора, но выезжать из Сибири отказался. За год до своей смерти, в 1858 г., он обращался в министерство финансов с просьбой о выдаче ему разрешения на разработку золотых россыпей в Восточной Сибири. Но было уже поздно, не удалось опытному морскому офицеру, каторжнику и земледельцу, который еще занимался промысловым ловом омуля на Байкале, испытать себя еще в одной отрасли предпринимательства.

Лихарев Владимир Николаевич (1803–10.07.1840), подпоручик по квартирмейстерской части, осужден по VII разряду и, пробыв на каторге всего один год вместо присужденных четырех, был отправлен в ссылку в далекий северный Кондинск, где провел 2 года. До 15 лет воспитывался дома под руководством известного педагога Де-лиля, затем у пастора Галлера, после чего поступил в Московское

учебное заведение для колонновожатых и в 1820 г. был выпущен оттуда прапорщиком. Член Южного общества. Отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь с описанием следующих примет: «Рост 2 аршина 7 с половиной вершков (175 см. – В.Б.), лицо белое, продолговатое, глаза серые, нос посредственный, продолговат, волосы на голове и бровях светлорусые, на правом боку ниже ребер шрам и пуля внутри». В военных действиях Лихарев не участвовал, следо-

вательно, можно с уверенностью предположить, что пуля застряла у него от выстрела из дуэльного пистолета. Случайный выстрел при неосторожном обращении с оружием также можно предположить, но с гораздо меньшей вероятностью.

В 1830 г., «снисходя к просьбе матери преступника», высочайше было разрешено поселиться в Кургане. Получал от семьи по 1 тыс. руб. в год, но были, по его словам, большие расходы на лечение в Тобольске, где ему делали операцию по извлечению пули. Однако это была только малая часть его расходов, т. к. от представителей разных сибирских торговых фирм поступили прошения о взыскании с Лихарева долгов на сумму более 6 тыс. руб. Молодой человек просил у своего знакомого графа Бобринского занять ему 7 тыс. руб., но тот не дал, т. к. родственники Лихарева не брали на себя обязательства к уплате просимой им суммы. Тогда для уплаты срочных долгов он занял 500 руб. у своего товарища по ссылке Лорера, а остальные obligations выплачивать из присылаемых ему денег.

В канцелярию генерал-губернатора регулярно поступали доносы о том, что государственные преступники Фохт и Лихарев «показываются беспрепятственно в тамошних обществах и взаимно открытым способом посещаются курганскими чиновниками и гражданами». Однако воспретить общаться и кредитовать ссыльных декабристов властям не удалось. По словам А.И. Дмитриева-Мамонова, жители Кургана «не переставали искать знакомства с декабристами, сознавая их

высшее по сравнению с ними развитие и благородство воспитания». В 1837 г. В.Н. Лихарев отправился на почтовых лошадях в Тифлис в качестве рядового отдельного Кавказского корпуса. Жизнь, полная задора и огня, продолжалась, чтобы закончиться в битве с горцами (возможно под Валериком) в июле 1840 г.

Лорер Николай Иванович (1798 – май 1873), майор Вятского пехотного полка, из дворян Херсонской губ. Отец – коллежский советник, впоследствии Херсонский вице-губернатор, Иван Иванович Лорер; мать – княжна Екатерина Евсеевна Цицианова. Воспитывался в доме известного литератора П.В. Капниста, а затем в Дворянском полку при 2-м кадетском училище, где чуть раньше получали образование будущие декабристы Г.С. Батеньков и В.Ф. Раевский. Выпущен прапорщиком в ноябре 1812 г., участник заграничных походов 1813–1814 гг. (Дрезден, Кульм, Лейпциг, Париж). В ноябре 1819 г. уволен от службы по семейным обстоятельствам, но через полгода поступил в лейб-гвардии Московский полк, где вскоре получил звание майора и перевелся в Вятский полк, которым, как известно, командовал полковник П.И. Пестель.

Масон, член ложи «Палестина» и заграничной ложи в Оффенбахе. Член Северного общества (принят в него в 1824 г. Е.П. Оболенским) и Южного общества. Н.И. Лорер был осужден по IV разряду и отправлен в Сибирь из Петропавловской крепости 27 января 1827 г. со следующими словесными приметами: рост 2 аршина 8 вершков (177,4 см. – В.Б.), «лицо белое, круглое, чистое, глаза темнокарие, нос большой, востр, с горбиною, волосы на голове и бровях темнорусые, немного взлысоват».

Отбыв 8 лет каторги, Лорер был отправлен в Курган, куда и прибыл в марте 1833 г., где поселился вместе с М.М. Нарышкиным по причине «невозможности получать помощь от родных». Хозяйством он здесь не занимался, отдав свои выделенные по закону о ссылке

ных 15 десятин Розену и Нарышкину. Собственных средств не имел, и в Кургане поселился у М.М. Нарышкина, с которым и отправился вместе служить рядовым на Кавказ летом 1837 г. Через 3 года он уже стал прапорщиком и еще через два года, в 1842 г., вышел в отставку. Сначала поселился в родном Херсоне, а затем переехал к брату в имение. В 1851 г. после его смерти Н.И. Лорер по завещанию и разрешению министра внутренних дел стал владельцем родового имения, был освобожден от надзора и получил разрешение выезжать в Москву. Умер в Полтаве.

Лунин Михаил Сергеевич (29.12.1787–03.12.1845). Подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Родился в Петербурге, раннее детство провел в Тамбовской губ. Православного вероисповедания, впоследствии перешел в католичество. Воспитывался дома, учителя – англичанин Форстер, французы – Бюте, Картье, аббат Вовилье (воспитавший его в духе католичества), швейцарец Малерб, швед Килурф. За Луниным в Тамбовской и Саратовской губерниях числилось 929 душ крепостных крестьян.

В службу М.С. Лунин вступил в 1803 г. юнкером лейб-гвардии Егерского полка, затем переведен в лейб-гвардии Кавалергардский полк, с которым прошел войны 1805–1807 гг., участник войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красное), заграничных походов русской армии (Люцен, Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Фер-Шампенуэ, Париж), вернулся с полком в Петербург и в октябре 1815 г. уволен в отставку. Уехал в Париж изучать новые социальные учения и, разочаровавшись в них, снова поступил на службу ротмистром Польского уланского полка, служил на территории Польши, затем переведен в Варшаву в свиту брата императора, великого князя Константина Павловича.

Масон, член ложи «Трех добродетелей». Член Союза спасения (1816), член Союза благоденствия (участник Московского заговора

1817 г. с целью покушения на императора и петербургских совещаний 1820 г. о предстоящих действиях) и Северного общества. Осужден по I разряду и по конфирмации приговорен к 20 годам, а потом срок сокращен до 15 лет каторги. Приметы М.С. Лунина: «рост 2 аршина 8 $\frac{5}{8}$ вершка (180 см. – В.Б.), лицо белое, продолговатое, глаза карие, нос средний, волосы на голове и бровях темнорусые». По указу 14.12.1835 г. переведен на поселение в с. Урик Иркутского округа, некоторое время проживал в Иркутске, а затем в ноябре 1836 г. поселился в выстроенном для себя доме. Пытался заниматься хозяйством, но склонности к этому не имел. В одном из писем он об этом писал так: «Моей деятельности мешает задержка денег, запрещение ездить и опасения, которые я внушаю властям. Но, с другой стороны, я избавлен от податей и барщины. Одно вознаграждается другим. По правде сказать, главная помеха – это книжные занятия. Платон и Геродот не очень-то ладят с плугом и бороной. Вместо того, чтобы надсматривать над работами в поле, я забавляюсь смотром своих книжонок».

За «Письма из Сибири», пересылавшиеся Луниным сестре Екатерине, в замужестве Уваровой, запрещена переписка на год. В результате доноса иркутского чиновника Успенского, доставившего генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту сочинение М.С. Лунина «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 г.», высочайше повелено сделать у него обыск, бумаги отправить в III отделение, а самого Лунина отправить в Нерчинск, подвергнув строгому заключению. В апреле 1841 г. был отправлен в Акатуевский тюремный замок при Нерчинских горных заводах. В ночь на 3 декабря 1845 г. при невыясненных до конца обстоятельствах М.С. Лунин умер в Акатуе, где и похоронен.

Мозгалеvский Николай Осипович (май 1801 – 14.06.1844), подпоручик Саратовского пехотного полка, член Общества соединенных славян, осужден по XVIII разряду к лишению чинов и дворянства и ссылке на 20 лет на поселение. Происходил из мелкопоместных дворян Черниговской губ., крестьян не имел. Воспитывался дома, потом в нескольких училищах, включая Нежинское народное училище, а затем в 1 кадетском корпусе. При высылке в Сибирь был составлен портрет Мозгалеvского: «рост 2 аршина 6 $\frac{1}{2}$ вершков (170,3 см. – В.Б.), телосложения стройного, лицом бел, круглолиц, глаза серые,

большие, навывате, брови черные, нос прямой, волосы на голове весьма темнорусые и таковые же малые бакенбарды, бороду бреет, на подбородке с правой стороны и на левой руке повыше кисти родимые пятна величиною с малое гороховое зерно». Поселен в заштатном городке Нарыме, где, не имея средств к существованию, получал солдатский паек на сумму 4 руб. 35 $\frac{3}{4}$ коп. сер. в месяц, а также установленную для государственных преступников крестьянскую одежду (см. выше). С 1835 г. стал получать по 200 руб. асс. в год.

В 1830 г. по разрешению Томской администрации Мозгалевский женился на казачке Евдокии Ларионовне Агеевой (отец был записан в мещане) и купил дом ценой в 40 руб., где и проживал с семьей. Как отмечено в документах, «претерпевая тяжелую нужду, он старался увеличить средства свои к существованию с семьей занятиями по хозяйству, но суровые климатические условия Нарыма препятствовали его стремлению». Одновременно Мозгалевский пытался по суду получить право на наследование своей части родового имения, но ему было в этом отказано на основании указа от 27 марта 1753 г., по которому он должен был «почитаться политически мертвым». В 1836 г. Мозгалевский получил разрешение выехать из Нарыма в Восточную Сибирь, чем он не преминул воспользоваться, покинув негостеприимные к нему края вместе с женой, двумя сыновьями Павлом 5 лет, Валентином 3 лет и дочерью Варварой 8 лет. В 1836 г. они переселились в с. Курагинское, потом в с. Теснинское Енисейской губернии и, наконец, с 1839 г. жили в Минусинске, где Н.О. Мозгалевский и умер в 1844 г., оставив сиротами 8 детей.

Муравьев Александр Михайлович (19.03.1802–24.11.1853), корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка, член Северного общества, осужден по IV разряду. При отправлении в декабре 1826 г. из Петропавловской крепости в Сибирь был составлен словесный портрет Муравьева: «рост 2 аршина 7 $\frac{4}{8}$ вершков (175 см. – В.Б.), лицо белое, продолговатое, глаза голубые, нос прямой, остр, волосы на голове и бровях светло-русые».

Вместе с братом Никитой проживал в селе Урик близ Иркутска, где братья довольно активно занимались предпринимательством. После смерти Никиты А.М. Муравьев переведен в Тобольск, куда прибыл в середине 1845 г. вместе с женой Жозефиной Адамовной, урожденной

Бракман, служившей ранее гувернанткой в доме Муравьевых, сыном Михаилом в возрасте 2 лет и годовалой дочерью Екатериной. Значительные средства Муравьевым посылала их мать, вдова известного деятеля начала XIX в. Михаила Никитича Муравьева, генерала, товарища (заместителя) министра просвещения, основателя и руководителя знаменитой школы колонновожатых и т. д. Муравьевы поселились в одном из лучших домов Тобольска, с ними жил врач Ф.А. Вольф, получавший солидное содержание, стол и квартиру, хотя на самом деле был другом семьи и большим бессеребренником.

В Тобольске Муравьевы прожили 8 лет, щедро помогая товарищам по ссылке и бедному населению. А.М. Муравьев поступил на службу канцеляристом и через 5 лет стал коллежским регистратором. Здесь у супругов родилось еще три дочери: Алина, Александра и Лидия, но последняя из них очень рано скончалась. Благодаря хлопотам родственников удалось получить разрешение выехать в Европейскую Россию на три года раньше амнистии, но, получив этот указ 19 ноября 1853 г., 24 ноября Муравьев умер. Начало пространной эпитафии на его могиле на Завальном кладбище в Тобольске: «Александр Михайлович Муравьев, родился 1802 г. марта 19, умер 1853 г. ноября 24. Лида, дочь его, родилась 1847 г. августа 1, умерла 23 февраля 1850 г. Телом спокойнo, наш родитель милый, духом со святыми успокойся ты...».

Муравьев Артамон Захарович (03.10.1793–04.11.1846). Полковник, командир Ахтырского гусарского полка. Из знаменитого дворянского рода Муравьевых. Воспитывался в Московском университете с 1809 г., затем в Московском учебном заведении для колонновожатых, где учились многие видные декабристы. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, награжден многими российскими и иностранными орденами. Был командирован во Францию в экспедиционный корпус гр. М.С. Воронцо-

ва, где стал ротмистром, а затем в 1820 г. полковником. С декабря 1824 г. назначен командиром Ахтырского гусарского полка с дислокацией в местечке Любар близ Бердичева.

Член Союза спасения (1817) и Южного общества. Сильно не понравился императору Николаю I, который после личного допроса отправил А.З. Муравьева в Петропавловскую крепость со злобной запиской, которых не было даже в делах впоследствии казненных декабристов: «Присылаемого злодея Муравьева Артамона заковать и держать как наистроже». Осужден по I разряду и приговорен в каторжные работы вечно. Отправлен закованным в кандалы в Сибирь со следующими приметам: рост 2 аршина 8 $\frac{3}{4}$ вершка (181 см. – *В.Б.*), «лицом бел, полнолиц, глаза карие, нос средний, острый, волосы на голове черные с сединой, на бороде темнорусые, бороду и усы бреет, корпусом дороден, имеет небольшую рану на левой ноге ниже бедра, на правой руке проколото порохом Vega, что означает имя жены его». Срок сократили до 15, а затем и до 13 лет. Перед выходом на поселение родная сестра Муравьева, графиня Е.З. Канкрин, жена министра финансов Е.Ф. Канкрин, просила за своего брата, чтобы его отправили на Кавказ рядовым, но прошение было отклонено.

Некоторое время А.З. Муравьев был на лечении в Иркутске, а затем поселился в д. Малая Разводная. Лишь по традиции он избрал военную профессию, т. к. в ином случае из него получился бы выдающийся врач. Находясь в отпусках за границей, он с жадностью слушал в университетах лекции по медицинским наукам и посещал клиники. В заключении он постоянно помогал доктору Вольфу при составлении лекарств и при хирургических операциях. На поселении он помогал больным, пока не имел несчастье переломить себе руку. Надо сказать, что эта беда – хрупкие кости при большой тучности – часто приводили к такого рода травмам, но при всем этом он всегда оставался выдающимся гурманом и жизнелюбом. А.З. Муравьев прожил в этой деревне

больше 6 лет, там и умер. Был похоронен в церковной ограде с. Большая Разводная. При затоплении этого селения Иркутским морем в 1952 г. прах перенесли на Лисихинское кладбище в Иркутске.

Муравьев Никита Михайлович (09.09.1795–28.04.1843), брат А.М. Муравьева, капитан Гвардейского генерального штаба, родился в Петербурге, воспитывался дома, затем в Московском университете, по окончании которого был определен в Департамент Министерства юстиции в чине коллежского регистратора. Участник заграничных походов русской армии, за сражение под Лейпцигом награжден орденом Анны 4 ст., под Гамбургом – Владимира 4 ст.

Масон, член ложи «Трех добродетелей». Один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, член Верховной думы Северного общества и правитель его, автор проекта Конституции. Осужден по I разряду на каторжные работы на 20 лет, затем срок сокращен до 15 лет. При отправлении в Сибирь в декабре 1826 г. был составлен его словесный портрет: «рост 2 аршина 7 вершков (173 см. – В.Б.), лицо смугловатое, глаза карие, нос большой, продолговатый, волосы на голове и бровях черные с сединой, на шее подле подбородка от золотухи несколько шрамов».

Освобожден от каторжных работ в декабре 1835 г. и поселен в селе Урик Иркутского округа. В 1837 г. поселился в построенном себе просторном доме, активно занимался предпринимательством в разных отраслях сибирского хозяйства, ссужал деньги под разные проекты сибиряков. Умер и похоронен в с. Урик рядом с женой Александрой Григорьевной, урожденной графиней Чернышевой (1802–22.11.1832), и несколькими умершими в Сибири детьми.

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (18.04.1793–21.02.1886), отставной подполковник, член Южного общества. Воспитывался в семье отца, известного дипломата, писателя, члена Российской академии, а затем в Париже в пансионе Хикса и в Петербурге в Корпусе инжене-

ров путей сообщения. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, награжден многими орденами, в том числе и знаком отличия военного ордена св. Георгия (солдатский Георгиевский крест). Крупный помещик, масон, член ложи «Соединенных друзей» и «Трех добродетелей», один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, участник восстания Черниговского полка.

Сначала был приговорен на 20 лет каторги, но потом отправлен сразу на поселение. Его приметы: «рост 2 аршина, 4 $\frac{4}{8}$ вершка (161 см. –

В.Б.), лицо белое, чистое, круглое, глаза светлокарие, нос большой, остр, волосы на голове и бровях темнорусые, на правой щеке небольшие бородавки, на правой же ноге от большого пальца второй и третий вместе сросши, на правой ляжке рана от навывлет прошедшей пули и имеет шрам».

М.И. Муравьев-Апостол был отправлен в конце 1827 г. на поселение в Вилуйск, а затем в Бухтарминскую крепость в Омской области. Его сестра была замужем за влиятельным генералом Бибиковым и просила за него перед властями о послаблениях, что позволило получать от нее значительные суммы на проживание и обзаведение. Получив от нее 2 тыс. руб., он купил себе небольшой дом у чиновника Зелейщикова за 350 руб., а остальные деньги израсходовал на приобретение мельницы и устройство пасеки близ селения Бухтарминского. В архивах отложились доносы на М.И. Муравьева-Апостола в основном за контакты ссыльного декабриста с местными чиновниками и простолюдинами. В свое оправдание он писал, что это самые честные здесь люди. Например, командир пехотной гарнизонной роты Андреев, «имея большое семейство, кроме жалованья никаких средств не имеет, а на службе у царя скоро будет 50 лет». К другим людям он ходил лечить, например, крепостного человека члена Бухтарминской таможни Гаевского он вылечил от ушиба лошадью.

В 1830 г. М.И. Муравьев-Апостол вступил в законный брак с дочерью умершего священника из дворян Константинова, Марье Константиновне, которая воспитывалась у своей тетки Брант, жене чиновника Бухтарминской таможни. В 1836 г. по его просьбе был переведен в Ялуторовск, хотя просился в Курган, но там проживало уже 7 сосланных декабристов, что, по мнению властей, для одного городка было многовато. В Ялуторовске он купил себе небольшой дом, занимался хозяйством на отведенных ему 15 десятинах земли, оказывал медицинскую помощь местному населению. Не имея своих детей, Матвей Иванович взял с женой на воспитание двух девочек-сирот. Воспитывать и обучать их ему помогал его ближайший друг и однополчанин И.Д. Якушкин и другие ссыльные декабристы.

Муханов Петр Александрович

(07.01.1800–12.02.1854). Штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка. Из дворян Могилевской губ. Отец – шталмейстер (высокий придворный чин) А.И. Муханов (1766–1815), мать – Н.И. Саблукова (1779–1855), за матерью – 380 душ крепостных. Воспитывался дома (учителя – иностранец Лардийон и профессора Духовной академии Орловский и Сперанский) и в Московском университете, а затем в Московском учебном заведении для колонновожатых, куда поступил в 1815 г., а на следующий год 30 августа 1816 г. уже выпущен был прапорщиком. Служил в пионерном и саперном батальонах, в апреле 1823 г. назначен адъютантом к генералу Н.Н. Раевскому. Как написано в его формуляре, 22.05.1825 г. «возвращен во фронт», а с 14.10.1825 г. находился в отпуске. Причины и обстоятельства таких перемещений, к сожалению, не указаны.

Помимо службы П.А. Муханов был известен как литератор и историк. В 1822 г. он вместе с П.Н. Араповым составил либретто к опере Алябьева «Лунная ночь, или домовые», его статьи печатались в «Сыне отечества», «Северном архиве», «Московском телеграфе».

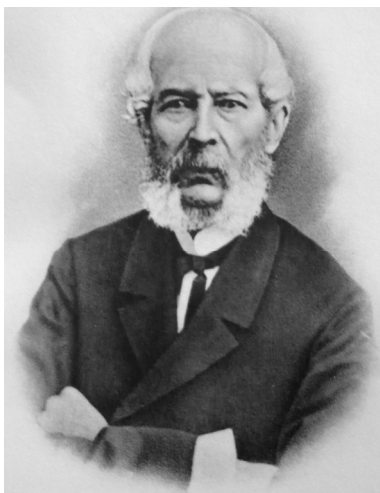
В альманахе М.П. Погодина «Уrania» помещен его очерк из московской жизни «Светлая неделя в Москве»; был близок с К.Ф. Рылеевым, который посвятил ему свою думу «Ермак».

Член Союза благоденствия (1818), знал о существовании Южного и Северного обществ, но членом ни одного из них, видимо, не был. Участвовал в совещаниях московских членов тайного общества после восстания на Сенатской площади. Осужден по IV разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 12 лет, через месяц срок был сокращен до 8 лет. Отправлен в Сибирь в сопровождении жандармов, которые имели при себе словесный портрет Муханова: рост 2 аршина 9 вершков (182 см. – *В.Б.*), «лицо белое, круглое, несколько рябоватое, глаза темнокарие, нос широковатый, волосы на голове и бровях темнорусые, на правой стороне шеи небольшая бородавка». По указу 08.11.1832 г. П.А. Муханов освобожден от каторжной работы и обращен на поселение, местом которого по выбору генерал-губернатора Лавинского назначен Братский острог Нижнеудинского округа Иркутской губ. Николай I имел личную неприязнь к Муханову и полагал поселить его в Верхоянске Якутской губернии, но родным удалось смягчить монарший гнев. В 1833 г. мать и дядя С.И. Муханов безрезультатно ходатайствовали о переводе Муханова в Западную Сибирь (резолюция А.Х. Бенкендорфа: «Отвечать, что ничего сделать нельзя, ибо очень дурно себя ведет и не достоин снисхождения»). В конце августа 1833 г. Муханов обратился к властям с просьбой о заключении брака с княжной Варварой Михайловной Шаховской, но в этом было отказано, т. к. «Муханов по правилам Греко-русской церкви по причине родства его с княжной Шаховской не может на ней жениться». В практике брачных отношений русского дворянства нередки были браки между кузенами и кузинами (двоюродными братьями и сестрами), стоило только получить разрешение Синода. В данном случае родство было не кровным: родная сестра Муханова Елизавета (1803–1836) была замужем за князем В.М. Шаховским, родным братом невесты.

Очередной запрос о переводе Муханова в Туринск, в глухой городок Тобольской губернии, получил от Бенкендорфа отказ с интересной пометкой, что подлинная записка на имя императора «уничтожена его величеством». Однако мать Муханова не оставляла надежду

перевести сына в более благополучное место и, наконец, в октябре 1841 г. по ее просьбе Муханов получил разрешение переехать в селение Усть-Куда Иркутского округа, затем съездить для лечения в Иркутск и на Туркинские минеральные воды. Умер в Иркутске, где находился «для пользования от болезни», похоронен в Знаменском монастыре.

Назимов Михаил Александрович (19.05.1801–09.08.1888), штабс-капитан лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона. Из дворян Псковской губернии. Отец – А.Б. Назимов (1760–1810), отставной секунд-майор, Островский уездный предводитель дворянства, мать – Марфа Ивановна Шишкова. В 1826 г. за семьей Назимовых числилось до 600 душ крепостных, на которых было до 70 тыс. руб. казенного и частного долга. По произведенному в 1821 г. разделу имущества М.А. Назимов получил 100 душ и принял на себя уплату 40 тыс. руб. долга. В 1825 г. прикупил еще 80 душ, затем их заложив

в Дворянский банк, что частенько делали многие помещики. Воспитывался М.А. Назимов в Петербурге в частном институте у протоиерея М.Б. Каменского. Не достигнув нескольких месяцев до 15 лет, в службу вступил юнкером в 23 конно-артиллерийскую роту, затем перевелся в лейб-гвардии Саперный батальон, а потом Конно-пионерный (инженерный) эскадрон. В сентябре 1825 г. подал прошение об отставке, но ко времени восстания ее не получил.

Член Северного общества. Приказ об аресте М.А. Нарышкина был отдан 26 декабря 1825 г., на следующий день он был допрошен Николаем I и В.В. Левашевым. После некоторого размышления 3 января 1826 г. выпущен на свободу, но 24 января вновь арестован. Когда уже в Сибири в 1832 г. брат Назимова хлопотал о смягчении наказания, то Николай I припомнил этот случай, наложив резолюцию: «Он более виноват, чем другие, ибо мне лично во всем заперся, так что,

быв освобожден, ходил в караул во внутренний и был на оном даже 6 января 1826 года».

Осужден по VIII разряду на 20-летнюю ссылку, которую отбывал сначала в Витиме в Якутии, а с 1830 г. в Кургане. Деньгами он был обеспечен и сразу же купил себе дом за 2 тыс. руб. асс., истратив дополнительно на его ремонт и строительство при нем построек еще 4 тыс. руб. В Кургане М.А. Назимов активно занимался своим хозяйством, имевшим несколько традиционных отраслей – полеводство, животноводство и огородничество. Получив в надел 15 дес. пахотной земли, еще более расширил заведенное ранее хозяйство. Щедро помогал бедным курганцам, подготовил для своих товарищей по восстанию и ссылке, которые прибыли в Курган позднее, радушный прием и оказал помощь, оставив о себе среди разных слоев населения самое выгодное мнение.

По высочайшему повелению, объявленному военным министром 21.06.1837 г., определен рядовым в Кавказский корпус в Кабардинский егерский полк. За отличие в делах против горцев получил первый офицерский чин прапорщика в 1843 г. с переводом в 9-й Грузинский линейный батальон. В марте 1845 г. за отличие получил звание подпоручика и на следующий год уволен в отставку поручиком с разрешением жить в Пскове под секретным надзором. Вскоре надзор был снят, но М.А. Назимов занялся активной общественной деятельностью по освобождению крестьян. В 1858–1859 гг. он член Псковского комитета по улучшению быта крестьян, с 1861 г. – мировой посредник, в 1865 г. был избран первым председателем Псковской губернской земской управы, в 1866 г. выбран почетным мировым судьей по Псковскому уезду. Умер М.А. Назимов в глубокой старости в Пскове и похоронен на Дмитровском кладбище. Рядом похоронена его жена (с весны 1847 г.) – Варвара Яковлевна Подколзина (1819–11.11.1865), на его сестре был женат декабрист М.И. Пущин, также принимавший деятельное участие в освобождении крестьян.

Нарышкин Михаил Михайлович (04.02.1798–02.01.1863), полковник Тарутинского пехотного полка. Из дворян Московской губернии. Отец – крупнейший в России помещик, за ним в четырех губерниях в 1802 г. числилось 8275 душ крепостных, мать была из рода князей Волконских. Воспитывался М.М. Нарышкин сначала дома (учителя –

немцы Гесслер и Кастнер), в 1815 г. посещал занятия в Московском учебном заведении для колонновожатых, в 1818–1819 гг. слушал в Петербурге частные лекции профессоров Куницына, Германа и Соловьева.

В службу вступил подпрапорщиком в Псковский пехотный полк в апреле 1815 г., а в декабре 1823 г. уже был переведен в лейб-гвардии Измайловский полк полковником. Затем был переведен в Тарутинский полк, который стоял в Москве. Член Союза благоденствия (1818) и Северного общества, участвовал в переговорах Северного и Южного обществ, участник подготовки восстания в Москве в декабре 1825 г.

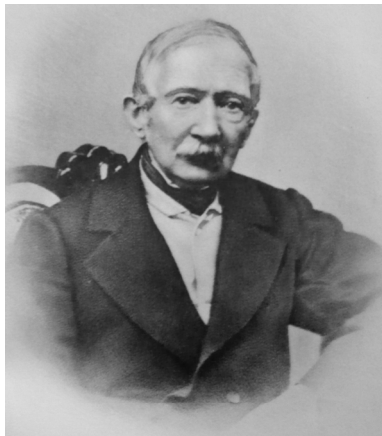
Осужден по IV разряду и приговорен сначала к 12 годам каторги, а затем срок сокращен до 8 лет. При отправлении был составлен словесный портрет М.М. Нарышкина: рост 2 аршина 8 $\frac{4}{8}$ вершка (180 см. – В.Б.), «лицо белое, круглое, глаза карие, нос широкий, остр, волосы на голове и бровях темнорусые, на бороде на левой стороне небольшая природная бородавка и глазами близорук».

Только 1833 г. он освободился от каторжных работ. По просьбе тещи Нарышкина графини Коновницыной был отправлен в Курган, город с самыми благоприятными в Западной Сибири климатическими условиями. В ссылку ехал вместе со своим другом Н.И. Лорером, а следом ехала его жена с воспитанницей Ульяной Чунатовой. Собственных детей у Нарышкиных не было. Материально Нарышкины были обеспечены очень хорошо и у них, как и у Розенов, были свои крепостные слуги. В Кургане Елизавета Петровна Нарышкина купила дом за 5650 руб. и истратила на ремонт и обстановку еще 4 тыс. руб. Вслед за этим в дом были завезены из России предметы роскоши, включая картины, ковры, стильную мебель, колониальные изделия, а также прибыли крепостные слуги и кровные лошади, разведением которых и занялся М.М. Нарышкин. К сожалению, развитие коневодства в Сибири не было им доведено до конца, и сибирская рысистая

лошадь не стала устойчивой породой лошадей, т. к. Нарышкин вместе с другими курганскими изгнанниками отправился в отдельный Кавказский корпус.

На Кавказе он попал в Навагинский пехотный полк в 1837 г., принимал активное участие в боевых действиях и 1 января 1841 г. вновь, как в 1815 г., стал подпрапорщиком. В июне 1843 г. Нарышкин получил первое офицерское звание прапорщика и был уволен в отпуск на 6 месяцев. После непродолжительных хлопот удалось избавиться от военной службы и получить право «безвыездно жить в с. Высоком Тульского уезда, причем для всех отлучек требовать особое разрешение». От всех ограничений освобожден по Манифесту об амнистии 26.08.1856 г., в 1859 г. ездил в Париж и на юг Франции. Похоронен в Москве в Донском монастыре.

Оболенский Евгений Петрович (06.10.1796–26.02.1865), князь, поручик лейб-гвардии Финляндского полка, старший адъютант дежурства всей пехоты гвардейского корпуса.

Родился в Новомиргороде. Отец – князь Петр Николаевич Оболенский, действительный статский советник, тульский губернатор; мать – Анна Евгеньевна Кашкина (умерла в 1810 г.). За отцом в разных губерниях числилось 1348 душ крепостных крестьян, на которых было 338 тыс. руб. долга. Воспитывался дома у французских гувернеров. В службу Е.П. Оболенский вступил юнкером в 1-ю лейб-гвардии артиллерийскую бригаду в марте 1814 и только в апреле 1821 г. стал поручиком Финляндского полка. Однако невысокое звание позволило ему быть значительным должностным лицом при командире Гвардейского корпуса К.И. Бистроме, которое могло указывать на упущения по службе офицерам гораздо старше его по званию, в том числе и будущему императору Николаю I.

Член Союза благоденствия и Северного общества (член Коренной управы и один из ее правителей, заместитель диктатора восстания С.П. Трубецкого на Сенатской площади).

Осужден по I разряду (главное обвинение – нанесение раны штыком генералу Милорадовичу), приговорен в каторжные работы вечно. Однако срок сократили до 13 лет, и Е.П. Оболенский с 1842 г. находился на поселении в Туринске, с 1843 г. – в Ялutorовске. Женился на «вольнотпущенной из рабства чиновником Блохиным и причисленной в мещанское звание девице Варваре Барановой», которая была сначала у Пущина и Оболенского, проживавших вместе, горничной. Занимался чтением книг преимущественно духовного содержания. По свидетельству полиции, с 1849 г. стал заниматься хозяйством. Запросы о благонадежности Е.П. Оболенского неоднократно подтверждали его высокий моральный облик и примерное поведение. В семье Оболенского родилось 9 детей (5 мальчиков и 4 девочки). После амнистии всей семьей проживали в Калуге, где Е.П. Оболенский и умер.

Одоевский Александр Иванович (26.11.1802–15.08.1839), корнет

лейб-гвардии Конного полка, поэт. Отец – генерал-майор, князь Иван Сергеевич Одоевский (1769–06.04.1839), мать – княжна Прасковья Александровна Одоевская (двоюродная сестра отца, умерла 09.10.1820). Воспитывался А.И. Одоевский дома в традициях богатых дворянских семей, с иностранными и отечественными учителями, приходившими для дачи уроков на дом к ученику. Сначала служил канцеляристом в Кабинете его императорского величества, и только в октяб-

ре 1821 г., когда он был признан в дворянском достоинстве, вследствие повеления цесаревича Константина Павловича произведен в юнкера лейб-гвардии Конного полка. 23 февраля 1823 г. он стал кавалерийским офицером – получил первый чин корнета. Одновременно со службой, которая не была слишком обременительной для него, Одоевский занимался литературой, печатался в журналах, был дружен с А.С. Грибое-

довым, А.А. Бестужевым, К.Ф. Рылевым. За ним числилась в Ярославской и Вологодской губерниях 371 душа крепостных крестьян.

Член Северного общества (1825), участник восстания на Сенатской площади, добровольно явился к петербургскому обер-полицеймейстеру Шульгину 16 декабря 1825 г. Осужден по IV разряду и по конфирмации приговорен сначала к 12 годам каторжных работ, но вскоре срок сокращен до 8 лет. Отправлен в Сибирь 2 февраля 1827 г. со следующими приметам: рост 2 аршина $7\frac{7}{8}$ вершков (177 см. – В.Б.), «лицо белое, продолговатое, глаза темнокарие, нос остр, продолговат, волосы на голове и бровях темнорусые, на левой брови небольшой шрам от конского ушиба». В ноябре 1832 г. Одоевский был обращен на поселение в Тальминскую казенную фабрику Иркутской губернии и, лишившись поддержки товарищей, впал в депрессию. Автор ответа на стихотворное послание А.С. Пушкина «Струн вещей пламенные звуки...» пишет Николаю I письмо о своем раскаянии с просьбой о прощении. С 1833 г. находился в с. Елани Иркутской губ., где построил себе дом. Перед отъездом в Западную Сибирь оставил его и «все домообзаведение свое» декабристу В.И. Штейнгелю.

По ходатайству отца, поддержанному князем И.Ф. Паскевичем, переведен в 1836 г. в г. Ишим Тобольской губернии. Материальных забот не знал, т. к. своим отцом снабжался средствами с избытком. Хозяйством в Ишиме не занимался и прожил здесь всего один год, хотя в Восточной Сибири построил себе деревянный дом и имел небольшое хозяйство. Талантливый поэт, который мало ценил свое творчество, но смог сформулировать кредо декабристов в Сибири в своем ответном стихотворении А.С. Пушкину: «Но будь покоен, бард! – цепями, / Своей судьбой гордимся мы, / И за затворами тюрьмы / В душе смеемся над царями. / Наш скорбный труд не пропадет, / Из искры возгорится пламя, / И просвещенный наш народ / Сберется под святое знамя».

По высочайшему повелению (письмо военного министра графа Чернышева от 21.07.1837) А.И. Одоевский зачислен рядовым в Кавказский отдельный корпус, причем разрешено от Казани следовать к месту назначения на почтовых с жандармом. Зачислен в Нижегородский драгунский полк, был близок с М.Ю. Лермонтовым, служившим с ним в одном полку. Лермонтов посвятил ему стихотворение «памяти

А.И. Одоевского». В 1839 г. в Пятигорске Одоевский познакомился с Н.П. Огаревым, другим поэтом, соратником А.И. Герцена. Умер в Псезуапе от малярии во время экспедиции на восточный берег Черного моря.

Окулов (Акулов) Николай Павлович (родился в 1797 или 1798 г.). Лейтенант Гвардейского экипажа. Из дворян. Отец – пошехонский помещик Павел Матвеевич Окулов, мать – урожденная Румянцева. Воспитывался в Морском кадетском корпусе, куда поступил 16.02.1810, гардемарин – 22.10.1812, мичман – 24.06.1815, лейтенант – 27.02.1820, определен в Гвардейский экипаж – 26.03.1825 и командовал придворной яхтой (галеотом) «Церера». С 1813 г. совершал плаванья по балтийскому морю, в 1824 г. на фрегате «Легком» плавал к Исландии. За ним числилось в Пошехонском уезде Ярославской губернии 16 душ крепостных.

Член тайного Общества гвардейского экипажа, участник восстания на Сенатской площади. Осужден по XI разряду и по конфирмации приговорен к отправлению рядовым в дальние гарнизоны. Определен рядовым в Томский гарнизонный батальон 20 августа 1826 г., но, судя по всему, до Томска не добрался, и 8 марта 1827 г. переведен в 42-й егерский полк на Кавказ. Участник русско-персидской и русско-турецкой войн, быстро стал офицером: за отличие в экспедиции против горцев произведен в прапорщики с переводом в 9-й Черноморский батальон подпоручиком. Уволен от службы по болезни в феврале 1838 г. и жил в с. Владычье Пошехонского уезда Ярославской губ. Кроме всего прочего, его сестра Елена была замужем за флота лейтенантом В. Лениным, эта фамилия не так уж и редка была среди русского дворянства.

Панов 2-й Николай Алексеевич (1803–14.01.1850). Поручик лейб-гвардии Гренадерского полка. Из дворян. Воспитывался дома, наставники – иностранцы. В службу вступил подпрапорщиком Гренадерского полка в сентябре 1820 г., одно время был батальонным адъютантом. За ним с братом в Пензенской, Калужской и Владимирской губерниях числилась 861 душа крепостных крестьян (помещики «средней руки», как тогда говорили).

Член Северного общества (1825), участник восстания на Сенатской площади. На другой день после восстания, утром 15 декабря, доб-

ровольно явился в Петропавловскую крепость и был арестован. Однако сразу же проявил свой бойцовский характер и Николай I отправил его в крепость со следующей запиской: «Присланного Панова как самого упрямого посадить тоже в Алексеевский рavelин и содержать наистрожайше».

Осужден по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно. В Сибирь панов был отправлен со следующим описанием его внешности: рост 2 аршина 4 ⁴/₈ вершка (162 см. – В.Б.), «лицом бел,

круглолиц, глаза голубые, волосы на голове и бровях светлорусые, нос мал». Странно, что такого малого ростом и совершенно не мужественной наружности офицера поставили командиром к гренадерам, отличавшимся громадным ростом и грозной для врага наружностью. Тем не менее солдаты боготворили своего командира и вышли с ним на Сенатскую площадь.

Вскоре срок для Н.А. Панова уменьшили до 15 и 13 лет. После отбытия срока был обращен на поселение и водворен в с. Михайловское Жилкинской волости Иркутского округа. Занимался своим хозяйством, на отведенной для него земле в 15 десятин, построил дом и хозяйственные пристройки. Однако без друзей и привычного для каторги общения со своими единомышленниками скучал, и добился разрешения съездить сначала на Туркинские минеральные воды, а затем переселиться в с. Урик Кудинской волости Иркутского округа. Через 5 лет после переселения на новое место он умер и похоронен в Иркутске в Знаменском монастыре.

Повало-Швейковский Иван Семенович (1787 или 1788–10.05.1845), полковник Саратовского пехотного полка. Из дворян Смоленской губернии: отец – премьер-майор, мать – Пелагея Ивановна Верховская, у них 214 душ крестьян в Смоленской губернии. Воспитывался в московском университетском пансионе, а затем дома (учителя Новиков, Готард и Абраль). В службу вступил унтер-офицером в Московский

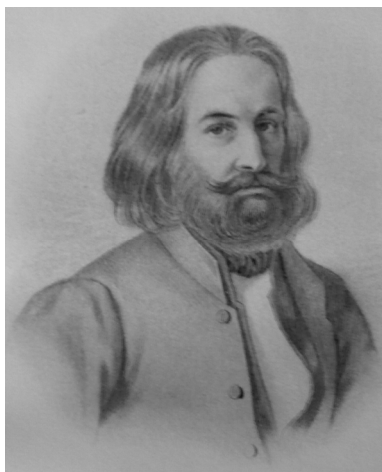
гренадерский полк 16 января 1801 г., через три года стал прапорщиком и батальонным адъютантом, а затем подпоручиком и адъютантом полка, должность ответственная и связанная со многими хлопотами, что-то вроде начальника штаба части, на которую назначали наиболее грамотных и ответственных офицеров. Повало-Швейковский был участником многих войн: много раз был ранен и контужен, кавалер многих отечественных и иностранных орденов, в 30 лет командир Алексопольского полка, с которым вернулся в Россию, но летом 1825 г. неожиданно отстранен от командования полком и переведен простым полковником в Саратовский полк.

Член Южного общества, осужден по I разряду на каторжную работу вечно. 17 июня 1827 г. отправлен в Сибирь со следующими приметами: рост 2 аршина 7 вершков (173 см. — *В.Б.*), «лицом бел, кругл, волосы на голове и бровях светлорусые с сединою, глаза голубые, нос прямой».

С 1840 г. на поселении в Кургане, где получал от матери значительные средства, на которые приобрел обширный деревянный дом за 2 тыс. руб. асс. Жил скромно, занятий не имел, постоянно болел и умер 10 мая 1845 г. в возрасте 56 лет. Все свое имущество Повало-Швейковский завещал находившейся у него в услужении вдове Анне Даниловне Ризенковой.

Поджио 1-й Александр Викторович (14.04.1798–06.06.1873). Отставной подполковник. Родился в г. Николаеве, католик. Отец — итальянец Виктор Яковлевич (Витторио Амадео) Поджио, выслужившийся из подлекарей (фельдшеров) секунд-майор, занимавшийся в отставке предпринимательством. Мать — Магдалина Осиповна Даде (умерла после 1842 г.), за матерью в с. Яновке Чигиринского уезда Киевской губернии числилось 398 душ крепостных крестьян, заложенных в Государственном банке. Воспитывался А.В. Поджио в Одесском училище, до вступления в службу находился дома. В службу вступил в

лейб-гвардии Преображенский полк в 1814 г., и за 8 лет дослужился до майора в Днепровском пехотном полку, уйдя в отставку 31 марта 1823 г. подполковником.

Член Южного общества (1823). Арестован в своем имении Яновка, и в январе 1826 г. доставлен в Петропавловскую крепость. Осужден по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно. При отправлении в Сибирь был составлен словесный портрет А.В. Поджио: рост 2 аршина 7 вершков (173 см. – В.Б.),

«лицом бел, чист, волосом черн, глаза желто-карие, нос продолговат с горбиною». После отбытия срока каторжных работ по указу от 10 июля 1839 г. он был обращен на поселение в с. Усть-Куда Иркутской губернии. В 1841 и 1849 гг. лечился на Туркинских минеральных водах. По амнистии в 1856 г., когда Поджио был восстановлен в правах, он остался на некоторое время в Сибири и неудачно занимался поиском золота. В мае 1859 г. выехал вместе с семьей из Иркутска в Псковскую губ., где поселился у своего племянника Александра Иосифовича Поджио в с. Знаменском Торопецкого уезда. Вследствие конфликта с племянником Поджио выехал из Знаменского в декабре 1859 г., и поступил на службу управляющим имением своего иркутского знакомого К.Я. Дарагана, а затем управлял имением сына Е.С. Волконской от Д.В. Молчанова в Дмитровском имении Московской губернии. Некоторое время жил в имении Волконских в с. Воронках Черниговской губернии, а потом уехал с семьей в Швейцарию и Италию. Встречался в Женеве с А.И. Герценом. В 1873 г. вернулся в Россию в имение декабриста С.Г. Волконского Воронки, где и умер. Похоронен рядом с ним.

Поджио 2-й Иосиф Викторович (22.11.1792–06.01.1848), отставной штабс-капитан (брат Александра Викторовича). Родился в Николаеве, католик. Воспитывался в Петербурге в иезуитском пансионе до 1809 г., а затем вступил в службу подпрапорщиком в лейб-

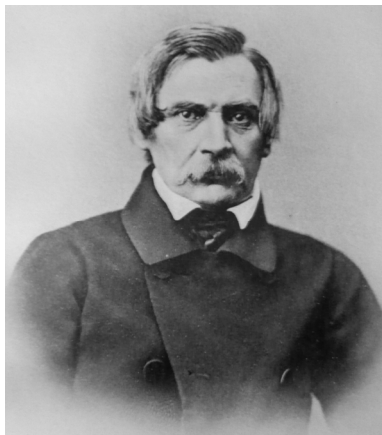
гвардии Преображенский полк. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Уволен со службы в 1818 г. по болезни штабс-капитаном.

Член Южного общества (принят в 1824 г. генералом В.Л. Давыдовым). Осужден по IV разряду и по конфирмации приговорен к 12, а затем к 8 годам каторжных работ. Вместо Сибири, по просьбе своего тестя, влиятельного сановника А.М. Бороздина, И.В. Поджио был отправлен

сначала в крепость Свеаборг, а затем Шлиссельбург, где и отбывал свой каторжный срок, как, например, Г.С. Батеньков. По окончании срока по распоряжению военного министра от 10 июля 1834 г. был отправлен с нарочным фельдъегерем на поселение в Восточную Сибирь. Еще раньше был составлен его словесный портрет: рост 2 аршина 9 $\frac{1}{8}$ вершка (182 см. – В.Б.), «лицо белое, круглое, глаза карие, нос продолговат, остр, волосы на голове и бровях темнорусые, на обеих щеках по два родимых небольших пятнышка и во рту четырех передних зубов от конского ушиба нет». В сентябре И.В. Поджио был водворен в с. Усть-Куда Иркутского округа, в 1841 г. ему было разрешено съездить на лечение на Туркинские минеральные воды. Умер в Иркутске в доме Волконских, куда приехал за два дня до смерти. Похоронен на бывшем Иерусалимском кладбище. Поджио был дважды женат. Первая жена – дочь статского советника Елизавета Матвеевна Челищева (умерла в 1820 г.), дети – сын Александр и три дочери. Вторая жена – Марья Андреевна Бороздина, дочь сенатора и генерал-лейтенанта А.М. Бороздина, который был против этого брака. Он всячески препятствовал дочери разделить участь своего мужа, как это сделали 11 жен декабристов, добился одиночного тюремного заключения И.В. Поджио, всячески скрывал местонахождение ее мужа. Хотя Марья Андреевна еще в 1830 г. собиралась ехать в Сибирь к супругу, но впоследствии немного успокоилась и даже вторично вышла замуж за князя А.И. Гагарина. У самого

И.В. Поджио во втором браке был сын Лев (родился в 1826 г. в с. Яновка), крестник знаменитого генерала Н.Н. Раевского. Служил в Новомиргородском уланском полку.

Пуцин Иван Иванович (04.05.1798–03.04.1859), коллежский асессор, судья Московского надворного суда.

Отец – Иван Петрович Пуцин (1754–1842), генерал-лейтенант, генерал-интендант флота, сенатор. Мать – Александра Михайловна Рябинина (1771–1841). За отцом в Осташковском уезде Тверской губернии числилось 20 душ крепостных крестьян, в Бобруйском уезде Минской губернии – 357 душ и дом в Петербурге. Воспитывался И.И. Пуцин в Царско-

сельском лицее (одноклассник и близкий друг А.С. Пушкина) с 19 октября 1811 г. по 9 июня 1817 г. В службу вступил прапорщиком в лейб-гвардии Конную артиллерию и мог сделать там блестящую карьеру, но по идейным соображениям поступил сначала сверхштатным сотрудником Петербургской уголовной палаты, а 13 декабря 1823 г. назначен судьей Московского надворного суда.

Член преддекабристской организации «Священная артель», Союза спасения (с лета 1817 г.), Союза благоденствия и Северного общества (член Коренной думы, председатель Московской управы), участник восстания на Сенатской площади.

Осужден был И.И. Пуцин по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен из Шлиссельбурга в Сибирь со следующими приметам: рост 2 аршина 8 вершков (177,4 см), «лицом чист, смугловат, волосы на голове, бровях и бороде темнорусые, глаза карие, нос посредственный, островат, на обеих руках от прививной оспы пятна, ноги ниже колен в жилах от английской болезни, от удара лошадиного на обеих ногах по пятну». По отбытии срока обращен на поселение в Западную Сибирь. С 1839 г. находился в Туринске, где кроме чтения книг ничем не занимался, затем в 1843 г.

переехал в Ялutorовск, где вел хозяйство. Материально был обеспечен, жил вместе с Е.П. Оболенским, но, когда тот женился, стал жить один. По характеристике местного начальства был «поведения хорошего». После амнистии 1856 г. вернулся в европейскую Россию и получил разрешение посетить в Петербурге свою сестру Екатерину Набокову, вдову генерала, которую ранее посещал 30 лет тому назад, в январе 1825 г., в Пскове, заодно навестив и своего опального лицейского друга А.С. Пушкина в с. Михайловском. Позднее в Пскове был найден автограф стихотворения Пушкина «Мой первый друг, мой друг бесценный!..», список с которого Набоковы отослали в Сибирь его адресату. Последние годы своей жизни И.И. Пущин провел в имении Марьино Бронницкого уезда Московской губернии, которое принадлежало его жене Наталье Дмитриевне Апухтиной, бывшей замужем в первом браке за декабристом М.А. Фонвизиныным. Брак был заключен 22 мая 1857 г. Последние годы он был занят писательским трудом – написал замечательные мемуары о А.С. Пушкине. Через два года после женитьбы И.И. Пущин умер и похоронен в Бронницах у городского собора.

Пущин Михаил Иванович (25.05.1800–25.05.1869), капитан, командир лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона (брат Ивана Ивановича). Из дворян Санкт-Петербургской губернии, родился в Петербурге. Воспитывался в 1-м кадетском корпусе, откуда выпущен прапорщиком в 1-й саперный батальон в декабре 1816 г., а через три года переведен в лейб-гвардии Конно-пионерный эскадрон, где, получив за отличие внеочередное звание капитана, стал вскоре командиром этого эскадрона еще совсем молодым человеком, что было характерно для военного времени, но в мирное время нужно было доказывать делом свое право на такую карьеру (1824).

Членом тайных декабристских обществ М.И. Пущин не был, но знал о существовании Северного общества и был на совещаниях членов общества у К.Ф. Рылеева накануне восстания. Осужден по X разряду и по конфирмации приговорен к лишению чинов и дворянства и к отдаче в солдаты до выслуги. Определен в Красноярский гарнизонный батальон 26 июля 1827 г., прибыл туда, но через несколько месяцев был переведен на Кавказ. 14 февраля 1827 г. зачислен в 8-й пионерный батальон, с которым участвовал в русско-персидской и русско-турецкой

войнах. Уже через год за отличие стал прапорщиком (26.11.1827), в том же году подпоручиком, а еще через год – поручиком. При взятии Ахал-цыха М.И. Пущин был ранен пулею в грудь навылет, отправлен для излечения во Владикавказ, где встречался с А.С. Пушкиным. В 1830 г. был уволен в отпуск в Псков – здесь жила его сестра Е.И. Набокова, на три дня приезжал в Петербург для свидания с родителями. После долгих хлопот влиятельных родственников Пущину-младшему удалось перевестись на гражданскую службу, и он стал попечителем псковских богоугодных заведений с переименованием из поручиков в коллежские секретари. После выхода в отставку в 1835 г. жил в имении отца в Паричах Бобруйского уезда Минской губернии, дважды выезжал для лечения за границу. Написал автобиографические записки об участии в войне 1828–1829 гг. и после личного объяснения с ним Александра II М.И. Пущину был возвращен прежний чин гвардии капитана. В качестве члена Московского губернского комитета принимал деятельное участие в подготовке отмены крепостного права. Впоследствии действительный статский советник, переименован в генерал-майоры с назначением комендантом Бобруйской крепости 5 мая 1865 г. Женат был на Софье Петровне Пальчиковой (умерла в 1835 г. в Пскове), вторым браком с 1838 г. на Марье Яковлевне Подколызиной, на сестре которой, Варваре Яковлевне, был женат декабрист М.А. Назимов.

Раевский Владимир Федосеевич (28.03.1795–08.07.1872), майор 32-го Егерского полка. Родился в семье состоятельного тульского помещика, воспитывался в Московском университетском пансионе (1803–1811), а затем в Дворянском полку при 2-м кадетском корпусе. Здесь подружился с Г.С. Батеньковым, с которым обсуждал насущные проблемы справедливого мироустройства, прочитанные книги, делился своими планами о народном благоденствии. Выпущен прапорщиком в 23 артиллерийскую бригаду 25 мая 1812 г., принял участие в Бородинском сражении, получив за него золотую шпагу с надписью «За храбрость». За другие сражения получал ордена и чины, а после войны и заграничных походов служил на разных должностях, выходил в отставку и вновь возвращался на службу. Перед своим арестом в 1822 г. В.Ф. Раевский был командиром егерской роты, организовал в полку ланкастерскую школу взаимного обучения, пользовался авторитетом и любовью у многих солдат и офицеров.

Масон, член ложи «Овидий» в Кишиневе, знакомый А.С. Пушкина, который в феврале 1822 г. предупредил его о предстоящем аресте. Член Союза благоденствия, был арестован в феврале 1822 г. и помещен в Тираспольскую крепость за ведение пропаганды среди солдат. Долгое время следователи хотели выяснить у Раевского имена людей, причастных к тайному обществу, но ответа не дождались. После восстания декабристов в Петербурге и на юге России Раевский был отправлен в столицу, где был посажен в одну из камер Петропавловской крепости и находился там

до 1828 г. Отправлен в Сибирь и находился на поселении в селе Олонках близ Иркутска, где начал активно заниматься предпринимательством. Здесь он женился на бурятке, покоренный ее любовью к нему, в семье было 8 детей – 5 сыновей и 3 дочери. Основой его благосостояния стали подряды по поставке хлебного вина и спирта в места, где они хранились или продавались. Занимался он также наймом рабочих на прииски (до 2 тыс. чел.), был доверенным откупщиков, купил близ Иркутска мельницу и 30 десятин пашни, занимался после этого хлебопашеством, покупкою и продажей хлеба, огородничеством, в том числе разведением арбузов. Вошел в историю как талантливый поэт и мемуарист.

По Манифесту от 26 августа об амнистии В.Ф. Раевскому было разрешено вернуться в Европейскую Россию, возвращено потомственное дворянство ему и его детям. Но, приехав на короткий срок на родину, он вернулся в Сибирь, в свои ставшими ему родными Олонки, где в 1872 г. умер и там же похоронен.

Репин Николай Петрович (1796–28.09.1831), штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Отец – статский советник Петр Афанасьевич Репин (умер в 1811 г. на 54-м году жизни), мать – Екатерина Сергеевна Авсова (умер-

ла в 1808 г.). Воспитывался в пансионе Жакино. В службу вступил юнкером в лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду, участник заграничных походов русской армии в 1813 г. В 1818 г. переведен в Финляндский полк, где в 1822 г. стал поручиком, а еще через три года – штабс-капитаном. Звания давались ему с большой задержкой, вероятно, на то были основания.

Член Северного общества (1825), знал от декабриста П.Н. Свистунова о существовании Южного общества.

Осужден был Н.П. Репин по V разряду и по конфирмации приговорен к 5 годам каторги. Отправлен в Сибирь 5 февраля 1827 г. со следующими приметами: «рост 2 аршина 5 $\frac{2}{8}$ вершка (165 см. – *В.Б.*), лицо белое, чистое, глаза голубые, нос средний, остр, волосы на голове и бровях темнорусые, левый глаз немного крив». По отбытии срока по указу 10.07.1830 г. Репин был обращен на поселение в с. Верхоленское Иркутской губ., где сгорел вместе с остановившимся в его доме проездом декабристом А.Н. Андреевым во время пожара в ночь на 28.09.1831 г. (могила не сохранилась). Сестра – Анна, замужем за обер-секретарем Сената Юнкером.

Розен Андрей Евгеньевич (03.11.1799–19.04.1884), барон, поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Воспитывался в Нарвском народном училище, затем в 1-м кадетском корпусе, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк, где считался одним из самых исправных офицеров. Членом тайных обществ не был, хотя присутствовал на совещаниях перед восстанием у декабристов Н.П. Репина и Е.П. Оболенского, участник восстания на Сенатской площади.

А.Е. Розен был осужден по V разряду на 10 лет каторги и перед отправлением в Сибирь был составлен его словесный портрет: «рост 2 аршина 9 вершков (182 см. – *В.Б.*), лицо белое, чистое, продолговатое, глаза голубые, нос длинный, волосы на голове и бровях светлорусые».

Пробыв 6 лет на каторге, Розен был отправлен на поселение в Курган. Женат был на Анне Васильевне Малиновской, дочери стат-

ского советника и директора Царско-сельского лицея. Сын Евгений у Розена родился до его ареста и носил дворянское звание, а другой сын Кондратий был рожден в Сибири в семье государственного преступника и не имел звания до 1856 г., т. е. до Манифеста о помиловании декабристов.

В Кургане Розены купили дом у коллежского советника Иванова за 2900 руб., а затем ему было разрешено израсходовать 1500 руб. на ремонт здания и надворных построек. В средствах не нуждался и хотел даже приобрести земли на 10 тыс. руб., но ему в этом было отказано. Стал работать на 60 дес. (15 своих и 45 ему отдали в пользование другие ссыльные декабристы) и достиг в этой области замечательных результатов, применяя передовые достижения аграрной науки, используя различные удобрения, в том числе выброшенную золу у винокуренного завода и расплачиваясь с местными работниками сполна. А.Е. Розен оставил у жителей Кургана и окрестных деревень самые лучшие воспоминания, помогая им добрыми советами, деньгами и материалами, агротехническими приемами обработки почвы, бескорыстно лечил нуждающихся и делал другие нужные для людей дела.

Свистунов Петр Николаевич (27.07.1803–15.02.1889), корнет Кавалергардского полка. Отец – действительный камергер Н.П. Свистунов (умер в 1815 г.), мать – урожденная Мария Алексеевна Ржевская. За семьей числилось до 5 тыс. душ крепостных крестьян в разных губерниях и каменный дом в Петербурге. Воспитывался в иезуитском пансионе и пансионе барона Шабо, затем в пажеском корпусе, выпущен из камер-пажей корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский полк.

Член петербургской ячейки Южного общества, участвовал в работе Северного общества. Осужден по II разряду в каторжную работу на 20 лет. Отправлен в Сибирь со следующими приметами: рост 2 аршина 6 вершков (169 см. – В.Б.), «лицо белое, продолговатое, глаза се-

рые, нос большой с маленькою горбинкою, волосы на голове и бровях светлорусые, на левой стороне шеи родимое небольшое пятнышко». В 1836 г. был «выдворен в места отдаленные» – в Иркутскую губернию, а затем «в места не столь отдаленные» – в Западную Сибирь и в 1837–1841 гг. проживал в Кургане, где купил большой дом за 3320 руб., ранее принадлежавший декабристу М.А. Назимову. Здесь Свиштунов женился на приемной дочери курганского окружного начальника Татьяне Александровне Дурановой. Ее отцом был квартальный надзиратель Степан Елисеевич Неугодников, рано

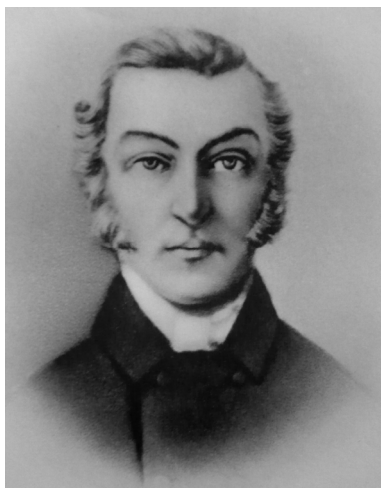
умерший. С ноября 1841 г. Свиштунов был переведен в Тобольск, в котором поступил на службу канцеляристом. Здесь у него был также большой деревянный дом, один из лучших в Тобольске, где проживал П.С. Бобрищев-Пушкин. После 9 лет беспорочной службы П.Н. Свиштунов стал коллежским регистратором, а всего он прожил в Западной Сибири около 20 лет. В последние годы он заведовал хозяйственной частью Тобольской женской гимназии, в устройстве которой принимал активное участие. Вошел в историю как мемуарист, видный общественный деятель в период освобождения крестьян от крепостной неволи, которую, по его мнению, нужно было отменить еще в 1825 г.

В 1863–1889 гг. П.Н. Свиштунов жил в Москве, где и умер. Похоронен в Алексеевском монастыре, в 1929 г. прах перенесен в Донской монастырь.

Семенов Степан Михайлович (27.12.1789–10.06.1852), Титулярный советник, экспедитор Гражданской канцелярии московского военного генерал-губернатора. Из духовного звания, воспитывался в орловской духовной семинарии, учился «своекоштным студентом» (за свой счет) в Московском университете. После «надлежащего испытания» удостоен степени кандидата этико-политических наук, в звании магистра оставался в университете до 1819 г. 1 апреля 1819 г. переиме-

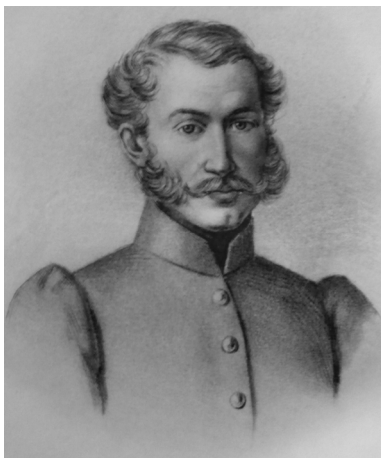
нован в титулярные советники и определен на службу в департамент духовных дел. Дослужился до столоначальника, по слухам, выполнял секретные поручения графа А.А. Аракчеева.

Член Союза благоденствия (1819), его секретарь, член Коренного совета, участник Петербургского совещания 1820 г., член Северного общества. Хотя он и был секретарем тайного общества, но, видимо, в связи с раскаянием и помощью следствию был выслан в Тобольск «без лишения чинов и для употребления его на службу». Семенов был определен в канцелярию Омского

областного совета, а затем выслан из Омска в Усть-Каменогорск с назначением столоначальником окружного управления. В 1829 г. сопровождал знаменитого исследователя барона А. Гумбольдта в его экспедиции по Сибири, что было негативно воспринято в Петербурге. По приказу графа Бенкендорфа Семенов был отправлен на службу в глухой городок Туринск, через 8 лет переведен в Омск, а последние 10 лет он служил в Тобольске, где дослужился до чина статского советника. По отзывам современников, С.М. Семенов был принципиален и не поступался своим мнением ни перед сослуживцами, ни перед губернаторами и даже генерал-губернатором, что приводило к неприятным для него столкновениям. За время 20-летней службы в Сибири не имел ни мундира, ни вицмундира, но всегда являлся на службу в черном сюртуке. Зимой вместо шубы носил овчинный тулуп. Похоронен в Тобольске на Завальном кладбище недалеко от церкви Семи Отроков. На могиле чугунная плита с надписью: «Здесь покоится прах статского советника С.М. Семенова, родился 27 декабря 1789 г., скончался 10 июня 1852 г.».

Соловьев Вениамин Николаевич (1798–1871), барон, штабс-капитан Черниговского пехотного полка, командир 2-й мушкетерской роты. Из дворян Рязанской губернии. Отец – гвардии прапорщик Николай Николаевич Соловьев, мать – Мария Ивановна. В службу вступил из «императорского военного дома» (по протекции лиц царской

семьи) прапорщиком в Черниговский пехотный полк в апреле 1817 г. где быстро сделал карьеру.

Член Общества соединенных славян, участник восстания Черниговского полка. Сначала был приговорен военным судом к сметной казни четвертованием, затем – к расстрелу, но после конфирмации назначено лишить его чинов и дворянства и отправить в ссылку на каторжные работы навечно. Как и всем декабристам, осужденным по первой, самой тяжелой мере принуждения, срок каторги сократили

до 13 лет. По окончании срока отправлен на поселение в с. Усть-Янское Каннского округа Енисейской губернии. В декабре 1850 г. в честь 25-летия царствования Николая I В.Н. Соловьеву было разрешено жить везде в Сибири, но под строжайшим надзором. По Манифесту об амнистии 1856 г. ему и детям, рожденным после приговора, возвращены права потомственного дворянства и титул, но без права на прежнее имущество. Дано разрешение жить, где пожелает в России, кроме столиц. В 1859 г. жил в Скопинском уезде Рязанской губернии. У брата барона Михаила Николаевича Соловьева. По своему ходатайству, поданному через рязанского губернатора, назначено ежегодное пособие в 100 руб. в год. Умер и похоронен в Рязани.

Спиридов Михаил Матвеевич (1796–20.12.1854). Майор Пензенского пехотного полка. Отец – сенатор, владимирский помещик Матвей Григорьевич Спиридов (1751–1829), известный своими генеалогическими работами. Мать – княжна Ирина Михайловна Щербатова (1757–1827), дочь известного историка и общественного деятеля М.М. Щербатова. В 1829 г. отец оставил по завещанию своим детям 877 душ крепостных крестьян в разных губерниях. Воспитывался М.М. Спиридов дома (учителя иностранцы и русские). В службу вступил урядником во 2-й полк Владимирского ополчения 20 августа 1812 г., но в Отечественной войне не участвовал. Зато отличился во многих сражениях за границей, где получил высокие награды: Лют-

цен – награжден орденом Анны 4 степени; Париж – орденом Владимира 4 ст. с бантом. Затем служил в Саратовском и Пензенском пехотных полках на невысоких должностях, что, конечно, для образованного, имеющего богатый военный опыт офицера, было обидно. В результате – участие в вольных разговорах, а затем и в тайных обществах.

Член Общества соединенных славян (1825), участие в котором преследовалось очень сурово. Дело в том, что офицеры младшего и среднего звена, состоявшие в этом обществе, в большинстве случаев не раскаивались в своих убеждениях. Кроме этого, замыслы у них были грандиозные – перекроить карту Европы, а средства, как мы сейчас говорим, предполагались самые радикальные. Поэтому М.М. Спиридов был осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу вечно. Тем не менее в 1839 г. его освободили и обратили на поселение, местом которого по ходатайству братьев был назначен Красноярск. Здесь Спиридов в 15 верстах от города в д. Дрокиной «приобрел крестьянское обзаведение» и стал заниматься привычными для тех мест делами: распахивать землю, сеять хлеб, разводить скот и т. д. Ему разрешили переехать в специально построенный для себя дом в этой деревне, где он и умер. Похоронен в с. Емельянове.

Сутгоф Александр Николаевич (04.12.1801–14.08.1872). Поручик лейб-гвардии Гренадерского полка. Родился в Киеве. Отец – генерал-майор Николай Иванович Сутгоф, мать – Анастасия Васильевна Михайлова. Воспитывался в Московском университетском пансионе, но курса не закончил. Службу начал юнкером в 7-м егерском полку в 1817 г., в декабре 1823 г. был переведен поручиком в лейб-гвардии Гренадерский полк.

Член Северного общества (1825), участник восстания на Сенатской площади. Сутгоф был осужден по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен в Сибирь 21 июня 1827 г. со следующими приметами: рост 2 аршина 8 ⁴/₈ вершка (180 см. –

В.Б.), «лицом бел, сухощав, глаза голубые, нос прямой, волосы на голове и бровях русые». По отбытию срока летом 1839 г. обращен на поселение в слободу Введенщина Жилкинской волости Иркутской губернии (в 20 верстах от Иркутска). После того, как купленный им там дом сгорел, переведен в с. Куду Иркутской губ., но и там долго не задержался, был переведен в с. Малая Разводная, где уже проживало несколько ссыльных декабристов. Женился он в Сибири в 1839 г. на дочери горного штабс-лекаря Анне Федосеевне Янчуковой, брак был бездетным. Сестра Анна (1800–1886) замужем за генерал-майором Кириллом Михайловичем Нарышкиным, братом декабриста. По ходатайству матери А.Н. Сутгоф был отправлен рядовым в Кавказский отдельный корпус, где в Кубанском егерском полку довольно быстро получил звание прапорщика. По амнистии 1856 г. был восстановлен в прежних правах, но продолжал служить в своем полку в Екатеринбургской губернии. В январе 1858 г. Сутгоф был командирован в фехтовально-гимнастическую команду в Москву, скорее всего, как мастер своего дела для передачи опыта молодым бойцам в качестве тренера-наставника. Другую причину трудно найти. Конечно, николаевская эпоха создала огромный дефицит профессионально подготовленных кадров во многих областях государственной жизни, но чтобы привлекать пожилого человека, прошедшего 13 лет на каторге, в качестве специалиста фехтовальщика, это даже для того времени кажется странным. После этого Сутгоф занимал не менее экзотические должности: смотритель кисловодских зданий углекислых вод и управляющий боржомским казенным имением и дворцом великого князя Михаила Николаевича. Здесь, вероятно, нужна была честность и порядочность, которая за николаевское время также основательно выветрилась из российской действительности. Умер А.Н. Сутгоф в Боржоме и похоронен в ограде церкви.

Тизенгаузен Василий Карлович (1780–25.10.1857). Полковник, командир Полтавского пехотного полка. Из дворян Лифляндской губернии, лютеранин. Воспитывался в 1-м кадетском корпусе, куда поступил 13 июня 1789 г., выпущен через 10 лет 26 мая 1799 г. подпоручиком в 3-й егерский полк. Был участником русско-шведской, русско-турецкой, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Кавалер многих российских и иностранных орденов, был не

только командиром нескольких полков, но и адъютантом некоторых видных военачальников.

Член Южного общества (1824).

Осужден по VII разряду и приговорен к одному году каторжных работ. Отправлен в Сибирь со следующими приметами: рост 2 аршина $6\frac{4}{8}$ вершка (171 см. – *В.Б.*), «лицо белое, продолговатое, глаза серые, нос продолговатый с горбиною, волосы на голове и бровях светлорусые и на левой щеке маленькая бородавка». После года каторжных работ был доставлен из Иркутской губернии в Тобольск, а оттуда в Сургут, где оставался несколько месяцев. Суровый климат расстроил его здоровье, начались припадки, вызванные ранениями Тизенгаузена и его переживаниями в ходе ареста, следствия и нахождения на каторге, где он не мог получать достаточно квалифицированную помощь. В результате его отправили в Тобольск, где некоторое время он лечился под арестом, а затем в Ялуторовск. Здесь Тизенгаузен в 1830 г. выстроил себе деревянный дом на каменном фундаменте, стоивший до 6 тыс. руб. асс. В 1848 г. он сгорел, доставив Тизенгаузену убытков в 1500 руб. сер. После 1835 г. денежные переводы от родственников прекратились и Тизенгаузен вынужден был просить пособие – 200 руб. асс. в год, а с 1845 по 1853 гг. получал высший размер пособия в 400 руб. асс., или 114 руб. $28\frac{4}{7}$ коп. сер.

В документах отмечено нападение на Тизенгаузена буйного и гулящего мещанина Филатова. В это дело полиция предпочла не вмешиваться. Тогда потерпевший подал жалобу на бездействие полиции тобольскому губернатору А.Н. Муравьеву. Проведенное по делу следствие не дало результата, обнаружив только пьянство Филатова, но со стороны мещанского общества ему была дана положительная характеристика. Городничий Смирнов и городская полиция захолустного Ялуторовска начали мстить почтенному старцу. Наверняка дом у него сгорел от поджога, поступали кляузы на то, что он якобы скло-

нял несовершеннолетнюю девочку к сожительству («любовной с ним связи»), обвинялся он в ябедничестве и в порождении у населения недоверия к местному начальству. Но следствие как ни старалось, не могло найти весомых улик, и 6 июня 1853 г. 75-летний старец В.К. Тизенгаузен, сопровождаемый рядовым Тобольской жандармской команды, выехал из Ялutorовска к своему семейству. Умер в Нарве, где и похоронен.

Торсон Константин Петрович (27.09.1793–04.12.1851), капитан-лейтенант, адъютант начальника Морского штаба. Отец – П.Д. Торсон, майор Генерального штаба, мать – Шарлотта-Христина Тимман была, как и отец, из Швеции, оба родителя придерживались лютеранской веры.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе с 1803 по 1806 гг. В чине гардемарина участвовал в сражениях со шведским гребным флотом у о. Пальво и о. Судсало и за отличие в сражениях раньше срока был произведен в мичманы. Затем отличился в битве при высадке десанта в Либаве, занятой прусскими войсками в 1812 г., был за это награжден орденом Анны 3 ст. и стал первым морским офицером, награжденным серебряной медалью за участие в Отечественной войне. В 1819–1821 гг. на шлюпе «Восток» участвовал в антарктическом кругосветном плавании под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена. Именем Торсона был назван открытый экспедицией остров в южной части Тихого океана, но после восстания декабристов переименован в о. Высокий. За участие в этом плавании награжден орденом Владимира 4 ст. и назначен адъютантом начальника Морского штаба. Кроме этого, К.П. Торсон был с декабря 1824 г. действительным членом Вольного общества любителей российской словесности.

Член Северного общества с конца 1824 г. Участвия в восстании в Петербурге не принимал. Осужден был по II разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 20, а потом на 15 лет. При отправлении в Сибирь был составлен словесный портрет К.П. Торсона: рост 2 аршина 6 вершков (168 см. – *В.Б.*), «лицо белое, круглое, глаза голубые, нос средний, остр, волосы на голове и бровях светлорусые». По указу 1835 г. обращен на поселение в Акшинскую крепость Иркутской губернии, но по ходатайству матери и сестры Торсона им всем вместе было разрешено поселиться в Селенгинске. На каторге

и в ссылке проявились разнообразные инженерные и ремесленные таланты К.П. Торсона, он показал себя как талантливый педагог по математике, астрономии, навигации и другим наукам, а также как знаток многих языков. На выделенной земле устроил образцовое хозяйство, построил мельницу, пользовался большим авторитетом у местных жителей. В литературе встречается упоминание о рожденных в гражданском браке сыне Петре и дочери Елизавете. Умер в Селенгинске.

Трубецкой Сергей Петрович

(29.08.1790–22.11.1860), полковник, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса. Отец – действительный статский советник, нижегородский губернский предводитель дворянства П.С. Трубецкой (1760–1817), мать – Дарья Александровна, светлейшая княжна грузинская. Воспитывался дома иностранными учителями: англичанин Изенвуд, немец пастор Лундберг, француз Стадлер, с 1806 г. слушал лекции в Московском университете. В службу вступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк 10 ноября 1808 г. Участник

Отечественной войны 1812 г. (сражения от Вильны до Бородина, Тарутино, Малоярославец) и заграничных походов. Награжден многими российскими и иностранными орденами. В 1819 г. Трубецкой получил очередное звание капитана и стал старшим адъютантом Главного штаба. Некоторое время с середины 1819 по сентябрь 1821 г. находился в отпуске за границей, а затем успешно продолжил свою службу. Масон, член ложи «трех добродетелей», в 1818 и до мая 1819 г. был наместным мастером этой ложи.

Член Союза спасения, Союза благоденствия (председатель и блюститель Коренного совета), один из руководителей Северного общества, один из авторов «Манифеста к русскому народу». Во время подготовки восстания в Петербурге С.П. Трубецкой был намечен в диктаторы, но на площадь не явился. Несмотря на древнее происхождение и знатность, братья Трубецкие, а их было 5, владели 803 ду-

шами крепостных крестьян в Нижегородской губ., и служба являлась одним из главных источников их доходов.

Осужден был С.П. Трубецкой по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен закованным в Сибирь со следующими приметам: рост 2 аршина 11 $\frac{1}{4}$ вершка (192 см. – В.Б.), «лицом чист, глаза карие, нос большой, длинный, горбоватый, волосы на голове и бороде темнорусые, усы бреет, подбородок острый, сухощав, талии стройной, на правой ляжке выше колена имеет рану от ядра». По указу 10 июля 1839 г. Трубецкой был отправлен на поселение в с. Оёк Иркутской губ., жене его, Екатерине Ивановне Лаваль, было разрешено жить с детьми в Иркутске, а С.П. Трубецкому приезжать туда на время. В 1845 г. их дочерей, Елизавету и Зинаиду, разрешено было поместить в открытый в Иркутске девичий институт. По Манифесту об амнистии Трубецкой был восстановлен в правах дворянства, но без княжеского титула, дарованного его детям особым высочайшим указом. В январе 1857 г. Трубецкой выехал в Европейскую Россию, проживал сначала в Киеве, в семье своей дочери, затем в Москве, где и умер от апоплексического удара. После отпевания в церкви Св. Николая в Хлынове С.П. Трубецкой был похоронен в Новодевичьем монастыре.

Тютчев Алексей Иванович (1801–24.01.1856), капитан Пензенского пехотного полка. Из дворян Брянского уезда Орловской губернии. Отец – брянский помещик, капитан в отставке Иван Иванович Тютчев, мать – Мария Николаевна Мачихина; за отцом числилось 328 душ крепостных крестьян, заложенных в Опекуном совете, и более 60 тыс. руб. долга. Воспитывался в Морском кадетском корпусе (с 1813 г.), но курса не кончил, вступив подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк в 1815 г. После раскассирования (расформирования, когда солдаты и офи-

церы были разосланы в другие части) Семеновского полка в результате восстания 1820 г., Тютчев был переведен в Пензенский пехотный полк штабс-капитаном, а 20 мая 1824 г. Тютчев стал, как когда-то его отец, капитаном. Однако обида на царя за несправедливый, по его мнению, перевод из гвардии в провинцию, либеральная заправка, полученная в детстве в Морском корпусе, где учились многие будущие декабристы, привели его в тайное общество.

Член общества Соединенных славян (1825), осужден по II разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 20 лет. Отправлен в Сибирь почти через два года после ареста в октябре 1827 г. со следующими приметам: «рост 2 аршина 4 $\frac{7}{8}$ вершка (163,7 см. – В.Б.), лицо смугловатое, круглое, глаза темнокарие, нос большой, широковат, волосы на голове и бровях темнорусые». По указу 14 декабря 1835 г. Тютчев был обращен на поселение в с. Курагино Енисейской губ. вместе с декабристом М.О. Мозгалевским, куда прибыл в июле 1836 г. Ходатайство брата И.И. Тютчева о переводе в Томск было отклонено, но в 1848 г. разрешено временно прибыть в Красноярск для лечения.

А.И. Тютчев был одаренным певцом и музыкантом, вместе с другими декабристами готовил замечательные концерты на каторге в Чите и Петровском заводе. Женился гражданским браком на крестьянке с. Курагино Анне Петровне Жибиновой, у них было четверо детей. Под влиянием родных жены и без поступления средств из дома Тютчев вел простой, почти крестьянский образ жизни, пристрастился к выпивке. Умер в с. Курагино, где и похоронен.

Фаленберг Петр Иванович (29.05.1791–13.02.1873), подполковник квартирмейстерской части. Из балтийских дворян, лютеранин. Отец – саксонский уроженец, вызванный в Россию князем Потемкиным для устройства суконных фабрик. Воспитывался с 1805 г. дома немецкими учителями и пастором Фольбортом, а с 1809 г. в Царскосельском лесном институте, откуда выпущен с чином 13 класса колонновожатым (штабным офицером). Участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии, кавалер многих орденов. После войны Фаленберг занимался топографической съемкой Бессарабской области, получив за это высокий орден Анны 2 степени. Затем он был старшим

адъютантом Главного штаба 2-й армии, где служили многие будущие декабристы, включая главного из них, П.И. Пестеля.

Член Южного общества, принят в 1822 г. князем А.П. Барятинским. Осужден по IV разряду и по конфирмации приговорен к 12, а затем срок сокращен до 8 лет каторжных работ. Отправлен в Сибирь в январе 1827 г. со следующими приметами: рост 2 аршина $7\frac{4}{8}$ вершка (175 см. – В.Б.), «лицо чистое, смугловатое, круглое,

глаза серые, нос средний, широковат, волосы на голове и бровях темнорусые». По отбытии срока Фаленберг был определен сначала на поселение в Троицкий солеваренный завод, а затем в с. Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии, которое впоследствии стало знаменито после отбытия в нем трехгодичной ссылки В.И. Ульяновым (Лениным), будущим руководителем Советского государства. Фаленберг пытался на месте заниматься предпринимательством, в частности, разводить табак, но без особого успеха. В 1840 г. он безрезультатно ходатайствовал о принятии на гражданскую службу. В 1858 г. Фаленбергу было разрешено выехать в Ригу, где он родился, а затем он поселился в с. Иванковцах Проскуровского уезда Подольской губ., где управлял имениями богатого помещика Куликовского. Дважды П.И. Фаленберг был женат: первая жена – Евдокия Васильевна Раевская (1803–1857), после его осуждения воспользовалась предоставленным ей правом на развод и вторично вышла замуж за Павла Матвеевича Налбухина. Вторая жена с 1840 г. – дочь казачьего урядника Саянской станции Анна Федоровна Соколова (умерла в 1890 г.). У них были дети, сын Федор и дочь Минна. После смерти мужа Анна Федоровна получала пособие мужа в размере 114 руб. 28 коп. в год, назначенное ему в 1859 г. Умер в Белгороде, похоронен в Харькове. Мемуарист.

Фонвизин Михаил Александрович (20.08.1787–30.04.1854), отставной генерал-майор. Воспитывался сначала дома, затем в училище св. Петра в Петербурге и в Московском университетском пансионе,

слушал лекции в Московском университете. Вступил в службу подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк, участник войны 1805 г. (Аустерлиц), принимал участие в военных действиях в Финляндии во время войны со Швецией 1809–1810 гг. (Аландские острова), назначен адъютантом к генерал-майору А.П. Ермолову, затем был бригадным и дивизионным адъютантом. Должность эта была тогда сродни должности начальника штаба части и соединения, и требовала высокого уровня подготовки для назначаемого офицера. М.А. Фонвизин был актив-

ным участником Отечественной войны 1812 г. с самого ее начала: сражение под Витебском, под Смоленском он был ранен, награжден орденом Владимира 4-й степени с бантом, за отличие при Бородино получил орден св. Анны 2-й степени. Из Тарутинского лагеря был «послан партизаном с казачьею командою», что дало свои результаты в деморализации и обескровливании противника. За участие в битве под Малоярославцем, когда в ожесточенной схватке не дали Наполеону двигаться на неразоренный еще юг России, а заставили идти по Смоленской дороге на запад, Фонвизин был награжден золотой шпагой за храбрость, затем участвовал в сражениях под Красным и Березиной и в заграничных походах русской армии. В одном из сражений он попал в плен к французам, был отправлен в Бретань, где участвовал в заговоре пленных. Затем ему, одному из немногих русских офицеров, пришлось поучаствовать со своим 37-м егерским полком в военных действиях против Наполеона в период так называемых Ста дней (блокада Меца и Тионвиля). М.А. Фовизин оставался с полком в составе оккупационного корпуса М.С. Воронцова до 1818 г., а затем был переведен уже с 38-м егерским полком во 2-ю армию в Тульчин. 19 февраля 1820 г. Фонвизин стал генерал-майором и командиром 3-й бригады 12-й пехотной дивизии, а затем командиром бригады в 22-й дивизии. Скорее всего, в связи с арестом «первого декабриста» В.Ф. Раевского, Фонви-

зин был в декабре 1822 г. уволен в отставку. Жил в своем подмосковном имении Крюково и имел в д. Марьино Коломенского уезда Московской губернии 73 души крепостных крестьян, в Калязинском уезде Тверской губернии – 131 душу, в Рязском уезде Рязанской губернии – 278 душ, в Костромской губернии (нераздельно со своим братом Иваном) – 1200 душ. Масон, член московской ложи «Александра Тройственного спасения» (с 1817 г.).

Член Союза спасения и Союза благоденствия (участник Московского заговора 1817 г., где обсуждался план покушения на Александра I, один из инициаторов и руководителей Московского съезда 1821 г., член Коренного совета, участник подготовки восстания в Москве в декабре 1825 г.). Осужден по IV разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 12 лет, затем срок сократили до 8 лет. По указу 1832 г. обращен на поселение в Енисейск, через год в Красноярск, а еще через два года в Тобольск.

С 1838 г. проживал в Тобольске вместе с женой Натальей Дмитриевной, урожденной Апухтиной, которая последовала за мужем, оставив в Москве двух малолетних сыновей. М.А. Фонвизина хорошо обеспечивал брат (2 тыс. руб. асс. ежегодно и дополнительные суммы на экстренные расходы). В Тобольске они приобрели небольшой, с их точки зрения, дом с садом и теплицей, где Наталья Дмитриевна занималась цветоводством, что для Сибири в то время было большой редкостью. Фонвизин занимался чтением книг философского и духовного содержания, писал воспоминания и статьи. Одни названия их говорят о пристрастиях и увлечениях видного декабриста: «О крепостном состоянии земледельцев в России», «О коммунизме и социализме», «О подражании русских европейцам», «Одно из воспоминаний моей молодости» и др. Щедро помогал товарищам по ссылке, сосланным польским повстанцам и петрашевцам. Наталья Дмитриевна была мистически настроена и оказывала покровительство разным странникам и лицам «юродствующим на духовно-религиозной почве». Эти настроения усилились, когда в одном году в Одессе погибли два их сына 25 и 26 лет. Как писал один из современников, «только неколебимая вера и христианское смирение дали ему силы перенести тяжелое испытание – потерю последних своих детей». В 1853 г. М.А. Фонвизин получил разрешение выехать в Россию, в имение брата, но не застал

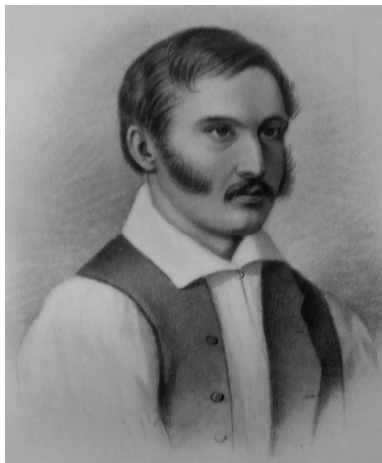
его в живых и проживал в родовом имении, воспитывая двух приемных дочерей. Умер в Марьино, похоронен в г. Бронницы у городского собора. Мемуарист и публицист.

Фохт Иван Федорович (1794–01.02.1842), штабс-капитан Азовского пехотного полка. Происходил из дворян Курляндской губернии, по вероисповеданию – лютеранин, воспитание и образование получил домашнее в доме помещика Гора. В службу вступил рядовым в Азовский полк в ноябре 1814 г. и вместе с ним участвовал в заграничном походе 1815 г., пройдя служебную лестницу от рядового до штабс-капитана за 10 лет. Был приговорен по VIII разряду к вечной ссылке и оказался в Березове. При отправлении в Сибирь был составлен словесный портрет И.Ф. Фохта: рост 2 аршина 7 ½ вершка (175 см. – В.Б.), «лицом бел, оклад оного продолговат, нос прямой, волосы светлорусые, глаза серые, на левом глазу большое круглое коричневое пятно».

И.Ф. Фохту, одному из немногих оказавшихся в ссылке декабристов, выдавался солдатский паек в виде муки, крупы и соли. Им было сделано заявление, что у него нет одежды, и она была выдана: тулуп за 18 руб., шапка за 2 руб. 50 коп., рукавицы за 1 руб. 75 коп., бродни (кожаные сапоги) за 5 руб. 50 коп. и чулки шерстяные за 1 руб., опояска шерстяная – 1 руб. 25 коп. и рубашка с портами за 3 руб. 20 коп., всего на 33 руб. 20 коп. асс. Летняя одежда, выданная Фохту, состояла из зипуна крестьянского за 9 руб., шапки, рукавиц, броден и рубашки с портами на 21 руб. 95 коп. асс. Срок носки такой одежды был годовой, и таким образом осуществлялось обеспечение И.Ф. Фохта и других нуждающихся декабристов до 1835 г., когда был издан указ о денежных пособиях государственным преступникам. Не получая ничего от родственников, Фохт занимался токарной работой и помогал местному врачу.

В Березове Фохт заболел «грудной водяной болезнью», но оказывал посильную помощь прибывшему туда на поселение декабристу Ентальцеву с женой. По высочайшему повелению отправлен на поселение в Курган, лечился в Тобольске и на грязях в Курганском округе. На поселении приобрел небольшую аптеку и занимался лечением других. С 1835 г. стал получать пособие от казны 200 руб. асс. и по 300 руб. асс. от М.Н. Волконской, которые шли в официальных документах как «средства в виде подаяния». Получив 15 десятин земли

«в виду болезненного состояния и выбранной уже медицинской профессии», участок свой отдавал в пользование товарищам по ссылке. Умер И.Ф. Фохт в 1842 г. в Кургане, оставив по себе добрую память у населения, которому он неоднократно помогал безвозмездным лечением. Свое имущество и дом он завещал находившейся у него в услужении солдатской жене Рыбиной.

Фролов 2-й Александр Филиппович (24.08.1804–06.05.1885), подпоручик Пензенского пехотного полка. Из дворян Таврической губернии, родился в Севастополе. Воспитывался дома у родителей, которые учили его сами. В службу вступил подпрапорщиком в Пензенский пехотный полк в 1818 г. Был офицером 2-й мушкетерской роты, которой командовал декабрист А.И. Тютчев, сосланный туда после восстания в Семеновском гвардейском полку в 1820 г.

Член Общества соединенных славян (1825), осужден по II разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 20 лет. Отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь со следующими приметами: рост 2 аршина 5 $\frac{7}{8}$ вершков (169 см. – В.Б.), «лицо смугловатое, круглое, чистое, глаза карие, нос большой с горбиною и немного на правую сторону крив, волосы на голове и бровях темнорусые». По указу от 14 декабря 1835 г. обращен на поселение в с. Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии, в 1840 г. безрезультатно ходатайствовал о переводе рядовым на Кавказ, служил в Сибири по откупам.

По Манифесту об амнистии в 1856 г. восстановлен в прежних правах, по возвращении в Европейскую Россию Фролову 2-му было разрешено поселиться в Керчи с сохранением пособия в 114 руб. 28 коп. в год, которое он получал в Сибири. Живя в Керчи, он занимался хлебопашеством и овцеводством на арендуемых им вблизи города участках. В 1872 г. после неудач ликвидировал хозяйство и переехал в Троице-Сергиев посад, а в 1879 г. в Москву. Жена с февраля

1846 г. – Евдокия Николаевна Макарова (1820–1901), казачка из д. Каптерево в Енисейской губернии, их дети – два сына и дочь, младший из них, Петр, отдан был в 1862 г. на казенный счет в 1-й кадетский корпус и в 1916 г. был полным генералом (генерал от инфантерии или потом, в советское время, генерал армии) в Генеральном штабе русской армии. Умер в Москве, за три года до смерти пораженный нервным ударом. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Мемуарист.

Фурман Андрей Федорович (1795–08.03.1835), капитан Черниговского пехотного полка, командир 6-й мушкетерской роты. Из дворян Киевской губ. Отец – приглашенный из Саксонии агроном, надворный советник Федор Андреевич Фурман, мать – Софья Любимовна Гильденбант. Воспитывался в Горном кадетском корпусе, а затем в дворянском полку при 2-м кадетском корпусе (одновременно с декабристами В.Ф. Раевским и Г.С. Батеньковым). В службу вступил по тем временам довольно поздно, в 22 года, но быстро сделал себе карьеру за счет хорошего образования и способностей, в двух бригадах в разное время исполнял должность бригадного адъютанта.

Член Общества соединенных славян (1825), осужден по VIII разряду на вечную ссылку в Сибирь с лишением всех чинов и дворянства. При отправлении на поселение был составлен его словесный портрет: рост 2 аршина 8 вершков (177,4 см. – *В.Б.*), «лицо белое продолговатое, глаза светлокارية, нос большой, остр, на правой щеке природных две бородавки, волосы на голове и бровях темнорусые».

Пособие в 150–300 руб. Фурман получал ежегодно от своей сестры в Кондинск, куда был помещен с другими сосланными декабристами. Оттуда в высшие инстанции шли постоянные доносы на них о якобы опасном для государства их поведении (от составления заговора в Омске до пьянства с унтер-офицером в Кондинске), которые большей частью не подтверждались. Умер Фурман 8 марта 1835 г. в Кондинске в бедности. Оставил духовное завешание, в котором просил, чтобы из причитающегося ему наследства выплатили его долги в размере 890 руб., а оставшуюся сумму и имущество просил выдать находившейся при нем крестьянской девушке Марье Щепниной в обеспечение ее и прижитых с ним детей. Наследство было получено, и за уплатою долгов сумма в 3426 руб. 97 коп. была передана Березовским исправником Щепниной и ее двум малолетним детям.

Черкасов Алексей Иванович (15.11.1799 – апрель 1855), барон, поручик по квартирмейстерской части. Из дворян Белевского уезда Тульской губернии. Отец – секунд-майор барон Иван Петрович Черкасов, мать – Мария Алексеевна Кожина. За отцом в Тамбовской губернии числилось 219 душ крепостных крестьян, в Тульской, Орловской и Московской губерниях еще 990 душ. Воспитывался в Московском университетском пансионе, а с 1816 г. в Московском учебном заведении для

колонновожатых. В следующем году выпущен по экзамену прапорщиком и был зачислен колонновожатым в свиту по квартирмейстерской части. Откомандирован для съемки Подольской губ., где пробыл до начала 1825 г. За свои труды барон Черкасов был удостоен ордена св. Анны 4-й степени и отправлен на съемку Киевской губернии.

Член Южного общества, осужден по VII разряду к 4 годам каторги и вечной ссылке на поселение. Пробыв на каторге год, Черкасов прибыл с Ентальцевым на поселение в Березов со следующим словесным портретом: «рост 2 аршина $4\frac{4}{8}$ вершка (160 см. – В.Б.), лицо белое, круглое, глаза темнокарие, нос посредственный, волосы на голове и бровях темнорусые».

А.И. Черкасов был материально обеспечен своим отцом, но образ жизни вел скромный. Распространялась клевета на Черкасова, Фохта и Ентальцева «в мятежнических замыслах против правительства», но фактов, подтверждающих это, следствие не обнаружило. Отмечена только симпатия населения к ссыльным преступникам, их кротость и доброта. По собственной просьбе, хлопотам отца и состоянию здоровья А.И. Черкасов в феврале 1833 г. был переведен в Ялуторовск, находившийся на юге Тобольской губернии, климат там был несравненно лучше. Получив в 1835 г. 15-десятинный надел земли, отдал его товарищам по ссылке, также находившимся в Ялуторовске и занимавшимся сельским хозяйством. В 1837 г. вместе с Розеном, Лорером, Лихаревым, Назимовым и кн. Одоевским был определен в Кавказский корпус. Ле-

чащим Черкасова врачом Петелиным была дана такая характеристика: «Темперамента меланхолического, имеет стремление к уединению, чрезмерно мнителен, телосложения посредственного, имеет желтый цвет лица, впалые глаза, раннее выпадение волос и по всем признакам страдает воспалением печени и селезенки». Тем не менее было разрешено его определить в Тенгинский пехотный полк на Кавказе, где он в 5 лет дослужился до звания прапорщика и был уволен от службы с обязательством жить в имении мачехи – Пелагеи Андреевны Полонской – с. Володькове Белевского уезда Тульской губернии под строгим секретным надзором полиции. Вскоре он сам купил себе имение, но помогал мачехе и ее детям управлять поместьями в разных губерниях. В возрасте 55 лет Черкасов женился на дочери майора барона Котц – Елизавете Вячеславне, которая была моложе мужа на 18 лет и у них родилась в 1855 г. дочь Марья.

Шахирев Андрей Иванович (1799–17.05.1828), поручик Черниговского пехотного полка, член Общества соединенных славян, осужден по VIII разряду – лишение чинов и дворянства и вечная ссылка. Воспитывался в 1-м кадетском корпусе. Приметы: «рост 2 арш. 4 $\frac{1}{2}$ вершка (165 см. – *В.Б.*), волосы темнорусые, брови те же, глаза серые, нос горбоват, рот прямой, подбородок обыкновенный, лицо смуглое, на котором на левой щеке два черных небольших пятна». Проживал в Сургуте с предписанием «из города ни на шаг». По документам выходило, что он материально нуждался и получал от казны солдатский паек, хотя в долгах у него было несколько тысяч рублей, и по этому поводу шла переписка с чиновником Ф.Ф. Лемониусом из Тирасполя. Тем не менее, несмотря на запрет, отлучился на охоту в 4 верстах от места ссылки («на птичий промысел»), где 17 мая 1828 г. и умер. Следствие пришло к выводу, что насильственной смерти не было, а смерть наступила от «апоплексического удара», т. к. покойный и прежде имел припадки «падучей болезни». У покойного осталась значительная сумма денег – 2026 руб. 35 коп. и за его имущество выручили еще 59 руб. 35 коп., которые были переданы брату – бухгалтеру в Кронштадте и сестре, бывшей замужем за капитан-лейтенантом Остолоповым (так в документах. – *В.Б.*).

Штейнгель Владимир Иванович (13.04.1783–20.09.1862), барон, отставной подполковник. Происходил из дворян Московской

губернии, по более глубоким корням из Германии («из дворян бранденбург-байрейтских»). Отец служил капитан-исправником в г. Обве Пермской губернии (начальник местной полиции), затем стал там городничим. Мать – Варвара Михайловна Разумова, дочь купца. Воспитывался в Морском кадетском корпусе, куда поступил в августе 1792 г. В 1799 г. стал мичманом и отправился в эскадре контр-адмирала П.В. Чичагова к берегам Англии и Голландии. В 1802 г. командирован в Охотский порт и, командуя транспортом, плавал в Охотском море. За-

тем Штейнгель был назначен командиром Иркутской морской команды и обозревал реки Нерчинского края вплоть до Амура. В ноябре 1809 г. переведен в Балтийский флот и вскоре назначен чиновником по особым поручениям при сибирском генерал-губернаторе И.Б. Пестеле, отце декабриста П.И. Пестеля, который управлял Сибирью из Петербурга. «За болезнью» уволен от службы капитан-лейтенантом, но в августе 1812 г. Штейнгель был зачислен в 4-ю дружину петербургского ополчения и участвовал в Отечественной войне 1812 г. (Полоцк – награжден орденом Анны 2 ст., Чашники – награжден орденом Владимира 2 ст. с бантом, Березина – вторично награжден тем же орденом) и заграничных походов. В 1814 г. майор Штейнгель был назначен адъютантом к московскому главнокомандующему А.П. Тормасову и управлял его канцелярией. За отличие по службе через два года стал подполковником. В декабре 1819 г. уволен от службы для определения к статским делам и служил у частных лиц в Тульской губернии и Астрахани, в 1821 г. собирался открыть в Москве пансион для юношества, с осени 1821 г. служил у поставщика армии В.В. Варгина. Крестьян В.И. Штейнгель не имел.

Член Северного общества (1824), активный участник подготовки восстания, участник совещаний членов Северного общества накануне восстания, один из авторов «Манифеста к русскому народу»

и автор «Приказа войскам». В течение дня 14 декабря 1825 г. несколько раз появлялся на площади. Осужден по III разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу на 20 лет. В июне 1827 г. отправлен в Сибирь со следующим словесным портретом: рост 2 аршина 5 ¹/₂ вершков (166,4 см. – В.Б.), «лицом бел, круглолиц, волосы на голове и бровях темнорусые с сединою, глаза светлоголубые, нос большой с горбиной, подбородок раздвоившийся».

В 1837 г. был отправлен на поселение в западносибирский город Ишим. Собственных средств Штейнгель не имел, поэтому сначала получал пособие в 200 руб. асс. в год, с февраля 1845 г. его увеличили до 114 руб. 28 коп. сер. В Ишиме по предложению купца Черняковского им было составлено «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии» (издано в 1843 г.), не потерявшее своего значения и для современных историков.

В Тобольске Штейнгель напечатал несколько статей, чем вызвал неудовольствие местного начальства, хотя его знаменитое воззвание к народу успокоило в 1842 г. так называемые картофельные бунты. Был дружен с тобольским губернатором Лодыженским, что вызвало поток кляуз начальству в Омск и Петербург, за чем последовала высылка Штейнгеля в Тару. Все 20 лет пребывания в Западной Сибири он испытывал сильную нужду и жил на казенное пособие. В 1856 г. 76-летний В.И. Штейнгель убыл в Европейскую Россию, перестав тревожить правительство жалобами на местных сановников, называя их, как отмечено в документах, «непристойными выражениями», в числе которых «сибирские сатрапы» было самое мягкое.

Проживал последние годы у сына Вячеслава, инспектора Александровского лицея, редактора «Российской военной хроники», генерала от инфантерии, т. е. полного генерала от пехоты. Всего же у В.И. Штейнгеля было 5 сыновей и 5 дочерей от первого брака с дочерью директора Кяхтинской таможни Пелагеи Петровны Вонифатьевой, и еще внебрачные сын и дочь, рожденные в сибирской ссылке. Сын Андрей под фамилией Петров, а потом Баронов учился сначала в Тобольской гимназии, а затем в Петербургском Технологическом институте. Умер В.И. Штейнгель в Петербурге и похоронен на Охтинском кладбище 24 сентября 1862 г.

Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович (1798–22.10.1858), князь, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка. Происходил из древнего, но разорившегося рода бывших удельных князей Ростовских. Воспитывался в Морском кадетском корпусе, куда потупил в 1810 г., в 1813 г. – гардемарин, через три года – мичман. Участвовал в плавании от Кронштадта до Кадикса в Испании на корабле «Нептунус», переведен в Гвардейский экипаж, где получил звание

лейтенанта, а через год уволился в звании капитан-лейтенанта. Еще через год, в декабре 1823 г., вновь определен на службу в Московский полк в звании штабс-капитана, командира 6 фузилерной роты. В 1826 г. за ним числилось 114 душ, «из коих 35 душ в 24-летнем банке и уже описаны к продаже». Следствием установлено, что членом тайных обществ декабристов не был, присутствовал на совещаниях членов общества накануне восстания, активный участник восстания на Сенатской площади. Арестован был Щепин-Ростовский в доме Кусовниковой на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. и уже в 10 часов вечера оказался в камере № 6 Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

Д.А. Щепин-Ростовский осужден по I разряду и отправлен в Сибирь со следующими незамысловатыми приметами: рост 2 аршина 6 вершков (169 см. – В.Б.) «лицом бел, сухощав, глаза карие, нос продолговат, прямой, волосы на голове и бровях темнорусые». Только в 1839 г. освобожден от каторги и, пробыв год на поселении в Восточной Сибири, в 1840 г. по ходатайству матери был отправлен в Западную Сибирь и поселился в Кургане. Материально был неплохо обеспечен и за 14 лет пребывания в Кургане ничем особо не занимался. По убеждениям он был старый холостяк, нрав имел вспыльчивый, вследствие чего довольно часто сталкивался с местной полицией и властями. В архивах осталось немало доносов на него, которые, конечно, не подтверждались, т. к. в противном случае меры бы были предприняты самые строгие. Лично был известен императору Николаю I, который не забыл

столкновения с Щепиным и его ротой, спешившими присоединиться к восставшим, в руках которого была жизнь монарха. В случае боевого столкновения и гибели будущего царя история имела бы другое продолжение. А так все было, как было – император царствовал в Зимнем дворце, вершил судьбы мира, наслаждался обществом прекрасных дам, а его противник доживал последние дни в Кургане, причем последние годы сильно болел («нервный удар»), психика была расстроена столь бурными событиями в жизни князя, принадлежавшего, кстати, к одному из древнейших родов России. Д.А. Щепин-Ростовский воспользовался амнистией и с января 1857 г. жил в с. Иваньково Ростовского уезда Ярославской губ. Ввиду испытываемых им материальных трудностей Высочайше было повелено выплачивать ему ежегодно 114 руб. 28 коп. сер., которые он прежде получал на поселении. Умер в г. Шуе Владимирской губ.

Юшневский 1-й Алексей Петрович (12.02.1786–10.01.1844). Генерал-интендант 2 армии. Род Юшневских происходит из Галиции: отец,

Петр Христофорович, поступил на российскую службу «на праве польского дворянина» и впоследствии был начальником Дубоссарского таможенного округа; мать – Наталья Ивановна Матвеева, русская. Владели имением в Подольской губернии (540 душ) и в Киевской губернии (180 душ). А.П. Юшневский воспитывался в Московском университете, но курса не окончил и начал

службу в Коллегии иностранных дел. Был командирован по разным делам в Подольскую губернию, в Молдавию и Валахию, был переводчиком при заключении русско-турецкого мирного договора. За исправное выполнение своих обязанностей получал внеочередные чины и ордена. В 1816 г. был причислен к штабу 2-й армии как чиновник «по дипломатической части», а в 1819 г. стал генерал-интендантом этой армии (заместитель по тылу) с присвоением чина IV класса (действительный статский советник). Это был очень ответственный и важный пост, позволяв-

ший безбоязненно «погреть руки» на поставках многих товаров, необходимых в армейской жизни, но Юшневский в этом отношении был безукоризнен. Даже находясь на каторге, он беспокоился о том, какие результаты даст проверка его дел, и очень обрадовался, когда комиссия не нашла там злоупотреблений.

А.П. Юшневский был членом Тульчинской управы Союза благоденствия (1819) и Южного общества, был одним из его директоров. Тесные узы дружбы связывали его с П.И. Пестелем: вместе они составляли конституционный проект «Русская правда», размышляли о путях России после переворота, о своем месте в этом процессе. Приговор поэтому был строг: осужден по I разряду, по конфирмации смертная казнь через отсечение головы была заменена вечной каторгой. В августе 1826 г. Юшневский был отправлен в Сибирь со следующими приметам: рост 2 аршина 6 $\frac{1}{2}$ вершков (171 см. – В.Б.) «лицом бел, нос посредственный, волосы на голове и бровях темнорусые, с просединою, на бороде и усах рыжеватые, глаза карие, на правом плече природная бородавка, на левой ноге ниже колена рубец и пятно. На обеих ногах, кроме большого, все пальцы кривые, а на правом глазе на реснице нарост, зубов нет шести».

В 1839 г. он был определен на поселение в д. Кузьминская близ Иркутска, но там не жил, а поселился в д. Малая Разводная, где построил большой дом и устроил что-то вроде платного пансиона для детей иркутских купцов. В частности, там воспитывались братья Белоголовые, один из них, Николай, в будущем известный врач и общественный деятель, оставил ценные мемуары. Умер в с. Оёк при отпевании своего умершего друга Ф.Ф. Вадковского; похоронен в с. Большая Разводная, на надгробном памятнике была надпись: «Мне хорошо (слова покойного)». Это были последние слова покойного, связанные, вероятно, с итогом всей его жизни. В 1952 г. при затоплении этих деревень Иркутским морем его прах был перенесен на Лисихинское кладбище в Иркутске.

Якубович Александр Иванович (1792–03.09.1845). Капитан Нижегородского драгунского полка. Из дворян Черниговской губернии, отец – роменский уездный предводитель дворянства, ротмистр, Иван Александрович Якубович, был крупным помещиком – за ним числилось около 1200 душ крепостных. Воспитывался дома (учителя Паро

и Себастьяни) и в Московском университетском пансионе. В службу вступил юнкером лейб-гвардии Уланского полка в августе 1813 г., участник заграничных походов 1813–1814 гг. Только 20 декабря 1816 г. Якубович получил первый офицерский чин в кавалерии – корнета, и вскоре, за участие в дуэли графа А.П. Завадовского с В.В. Шереметевым в качестве секунданта, переведен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк прапорщиком. По условиям дуэли он должен был встретиться в поединке с секундантом погибшего Шереметева А.С. Грибоедовым. Дуэль состоялась в Тифлисе, и Якубович ранил Грибоедова в ладонь. По преданию, он горько сожалел о содеянном, т. к. поэт был еще и великолепным музыкантом.

А.И. Якубович был одним из любимых офицеров наместника на Кавказе генерала А.П. Ермолова, получал внеочередные звания и награждался орденами, в скромных чинах командовал большими отрядами войск, получил широкую известность благодаря своим лихим набегам против горцев. Во время военной экспедиции А.А. Вельяминова на Кубань 24 июня 1823 г. получил тяжелую рану в голову, из-за которой носил впоследствии постоянную повязку. Через полтора года, 19 ноября 1824 г., капитан Якубович был уволен в отпуск для операции в клинике Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. В результате он целый год находился в столице, но в тайное общество будущих декабристов принят не был. Потом с его слов говорили о тайной организации в войсках на Кавказе, но собранные сведения не подтвердили эти подозрения. Тем не менее в восстании на Сенатской площади участвовал, хотя и не оправдал возлагавшиеся на него надежды по «возмущению» войск против императора Николая I.

Осужден А.И. Якубович был по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен закованным в кандалы в Сибирь 27 июля 1826 г. со следующими приметами: «рост 2 аршина 10 вершков (186 см. – В.Б.), лицом смугл, глаза карие, большие, волосы

на голове, бровях и бороде черные, бороду бреет, на лбу повыше правой брови имеет рану от пули с повреждением кости, на правой руке безымянный палец и мизинец не сгибаются, на правой руке ниже плеча имеет рану от пули навылет в спину повыше лопатки, на левой ноге в пахе имеет рану от пули навылет с повреждением кости, сухощав, плечист». По окончании срока каторжных работ Якубович был в 1839 г. обращен на поселение в д. Большая Разводная Жилкинской волости Иркутской губернии, но по собственному ходатайству ему было разрешено переехать в с. Назимово Анцыферовской волости Енисейской губернии, куда прибыл в июне 1841 г. Золотые промыслы давали возможность грамотным и энергичным людям поработать сначала управляющими на приисках, а затем самим стать золотопромышленниками. Такой вариант был бы вполне возможен, т. к. Якубович имел таланты предпринимателя и стремился их реализовывать, но состояние здоровья не позволило ему это сделать. По донесению полковника корпуса жандармов Я.Д. Казимирского, который летом 1845 г. находился на золотых промыслах Енисейского горного округа, Якубович «одержим тяжкою болезнью, лишился употребления ног и от раскрытия головной раны нередко бывает в припадке безумия». Енисейский губернатор распорядился перевезти Якубовича в ближайшую больницу в Енисейск, где он и умер 3 сентября 1845 г. «от водяной болезни в груди».

Якушкин Иван Дмитриевич (28.12.1793 (09.01.1794) – 11.08.1857), отставной капитан, член Северного общества, осужден по I разряду. Отец – смоленский помещик, отставной титулярный советник. Воспитывался сначала дома (учителя Попов, Оже, Пост, Русло, Дювернуа и Дельк). С 1808 г. – своекоштный (сейчас говорят платный) студент Московского университета (жил у проф. А.Ф. Мерзлякова). В службу вступил подпорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк в октябре 1811 г., участник Отечественной войны 1812 г., за Боро-

динское сражение награжден знаком военного ордена Георгия, участник заграничных походов русской армии, участник многих сражений. В 1816 г. переведен в 37 егерский полк штабс-капитаном и в 1818 г. вышел в отставку в чине капитана. После этого жил в своем имении Жуково Вяземского уезда Смоленской губернии, где за ним было 200 душ крепостных.

Один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия (участник Московского заговора, вызвавший совершить царевубийство). Участник подготовки восстания в Москве в декабре 1825 г. Осужден по I разряду и по конфирмации приговорен в каторжные работы на 20 лет. Больше полутора лет Якушкин провел в крепостях: сначала в Петропавловской, а затем в Роченсальмской (форт Славы). В октябре 1827 г. отправлен в Сибирь со следующими приметам: «рост 2 аршина 6 $\frac{1}{8}$ вершков (169 см. – В.Б.), лицо смугловатое, круглое, глаза темнокарие, нос большой, продолговат, на правую сторону кривоват, волосы на голове и бровях черные с сединами».

До 1835 г. находился на каторге, в 1836 г. прибыл в Ялуторовск. Здесь он частично занимался своим хозяйством, но чаще был занят первоначальным обучением детей. С помощью местных купцов и священника Знаменского он создал два училища взаимного обучения по системе Беля и Ландкастера. За 14 лет эти училища позволили пройти полный курс обучения 531 мальчику и 191 девочке, что было для небольшого уездного городка небывалым успехом. Якушкин умел расположить к себе местную власть и население и оставил о себе в Сибири самую добрую память.

После амнистии 26.08.1856 г. вернулся в Москву, где поселился у сына, инженер-полковника Е.И. Якушкина, и с разрешения генерал-губернатора А.А. Закревского оставался там для лечения до конца марта 1857 г., когда по требованию из Петербурга вынужден был выехать за пределы Московской губ. Тогда И.Д. Якушкин поселился в имении Новинки Тверского уезда, принадлежавшем его другу, управляющему Московской удельной конторой Н.Н. Толстому. В июне 1857 г. он прибыл с разрешения начальства для лечения в Москву, где вскоре и умер. Похоронен И.Д. Якушкин на Пятницком кладбище.

Источники: Восстание декабристов. Материалы. Т. 2. М.; Л., 1926; Т. 3. М.; Л., 1926; Т. 4. М.; Л., 1927; Т. 5. М.; Л., 1926; Т. 6. М.; Л., 1929; Т. 7. М.; Л., 1925; Т. 8. М., 1958; Т. 9. М., 1950; Т. 10. М., 1953; Т. 11. М., 1954; Т. 12. М., 1969; Т. 13. М., 1975; Т. 14. М., 1976; Т. 15. М. 1979; Т. 16. М. 1986; Т. 17. М., 1980; Т. 18. М. 1984; Т. 20. М.: РОССПЭН, 2001. Декабристы. Биографический справочник. Изд. подгот. С.В. Мироненко. Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988; Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени. Пояснительный биографический текст приват-доцента Московского ун-та П.М. Головачева. М.: Изд-во М.М. Зензинова, 1906; Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1905; Щеголев П.Е. Декабристы. М.; Л., 1926.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историографический очерк пребывания декабристов в Сибири	5
1.1. Дореволюционная историография деятельности декабристов в Сибири	5
1.2. Изучение истории движения декабристов в советское время	15
1.3. Изучение движения декабристов в современной литературе.....	39
Глава 2. Предпринимательская деятельность декабристов в сибирской ссылке: теоретический и практический аспекты	60
2.1. Теоретические построения декабристов в сфере предпринимательства	60
2.2. Предпринимательская деятельность декабристов в Сибири	78
2.3. Декабристы и сибирское купечество	101
Глава 3. Декабристы в сибирской ссылке	113
3.1. Социокультурный облик ссыльных декабристов в Сибири....	113
3.2. Образ жизни декабристов в сибирской ссылке.....	129
3.3. Благотворительная и врачебная деятельность декабристов в Сибири	144
Заключение	158
Список литературы и источников	160
Приложение. Список декабристов, оказавшихся в Сибири в ссылке и на поселении, с характеристикой их образа жизни, занятий и отношений с местным населением	168

Научное издание

Владимир Петрович Бойко

**ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРИ:
предпринимательство, образ жизни,
социокультурный облик**

Редактор Е.А. Кулешова
Технический редактор Н.В. Удлер

Подписано в печать 24.12.2012.
Формат 60×84/16. Бумага офсет. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,69. Уч.-изд. л. 14,21. Тираж 100 экз. Зак. № 34.

Изд-во ТГАСУ, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2.
Отпечатано с оригинал-макета в ООП ТГАСУ.
634003, г. Томск, ул. Партизанская, 15.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК